

КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

(Продолжение)

Отрывки (13)

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

(Продолжение)

Отрывки (13)

Издательство литературы на иностранных языках

К Н Д Р

109 чучхе (2020)

인민을 하늘처럼 여기신
위대한 수령 김일성동지께서
는 인민을 끝없이 사랑하시고
굳게 믿으시였으며 한평생 온
갖 풍상고초를 다 겪으시면서
오로지 인민의 자유와 행복
을 위하여 모든것을 다 바치
시였습니다.

김 정 일

Перевод на предыдущей странице

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен,
поклонявшийся народу, как небу, бесконечно
любил народ, глубоко верил ему, посвятил
всю свою жизнь ради его свободы и счастья,
преодолевая всякие лишения и невзгоды.

Ким Чен Ир

К изданию мемуаров великого вождя товарища Ким Ир Сена «В водовороте века» (Продолжение)

Солнце человечества, великий человек мира, любимый вождь товарищ Ким Ир Сен на закате лет, подводя итоги своего жизненного пути, вынашивал замысел о написании огромных по объему мемуаров. Несмотря на преклонный возраст, автор неумоимо прилагал титанические усилия, создавая воспоминания «**В водовороте века**». В свет уже вышло шесть томов этой работы.

Издание мемуаров вызвало в мире бурные отклики читателей. Эти книги стали для людей бесценным учебником жизни и борьбы, подводящим их к пониманию основополагающих принципов, положений, методов революции, влили в их сердца живую струю любви к своей Родине и нации, к народу и товарищам.

К великой скорби, автор безвременно ушел от нас, не закончив свои воспоминания. Наша утрата безмерна, она усугубляется горечью и сожалением о том, что его мемуары так и не были завершены.

Однако, уходя от нас, уважаемый вождь оставил бесценное рукописное наследие – лично составленные общие планы композиции своих книг, детали конспектов, а также множество материалов, богатейший арсенал воспоминаний о важнейших исторических событиях, фактах и личностях.

Центральный Комитет Трудовой партии Кореи, выполняя

поручение, продолжает выпуск в свет воспоминаний товарища Ким Ир Сена «**В водовороте века**», включающих все имеющиеся источники: конспекты, наброски, иные рукописи автора. И используются также многочисленные исторические документы и воспоминания из фондов партийного архива.

Книга эта безусловно послужит тому, чтобы еще глубже увековечить благородный облик, высочайшие качества, бессмертные заслуги любимого вождя товарища Ким Ир Сена как великого революционера, великого политика, великого человека, посвятившего всю свою более чем 80-летнюю жизнь процветанию Родины и нации, счастью людей. Это издание поможет нам сохранить в сердцах горячее чувство к родному вождю и отцу и испытывать безмерную честь от того, что он всегда с нами.

Центральный Комитет Трудовой партии Кореи

15 апреля 1996 года

В настоящую книгу входит часть разделов мемуаров Президента Ким Ир Сена «**В водовороте века**» (Продолжение), подобранная из девятнадцатой главы «Через перевал испытаний» и двадцатой главы «К новому подъему революции».

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТАЙНЫЙ ЛАГЕРЬ В МАТАНГОУ	1
2. СТАРОСТА ВАН И НАЧАЛЬНИК ВАН	28
3. ЖЭХЭСКИЙ ПОХОД	46
4. ВСТРЕЧА С ЯН ЦЗИНЮЕМ	69
5. БАБУШКА ЛИ БО ИК	88
6. В ЛЕСУ НАНЬПАЙЦЫ	114
7. ТРУДНЫЙ ПОХОД	139
8. ЦИНФЭНСКИЙ УРОК	181
9. СЛУЧАЙ С СОЛЮЮ	203

1. Тайный лагерь в Матангоу

На Северо-Востоке Китая есть уезд Цзинюй. В былые времена его называли Мэнцзян.

В уезде раскинулось безбрежное море дремучих лесов, называемое Пайцзы. В восточной части тайги – Дунпайцзы – затерялось местечко Матангоу.

Именно здесь главные силы Корейской Народно-революционной армии проводили в зимний период интенсивную военно-политическую подготовку. Она длилась без малого четыре месяца – с последних дней ноября 1937 года по последнюю декаду марта 1938 года.

Почти всегда, когда речь заходила об учебе детей, молодежи, учащихся, руководящих работников и военнослужащих, великий вождь товарищ Ким Ир Сен много рассказывал о том времени, об опыте учебы периода антияпонской революции.

Ниже публикуются воспоминания товарища Ким Ира Сена – часть тех эпизодов, о которых он поведал исследователям истории революционной борьбы против японского империализма.

Зима 1937 года. Тайный лагерь в Матангоу в уезде Мэнцзян. Главные усилия всех бойцов и командиров части были сосредоточены на военно-политической подготовке личного состава. Занимались там, пожалуй, месяцев четыре-пять с большим волевым и физическим напряжением.

У вас, товарищи, может возникнуть недоумение: «С какой стати тут и еще интенсивная подготовка? Ведь и

весной 1937-го, как известно, проводилась такая подготовка. Проходила она в Дунганском тайном лагере более месяца». Но в этом, я бы сказал, ничего непонятного нет.

Корейская Народно-революционная армия – это не просто военный коллектив. Это армия революции – такая, которая должна уделять главное внимание как политическим, так и военным вопросам. Овладеешь науками и военным искусством – победишь в вооруженной борьбе, да и другие дела пойдут на лад: и работа с населением, и сколачивание единого фронта, и дезорганизация вражеских войск. Вот почему мы прилагали огромные усилия для обучения и воспитания бойцов. Учеба – могучее средство, ускоряющее становление воинов.

Как вы сами знаете, товарищи, у нас давно укоренился взгляд: человек – хозяин всего, он решает все. Основываясь на такой точке зрения, мы видели и видим в сознании человека решающий фактор исхода революции.

Человек решает все – это, в конечном счете, значит, что все определяется его идейным настроем и его умственными способностями. Именно эти качества и должны непрерывно оттачиваться в процессе учебы.

Итак, мы второй раз за год проводили интенсивные военно-политические занятия. Диктовалось это, конечно, и рядом других актуальнейших обстоятельств. В то время многие люди начали падать духом. Они думали: вот-вот Япония поглотит все районы Востока. Да, действительно, японские войска после начала войны с Китаем без особых задержек захватили обширную территорию Внутреннего Китая. И, понятно, у людей начали появляться колебания. Такое происходило даже с теми, кто в свое время все-таки окунулся в водоворот борьбы за возрождение потерянной

Родины. Теперь же они либо укрывались в тихих углах, изображая собой «патриотов», сетующих на обреченную судьбу Отечества, либо разбрелись по всей земле в поисках выхода, спасения. И в рядах нашей революционной армии, хотя их было немного, колеблющиеся начали давать о себе знать.

Такая ситуация потребовала от нас усилить идеологическое воспитание и боевую подготовку воинов. Иначе мы не смогли бы укрепить собственные революционные силы, а значит, не смогли бы уверенно вести до конца свою самостоятельную линию в революции.

И еще: большой головной болью была путаница в суждениях, порожденная той или иной линией Коминтерна. Авантюристы левацкого толка, восседавшие к тому времени в аппарате Коминтерна, навязывали коммунистам Кореи и Китая курс на Жэхэский поход. Но этот курс не соответствовал реальным условиям стран. Это причинило огромный ущерб делу революции в Корее и Китае.

В кругах, симпатизирующих коммунизму, ходили два документа, получившие относительно широкое распространение. Один из них – так называемая «Программа действий Коммунистической партии Кореи», которую разработала, мол, группа инициаторов создания КПК, другой – текст выступления некоего Кима с трибуны VII конгресса Коммунистического Интернационала. Понятное дело, что в этих документах какие-то ориентиры для себя пытались отыскать коммунисты Кореи, которые после роспуска партии шатались то вправо, то влево в поисках верной руководящей линии.

Конечно, было отрадно, что с высокой трибуны конгресса Коминтерна и на страницах журнала, его печатно-

го органа, прозвучали голоса корейцев. Но надо отметить, что и «Программа действий» и выступление на коминтерновском конгрессе были, к сожалению, переполнены положениями, не отражавшими реальных условий корейской революции.

Мы уже на Калуньском совещании дали формулировку: корейская революция по своему характеру является не буржуазно-демократической, а антиимпериалистической, антифеодальной демократической. И за нашими плечами был опыт проведения в партизанских районах линии на установление народно-революционного правительства.

Отсюда вытекала наша убежденность в том, что прежде всего надо дать командирам и бойцам КНРА четкое понимание необходимости сохранения самостоятельной линии корейской революции.

Вот в чем состояла одна из причин того, что я написал статью «Задачи корейских коммунистов» и использовал ее в качестве учебного материала на интенсивных политзанятиях. В статье я заново объяснил характер и ближайшие задачи корейской революции, наметил задачи коммунистов Кореи по осуществлению ее на началах самостоятельности.

У нас была и другая необходимость повторной организации военно-политической подготовки личного состава. Новобранцев надо было закалять как в политическом, так и в военном отношении.

Матангоу было далеко от опорного пункта вражеского хозяйничания. Здесь революционной армии было удобно проводить целую зиму, занимаясь военно-политическим обучением.

Еще жив в моей памяти тот день, когда мы пришли в

этот край. В тот день мы полакомились картошкой, а испекли ее в печке, сооруженной бойцами заранее направленного сюда дозорного наряда. В Мэнцзяне хорошо родится картофель: в этом он не уступает Фусуну и Аньту. Как наяву вижу картофелину величиной с большую пиалу – такую, что больше одной не поместится в черпаке-горлянке. Ох, и вкусным был тот картофель!

Первым делом мы созвали совещание военных и политических кадров. На нем для каждого бойца и командира был определен рубеж учебных занятий, которого они должны были достичь за этот зимний сезон. Затем по отрядам, организациям, группам занятий проходили сборы, на которых бойцы крепили свою решимость прилежно заниматься учебой. «Учеба – это тоже бой!», «Учеба для революционера – первейший долг!» – подобные лозунги мы выдвинули с самого начала военно-политической подготовки. Я велел расклеить эти призывы, написанные крупным почерком, во всех казармах.

В наших партизанских рядах было мало тех, кто получил какое-либо образование в стационарных учебных заведениях. Конечно, сравнительно грамотными считались Ма Дон Хи, Чвэ Гён Хва, Ким Ён Гук, Кан Дон и другие, которых даже прозвали за образованность «студентами». Но образование «студентов», увы, не выходило за рамки начального или, в лучшем случае, среднего. Все были люди из бедных семей, так что при всем желании им не удалось получить доступа к учебе. Наиболее образованным среди них оказался Со Чхор – выпускник медицинского техникума. Но и он окончил его вовсе не потому, что у него карман был набит деньгами: человек настойчивый, усердный, он сумел закончить техникум за счет средств,

зарабатываемых им самим в трудных условиях. В нашей части таких эрудитов, как Пак Со Сим, Чха Гван Су и «старик с трубой», можно было пересчитать по пальцам.

И вот начались в Матангоу военно-политические занятия. И тут я заметил, что отдельные новобранцы показывают себя только в боевой подготовке, а на политзанятиях усердия не проявляют. Одним из типичных таких представителей оказался человек по имени Пак Чхан Сун. Кстати, он был совершенно безграмотен – даже не умел написать три слога своего имени! И вся беда была в том, что боец нисколько не стыдился своего незнания. Наоборот, он порой не без самоуверенности громогласно бахвалился: «Я, право же, в грамоте не разбираюсь. Но, знаешь, воевать могу лучше других». И, естественно, самодовольный парень то и дело пропускал часы политзанятий. Спрашивают его: «Зачем ты, друг, занятия пропускаешь?» А он в ответ: «Знаете, ребята, у меня в голове все тьма кромешная. Грамоте никак не могу учиться. Лучше бы, по-моему, в те часы потренироваться в стрельбе, чтобы больше убить япошек».

Однажды я пригласил того Пак Чхан Суна, начал разговаривать с ним. Указывая на стоящий перед нами мелколистный клен, задаю парню вопрос: «Скажи-ка ты, на что это деревцо годится?» Отвечает: «Ну что ж, по-моему, на топорище». Второй мой вопрос: «Ну а теперь скажи, что надо делать, чтобы растить теленка рабочим волом?» Слышу: «Ну, ему-то надо в нос кольцо продевать».

В разговоре на такие житейские темы у него, настоящего мужика, ни запинки – хорошо подвешен язык!

Я ему говорю: «Ответы великолепны. Это, я вижу, потому, что ты сам занимался земледелием. Иначе не

поймешь всех этих вещей. И в революционной работе действует такое же правило: хорошо поймешь, что и для чего, как надо делать, – сможешь здорово вести революцию. Без знания вещей, даже если увидишь вон тот клен, не поймешь, что он годен для хорошего топорика. Кто не овладел приемами уничтожения врага, тот не способен уложить много неприятелей. Только одним ружьем не победишь врага. Значит, раз ты не сможешь учиться, нам придется вернуть тебя домой. Как сможет делать такую нелегкую революцию тот, кто говорит: «Не могу учиться – это тяжело»? По-видимому, тебе остается только сдать оружие и заниматься у себя дома земледелием. Какой ты выбор сделаешь?» Он, явно ошеломленный такой постановкой вопроса, был не на шутку обескуражен и, вижу, очень обиделся на мою головомойку.

Пак Чхан Сун, поскольку он пришел к нам ради революции, не мог покинуть нас из-за нежелания учиться. После этого случая он просто с головой ушел в учебу.

Среди новобранцев нашелся еще один ленивый «ученик». Все неудачи в учебе он объяснял своей плохой памятью. Фамилия его была Квон, а как звали по имени, не помню. Друзья, разумеется, советовали ему: «Ты, братец, учись прилежно». Но тот парень каждый раз вместо того, чтобы прислушаться к такому совету, забрал себе в голову другое. Он говорил: «Слушайте, ребята, ради бога. И предводитель Хон Бом До был точно таким же неграмотным, как я, но был начальником Армии независимости – здорово командовал». Не знаю, откуда он знал такую вещь – видимо, понаслышке. «Вы, ребята, говорите: если не знаешь – не сделаешь революции, – продолжал он. – Что это за чепуха, а?» Этот ленивец своим поведением затмил

Пак Чхан Суна. Он настолько упрямец, заваривал такую кашу, что командир его роты и политрук просто хватались за головы и, наконец, обратились за помощью ко мне.

Я написал письмо к тому новобранцу и передал его через своего ординарца. А во всех ротах велел строго предупредить: никто не должен читать вслух ему это письмо.

Ординарец передал ему мое письмо. Неискушенный боец, обескураженный «сюрпризом», просто не находил себе места. А как иначе! Рядовой боец получил личное послание от Командующего! Беда состояла в том, что парню было совсем неизвестно, что написано в письме. Обратился к знакомым, умолял прочесть ему написанное. Но те под разными предлогами отказывали в его просьбе. Очень взволнованный, он просто исходил весь отряд – из взвода во взвод, из роты в роту. Валялся чуть ли не у каждого в ногах, молил: «Прошу прочесть письмо!» Но так и не нашел себе помощника. Подумайте, в какой заколдованный круг он попал!

Ничего не поделаешь, и Квону пришлось идти ко мне и умолять сообщить ему, что говорится в том письме.

Я зачитал написанное. В письме содержалось срочное распоряжение: выполнить такое-то задание в такой-то срок и доложить лично Ставке Командования. Но когда он пришел ко мне с письмом, уже ушло время, указанное в распоряжении. Оказывается, боец не выполнил задание, порученное ему Командующим. Он просто не смел поднять голову, по его лицу текли струи пота.

Я ему говорю: «Вот видишь, из-за того, что ты – человек неграмотный, даже не выполнил приказа Командую-

щего. Теперь представь такое. Если бы я дал тебе какой-то приказ в письме, когда ты действуешь во вражеском районе, то что случилось бы, по-твоему, а?»

Тот, роняя крупные слезы, раскаялся в своем поведении. После этого случая он начал учиться с огоньком, а впоследствии стал довольно грамотным военно-политическим руководящим работником.

Кстати сказать, хотелось бы подчеркнуть еще одно: суть дела – в том, что именно прилежная учеба помогла стать славным бойцом даже такому человеку, который не знал раньше и азав.

А вот что касается того периода, когда мы действовали в Ванцине. В нашем отряде был боец по имени Ким Ман Ик. К нему прижилось оригинальное прозвище – «Гуньян». «Гуньян» – это по-китайски девушка. Такое прозвище ванцинцы подарили ему за светлую кожу, пристойность поведения, за внешнюю красоту. Но у него было и то, что не под стать девушке, – «Гуньян» выделялся гигантским ростом.

Вначале он состоял в Молодежной добровольческой армии, участвовал и в бою при обороне Сяованцина. После официального вступления в партизанскую армию парня зачислили в роту Чвэ Чхун Гука. Воевал здорово. Простой человек из деревни до своих 20 лет ни разу не видел даже поезда. Человек этот ничем не засорен, не запятнан – душа у него была чиста, как лист белой бумаги.

Однажды ему довелось с друзьями участвовать в налете на поезд. Тут он своим поступком насмешил соратников. Перед самым боем парень лег на землю, приложив ухо к железнодорожному рельсу. Заметив его странное поведение, друзья спросили: «Что ты там делаешь, дружок?» А

тут Ким Ман Ик, вставая, говорит: «М-да, а я не знал, что такое поезд. Теперь-то понял. Тут, вижу, ничего особенного. Это такие железные сани, что скользят, как розвальни. Только по стальным путям». Таким был он. Но и он, столь плохо разбиравшийся в обыденных, казалось бы, вещах, учился у нас грамоте. Впоследствии стал молодежным работником роты, сам начал воспитывать других бойцов. Он участвовал в боевых операциях по освобождению Северо-Востока Китая. Вернувшись на Родину, служил в дивизии Кан Гона командиром батальона, затем и полка.

Не знаю, рассказывается ли в наших книгах, посвященных Отечественной освободительной войне, о Ким Ман Ике, который отлично командовал подразделением, а затем частью в боях за освобождение Сеула и Тэчжона. Он пал, наверно, на рубеже реки Рактон. Его сильно ранило в живот и шею, но он двое суток не покидал поле сражения, продолжая командовать войсками, и погиб смертью храбрых.

Немало трудились работники секретариата и типографии над успешным проведением военно-политической подготовки партизан. Вблизи тайного лагеря они соорудили типографский пункт, где выпускались много учебных пособий, различных материалов для занятий. Главными литераторами секретариата являлись Чвэ Гён Хва и Ким Ён Гук. Первый работал главредом газеты «Чонсо-ри» («Звон колокола»), а второй был ответственным за выпуск газеты «Согван» («Заря»). Двое, – они сыграли в этом главенствующую роль, – вместе со «стариком с трубкой» без устали, не покладая рук, писали статьи, разъясняющие содержание учебного материала, и литературные произведения в помощь слушателям, которые

публиковались в печати внутреннего пользования. Они также получали от читательского актива живейшие заметки, от которых, как говорится, пахло потом и порохом. Итак, зимой того года, не говоря уж о бойцах группы самоподготовки, даже и «ученики» группы азбуки проявляли довольно большую активность в подготовке публикаций для газеты и журнала. А когда человек возьмется за перо, как правило, он входит в мир широкого кругозора и поневоле загорается огоньком в учебе.

Основная тематика политзанятий – самостоятельность в революции, революционные убеждения, революционный дух опоры на собственные силы. Весь комплекс проблем отражал требования суровой ситуации нашей революции, сложившейся после начала китайско-японской войны. И в те дни, как сейчас, необходимость отстаивания независимой линии представляла собой жизненную артерию корейской революции. В качестве главного учебного материала в военно-политических занятиях в Матангоу использовались «Программа Лиги возрождения Родины из 10 пунктов», «Задачи корейских коммунистов» и другие документы. Это было вполне понятно: в них была четко освещена наша самостоятельная позиция по вопросам революции.

В Матангоу мы уделяли большое внимание и военной подготовке. Главной задачей в ее процессе было полное освоение слушателями содержания пособий «Действия партизанской армии» и «Элементарные знания партизанской армии», в которых обобщались приемы ведения партизанских боев. Долг комсостава состоял в том, чтобы уделять особое внимание тактическим занятиям, а задача рядовых бойцов – заниматься в основном огневой

и строевой подготовкой, совершенствуя одновременно практические действия.

В Матангоу обучали бойцов не только тактическим приемам партизан. Предметом изучения была и тактика регулярных войск. Она была включена в программу занятий для того, чтобы глубже узнать противника именно с тактической точки зрения. Но при этом однако мы ставили перед собой и другую цель. Ведь в будущем нам предстояло решить большую задачу – создать на освобожденной Родине регулярную армию: значит, мы должны были заранее овладеть необходимыми для этого знаниями.

Мы часто проводили под открытым небом семинары по тактике, создавая обстановку, максимально приближенную к боевой. И рядовых партизан приобщили к освоению приемов тактических действий. Новобранцев, не разбирающихся в географической карте, ознакомили с методами понимания карт и ориентировки по компасу.

Порой мы проводили и боевые операции. Это нужно было для того, чтобы новички на боевой практике действительно закрепили знания, полученные в ходе военного обучения. С этой целью мы провели бои в Цинцзяндяньцзы и Цзинаньтуне именно в те дни, когда в Матангоу шли военно-политические занятия. Как-то к тому времени наши бойцы устроили и бой из засады: нужно было добыть хозяйственные материалы.

Когда атаковали Цзинаньтунь, мы потеряли Чвэ Гён Хва. В том бою Кан Дон обморозил ноги – из-за плохого ухода за ними. Впоследствии он погиб. Оба они вступили в отряд в Чанбае. В отличие от других простых новобранцев каждый из них до этого руководил в Чанбае несколькими крупными подпольными организациями и уже

после этого пришел в революционную армию. Это были многообещающие бойцы, вышедшие из среды интеллигенции.

Чвэ Гён Хва нашел и воспитывал Квон Ён Бёк, который, находясь в Ванцзягоу, направлял дело создания в районе Западного Цзяньдао местных парторганизаций и организаций ЛВР. Как действовал он в то время в этой деревне, я здесь не собираюсь больше рассказывать, ибо об этом уже не раз говорилось.

Что касается Кан Дона, мы его нашли и воспитывали, находясь в Западном Цзяньдао. За его плечами – всего-навсего образование в повышенной группе в начальной школе. Но он успел самостоятельно проштудировать конспекты лекций для средней школы, изучил историю развития общества. Давно он включился в массово-просветительную работу, внося тем самым громадный вклад в воспитание людей в духе борьбы против японского империализма, на идеях патриотизма. Широко известными были вечерние школы, которые он сам создал и направлял. В этих учебных заведениях Кан Дон выпестовал целую плеяду революционеров. В нашей части было много его учеников. Ли Ыль Сор – тоже его ученик. В наши дни и того, кто хоть одного героя воспитает, довольно шумно рекламируют. Если иметь в виду этот факт, то ему, можно сказать, принадлежат громаднейшие заслуги.

Кан Дон, находясь в деревне Инхуадун, был причастен к рождению организаций ЛВР, сам создал Анти-японское молодежное общество. Эти формирования зарекомендовали себя в движении за оказание помощи революционной армии. Будучи старостой десятидворки, он непрерывно собирал и посылал нам и ценную воен-

ную информацию, необходимую для нашей деятельности. Когда он пришел к нам, неся на себе материалы для помощи партизанам, я его принял в Хэйсяцзыгоуском тайном лагере.

После того, как прокатился гром «Хесанского дела», Кан Дон эвакуировал революционно настроенные массы в безопасную зону, а сам вместе с молодыми людьми села вступил в нашу часть. Конечно, он был в составе новобранцев, но мы назначили его пропагандистом роты. Он великолепно, в соответствии со своей служебной должностью занимался просвещением рядовых бойцов. Чон Мун Соб тоже находился, наверное, под его большим влиянием.

Кан Дон всегда был активным участником обсуждений, дискуссий на занятиях. Он много раз писал и статьи для печати внутреннего пользования. Особо впечатляющей была его публикация в «Чонсори», в которой он острым пером разоблачил злодеяния японских империалистов в Чанбае, совершенные ими после спровоцирования «Хесанского дела». В статье живейшим образом автор сумел передать собственные переживания.

Когда наша часть проводила в Матангоу военно-политическую подготовку, я однажды направил Кана Дона в уезд Хуадянь: нужно было установить связи с частями 4-й дивизии. От Матангоу до Хуадяня – свыше 120 километров. К тому же там был расположен усиленный кордон противника. Кан Дон как-то слышал, что меня беспокоит отсутствие информации о частях 4-й дивизии. И он сам вызвался идти в Хуадянь. С поручением справился отлично. Я был просто восхищен его верностью, его мужеством, когда он вернулся ко мне из Хуадяня с целым

«мешком» ценнейших разведанных.

Когда наш отряд налетел на Цзинаньтунь, он ручной гранатой обезвредил вражеский форпост и, идя впереди атакующих, открыл путь к наступлению. Уничтожив форпост, он занял позицию, чтобы преградить путь возможного налета противника, и там он сильно обморозил ноги. По возвращении в тайный лагерь мы оставили его в покое для лечения.

Но даже и обмороженный, он не хотел спокойно лежать и лечиться. С одной стороны, больной лечился, с другой – занимался своим делом: выступал с лекциями перед слушателями, учил бойцов грамоте, писал в газету. Проводил он день за днем буквально без сна, без отдыха. К несчастью, однажды враги налетели на тайный лагерь. Кан Дон, взяв в руки оружие, бесстрашно вступил в бой. Получив сквозное пулевое ранение в живот, он впоследствии скончался от осложнений. Он нам был очень дорог, и, потеряв его, мы испытывали несказанную горечь.

Героическая жизнь Кан Дона подтверждает истину: кто прилежно учится, тот показывает яркий пример и в практических революционных делах, становится творцом бессмертных свершений, незабываемым Родиной, вечно живущим в памяти народной. Знакомые мне героипартизаны все без исключения придавали в будни важнейшее значение учебе. Из тех, кому было лень учиться, не вышло героев, достойных служить примером для грядущих поколений. Тот, кто богат запасом «духовной пищи», где бы и чем бы он ни занимался, непременно готов пойти на великий подвиг во имя революции, – таков закон. По словам руководителей Министерства Народных Вооруженных сил, герой КНДР Ли Су Бок тоже прилежно

учился в свои ученические годы.

Я, признаться, не видал, чтобы недобросовестный в учебе был силен своими убеждениями, как и не видал, чтобы оставался верным чувству революционного долга тот, у кого нет твердых убеждений. Человеку надо много учиться. Лишь тогда он будет силен убеждениями и воспламенится страстью к свершению революции.

Товарищ Ким Чен Ир отметил, что человек видит, слышит, чувствует, воспринимает настолько, насколько знает. Это довольно мудрые, золотые слова.

В дни военно-политической подготовки мы широко проводили и работу по повышению культурного уровня личного состава. Мы частенько организовывали разучивание революционных песен, порой собирались вместе повеселиться. Кроме того, нередко проводилась трибуна читателей, на которой ораторы знакомили слушателей с революционными романами, повестями, рассказами, с биографиями великих людей. Это помогало бойцам быть оптимистами в жизни и борьбе. В тайном лагере почти не проходило дня без развлекательных мероприятий.

По нашему жизненному опыту, песня – это символ революционного оптимизма, символ победы революции. Я часто говорю: в человеческой жизни должны быть и стихи, и танцы, и песня. Иначе какой же смысл жить человеку?!

Мелодии наших песен звучали везде: и на бивуаке, и на импровизированной сцене, и на поле брани. Громко раздается песня – значит, высок боевой дух: войско с возрастающим боевым порывом, как правило, не знает поражения в сражениях. Гремят звуки песен – растут, крепнут революционные ряды. Там, где громко звучит песня, – наверняка победа революции.

В те дни предметом особого нашего внимания была и культура быта. От нечистого тела не жди здоровой души. Подобно этому в грязном, разлаженном, беспорядочном отряде нельзя надеяться на стальную боевую силу. В прошлом враги, едва только заметив следы мест ночлега и кострищ в нашем отряде, прекращали свою погоню. Уже одно это давало им понять, сколь высоки дисциплина, порядок, боеспособность нашей армии.

Однако в первые дни жизни в Матангоуском тайном лагере бросались в глаза такие роты, в которых люди делали, так сказать, «разминку», строя жизнь спустя рукава. Наблюдались даже такие случаи: бойцы, заранее не запасшись дровами, безмятежно сидели. А когда приходил час приготовления пищи, они спешили бездумно валить любые деревья, стоящие вокруг тайного лагеря.

Я решил создать в тайном лагере образцовое подразделение, чтобы все бойцы части следовали его примеру. Вызвал к себе О Чун Хыба – командира 4-й роты 7-го полка. Это была стержневая рота, она обладала самой большой боеспособностью. Я рассказал ему о тех или иных недостатках в лагерьной жизни. Он же воспринял мое замечание как критику в адрес своей роты. Вернувшись в подразделение, он поднял целые «вихри» вокруг оздоровления быта и изменил облик роты до неузнаваемости. Через три дня комроты подошел ко мне и говорит: «Постарался я кое в чем изменить жизнь роты к лучшему. Можете как-нибудь осмотреть».

На следующий день мы вместе с военно-политическими работниками пошли в 4-ю роту. Поняли, что облик подразделения заметно изменился к лучшему. Вокруг тайного лагеря все было в чистоте, все приведено в такой

порядок, что не к чему придраться. Так, рядышком с кухней стояла поленница дров из сухостоя. Они дают меньше дыма. Их, вижу, хватило бы, как говорится, с лихвой и на несколько месяцев.

Я велел О Чун Хыбу проверить оружие подчиненного личного состава. Перед выстроившейся ротой он первым делом передал свое оружие командиру 1-го взвода на проверку. Выдержав «экзамен», комроты начал проверять оружие бойцов.

Я посоветовал всем военно-политическим работникам части, пришедшим на осмотр, проверять вместе с комроты все аспекты ротной жизни: состояние оружия, обмундирования, порядок в казармах, на кухне, в умывальнях. После осмотра я говорю им: «Скажите, пожалуйста, если есть у вас какие-то замечания». Все они в один голос ответили: «Отлично!»

После этого случая и другие роты, взяв пример с 4-й роты, коренным образом улучшили управление подразделениями и культуру быта.

Раз зашла речь об оздоровлении быта в Матангоуском тайном лагере, мне вспоминается и еще одно, что там было. Это «движение за воздержание от курения». То было второе по счету движение под девизом «не курить», которое развернулось в нашей главной части. Зачинщиком первого движения выступил по моему совету Ли Ду Су в те дни, когда мы воевали у подножия гор Пэкту. А второе движение такого рода в Матангоуском тайном лагере добровольно было организовано и развернуто самими заядлыми курильщиками.

Генеральная задача интенсивной военно-политической подготовки, проведенной нами в этом тайном лагере,

состояла в том, чтобы воспитать всех наших командиров и бойцов революционерами коммунистической формации, действительно служащими делу корейской революции. Основная миссия учебно-воспитательной работы в любом обществе – воспитать людей в духе верного служения общественному строю данного периода. Японцы, захватив нашу страну, создали видимость, что они-де обучают корейцев. Но цель у них была ясна: «укрощать» детей, молодежь Кореи до такой степени, чтобы они приучились к рабскому труду. Поэтому они не давали корейцам высшего образования. Для рабского труда, по их мнению, хватило бы освоения минимума чисто практических навыков.

У науки, говорят, нет государственных границ. Но в общем-то сама наука в зависимости от того, ради кого и как она используется, приносит человеку либо пользу, либо вред.

Чтобы знания стали полезными для человечества и народов, образование призвано служить воспитанию людей настоящими, зрелыми во всем – и в идейно-духовном, и в нравственно-моральном, и в культурно-техническом отношениях. Для этого нужно наладить идейно-моральное воспитание. Любовь к человеку, любовь к народу, любовь к Отечеству – все это не спускается с неба само собой, а растет на ниве здоровых идей и убеждений. Я не видал, чтобы обладатель низкой нравственности любил человека, любил свой народ и Родину.

Наш социализм четко отличается от социализма в других странах тем, что у нас партия и государство прилагают свои главные усилия не только к экономическому строительству с его материальным приоритетом – они, обеспечивая опережающее проведение идеологического

воспитания с его основной ориентацией на человека, воспитывают настоящих людей, прекрасно подготовленных как в технико-деловом отношении, так и в идейно-моральном плане. Мы – не приверженцы доктрины «материальные блага – превыше всего», а сторонники идеи «человек – превыше всего». Поэтому самое большое богатство страны мы видим в том, что у нас умножаются ряды замечательных людей.

Военно-политическая подготовка личного состава в Матангоуском тайном лагере представляла собой и процесс воспитания нового человека – человека с качествами, обликом настоящего революционера-коммуниста.

После боя в Цзинаньтуне мы возвращались в Матангоу в свой тайный лагерь. И тут случилось ЧП: один из новобранцев в пути потерял оружие, хозяином которого был Кан Дон. При своем отправлении в тайный лагерь он, обмороженный при несении заградительной службы, передал свою винтовку Чу Чэ Иру – ротному политруку. А когда отряд уходил с поля боя, один новобранец, – ему пока не вручили оружие, – вызвался нести на плече винтовку Кан Дона. Ему, правда, захотелось облегчить ношу политрука. И тот по просьбе новичка передал ему винтовку.

От Цзинаньтуня отряд уже ушел довольно далеко. И вдруг Чу Чэ Ир просто ахнул: на плече у того новобранца, человека такой доброй души, не было видно винтовки! Узнал: оказалось, на промежуточном привале он снял с плеч оружие, забыл – и дальше пошел с пустыми руками. Политруку вместе с новобранцем пришлось вернуться назад и преодолеть путь в десятки ли. Искали в темноте добрых три часа, но оружия так и не нашли.

По прибытии в тайный лагерь политрук доложил мне, что и как случилось в походе, и предложил наложить взыскание на новобранца, потерявшего винтовку. Подвергать суровому наказанию тех, кто потерял оружие, – норма дисциплины нашей революционной армии.

Я ему говорю: «Какое наказание лучше бы избрать? Выскажи, пожалуйста, свою мысль, если она есть у тебя». Чу Чэ Ир отвечает, что пока у него нет никакого соображения. «Ну ладно, – продолжаю я. – Можешь быть свободен. Только поразмышляй всерьез, какое взыскание подходяще».

Велика была, конечно, вина новобранца, потерявшего оружие, но более серьезными, на мой взгляд, оказались легкомыслие и безответственность самого политрука, который, не приняв никаких предупредительных мер, ни о чем не задумываясь, передал винтовку в руки того новичка.

За плечами Чу Чэ Ира – богатый боевой опыт. Он умел взвешенно подходить ко всем делам. Просто было очень жаль, что он, столь сдержанный, столь глубоко всегда ответственный, даже скрупулезный, допустил подобную ошибку в обращении с новобранцем. Я дал ему время поразмышлять о случившемся для того, чтобы предоставить возможность ему самому глубоко обдумать свой проступок.

Утром следующего дня он пришел ко мне и сказал: «Наказанию должен быть подвергнут я. Тут ни при чем новобранец, потерявший оружие. Сам я виноват – невнимательность, безответственность. Это, в конечном счете, и привело к происшествию, которое случилось с новобранцем». Он точно вскрыл свои ошибки, с открытой душой раскритиковал самого себя.

Я созвал совещание и поставил в повестку дня вопрос о Чу Чэ Ире. Нужно было дать командирам должный урок.

На совещании было решено снять его с должности политрука 1-й роты 8-го полка и перевести в секретариат в качестве вспомогательного работника.

Новобранцев глубоко тронула информация о совещании: ответственность за утерю оружия понес не потерявший его, а командир, который и снят с прежней должности. Это позволило им всеми фибрами души ощутить, на основе сколь высокого морального долга складываются отношения между начальниками и подчиненными в рядах революционной армии.

Тот новобранец, что потерял винтовку, терзался душой и, наконец, пришел к Чу Чэ Иру и со слезами на глазах просил прощения. И ему Чу Чэ Ир самокритично говорил о себе: «Меня сняли с должности за мои ошибки. Беда не от тебя. Происшествие случилось, конечно, с тобой, но причина его, честное слово, во мне. Я как политработник, признаться, плохо помог тебе. И даже, знаешь, попытался сперва свалить с больной головы на здоровую. Мне стыдно смотреть тебе, боевому другу, в глаза».

После этого Чу Чэ Ир перешел в секретариат и там начал добросовестно выполнять новые служебные обязанности.

Наступил день завершения военно-политических занятий. В тот день я снял с него наложенное взыскание и назначил его политруком комендантской роты. В тот же период был назначен командиром полка Ким Чу Хён. Его раньше мы сняли с должности начальника интендантских служб Командования. Наказанный отлично занимался идейным самовоспитанием и учебой.

Как видите, подготовка в Матангоу стала эффектив-

ным катализатором в повышении военно-политических и идейно-моральных качеств каждого бойца, каждого командира.

После боев в Люкэсуне и Цзясиныцзы мы находились в Байшитане. И там около 40 дней тоже провели за военно-политическим обучением.

Что побудило нас там, в тайном лагере, повторно провести более чем месячную подготовку такого рода? Прежде всего то, что в Люкэсуне и Цзясиныцзы в наш отряд вступили группами рабочие лесоразработок. Их было более 200 человек. Не обучив этих людей, мы не могли бы приступить к очередному этапу действий.

Среди новобранцев было много неграмотных. Они, конечно, стремились делать революцию, но общий уровень их сознания был низок. Так, многие из них не понимали, почему рабочие должны выступать в роли руководящего класса в нашей стране, где подавляющее большинство населения составляло крестьянство.

В ту пору в числе неграмотных был и Сон Чон Чжун. До прихода к нам в отряд он трудился на лесоразработках, а до этого пахал землю в Аньту. После того, как партизаны ударили на Ханьцунгоу, парень начал осознавать себя. От Аньту не очень далеко Ханьцунгоу. Тот бой, говорят, дал мощный толчок сознанию и чувствам жителей Аньту.

Итак, он пришел в партизаны из лесорубов, но им владела мысль: руководящим классом в революции должно быть крестьянство. Такие думы не покидали его и в дни, когда в Байшитане началось военно-политическое обучение. Исходил в своих суждениях он из того, что крестьян по своей численности гораздо больше, чем рабочих.

Большинство новобранцев не умели даже обращаться

с винтовкой, не знали и азов строевой подготовки. А что касается легкого оружия, то бойцы Народно-революционной армии имели его, увы, более десяти видов. Так, в ходу были пулеметы и японские, и немецкие, и чешские. И винтовки имелись разнообразные. Использовались более четырех типов пистолетов. Значит, хочешь быть партизаном, научись владеть всем этим разнообразным оружием.

Однажды в каком-то бою, помнится, мы захватили у японцев несколько пулеметов. Кстати, пулеметы японского производства тоже были разного устройства: у одних магазинная коробка вставлялась сверху, у других – сбоку. Из первого стрелять было удобно, а приемы стрельбы из второго были довольно мудреными. Взяли мы в плен японского пулеметчика и принудили его растолковать наставление по стрельбе. А он, как на грех, заартачился. Но оказалось, что пленный пулеметчик – наркоман: дай только опиум – выдаст всю тайну. Дали ему кусок опиума, и нам удалось раскрыть секреты стрельбы из этого пулемета.

После этого я составил наставление по использованию пулемета и оно пригодились для обучения бойцов.

Видите, так мучиться нам пришлось лишь над тем, чтобы овладеть правилами стрельбы, приемами сборки и разборки всего одного вида пулемета. А ведь перед нами – рабочие, те, которые раньше возились только с лесом. Как же они станут достойными партизанами без прохождения курса военно-политического обучения?

Мы дали О Бэк Рёну задание: таскай за собой врагов туда и сюда, измотай их до смерти, отводи на отдаление, за 160 – 200 километров от Байшитана.

Мелкие отряды, отправленные в разные районы, при-

везли запас хозматериалов и оружия. Затем мы, как говорится, замкнувшись в тайном лагере, начали военно-политические занятия. О том, что мы приняли в свои ряды сотни новых партизан, услышал Чвэ Хён и прислал нам десятки единиц оружия.

В Байшитане мы, учитывая возможность непредвиденных случайностей, проводили занятия в два этапа: первый – экстренный курс обучения установленным предметам в сжатый срок, второй – процесс повторения, закрепления усвоенных знаний.

Мы определили задачи по занятиям: бывалым бойцам – повысить уровень своих знаний на одну ступень выше и помочь новобранцам в учебе, а последним – за месяц ликвидировать свою безграмотность и в совершенстве овладеть всеми видами оружия. После уточнения рубежей учебного курса были организованы соревнования между полками, ротами и отдельными партизанами. С началом военно-политических занятий в Байшитане мы вместе с лозунгом «Учеба – тоже бой!» выдвинули призыв: «Чем труднее и сложнее, тем активнее надо учиться».

После этого все новобранцы окончили курс ликбеза. Нам хотелось узнать, чему они научились за это время. Для этого им предлагалось написать письма к родителям, братьям и сестрам в родные края. Вижу – каждый непременно выразил родным языком свои мысли и чувства. Они успели научиться обращению с оружием, методам сборки и разборки винтовки, пистолета, пулемета и так далее. Некоторые из них даже опубликовали свои работы в печати внутреннего пользования.

Зимой того года все бойцы – и «искушенные», и новички – писали заметки для газеты и журнала.

Настал день подведения итогов первого этапа проведенной подготовки. Состоялась торжественная церемония премирования отличников, проводились развлекательные мероприятия. Заслужившим высокие оценки при подведении итогов занятий вручили премию: часы лучшего качества, золотые кольца, авторучки и так далее.

Зимой того года мы в Байшитане чаще всего готовили еду из растертых соевых бобов. Невдалеке от нашего тайного лагеря находилось местечко Дапучайхэ, пониже которого лежали поля с неубранными бобами. По советам местных крестьян мы на корню покупали урожай с полей и убирали там сою. Все просили готовить блюда из растертых бобов.

В зоне Байшитанского тайного лагеря в глуши стояла одинокая изба, хозяину которой пришлось сюда забраться от гонений вражеских карателей. Находясь в его доме, я приготовил это соевое кушанье, смешанное с нарезанными листьями мороженой капусты, затем сделал из него комья величиной с кулак и оставил их замороженными. На еду заваривал в кастрюле по одному кому растертых бобов. Ел его три раза в день, но аппетит у меня не терялся. Помаленьку добавлял в это блюдо и кукурузу, экономя зерна. А вкус-то какой получался – пальчики оближешь!

Занятия в Байшитане дали большую отдачу в нашей военно-политической деятельности, развернувшейся в период завершения обходных операций крупными отрядами, в том числе боев в Хунцзихэ и Дамалугоу, а также в период действий небольшими отрядами.

И впоследствии я не раз говорил: «Только знающий может смотреть вперед». Я часто подчеркивал, что наши работники должны постоянно учиться, учиться и еще раз

учиться, непрерывно повышать свои политические, профессиональные знания и навыки.

Сегодня у нас претворяется в жизнь революционный лозунг, выдвинутый товарищем Ким Чен Иром, – «Всей партией учиться!» Во всей стране царит революционная атмосфера учебы – каждый трудится без отрыва от учебы, каждый учится без отрыва от производства.

2. Староста Ван и начальник Ван

Среди китайских друзей, которые оказывали КНРА активную материальную и духовную поддержку во второй половине 1930-х годов, были двое по фамилии Ван. Оба служили во вражеских учреждениях. Один был старостой села Дахуангоу уезда Линьцзян, другой – начальником филиала полицейского участка марионеточного государства Маньчжоу-Го в Цзяцзяине этого уезда. Местные люди звали его просто «начальник Ван».

Как эти двое Ванов, непосредственно проводившие в жизнь колониальную политику японских империалистов в низовых административных органах, установили связи с КНРА, как они, в конце концов, сочувствовали и поддерживали антияпонскую революцию? Общение с ними явилось одним из звеньев политической работы, организованной лично товарищем Ким Ир Сеном после возникновения китайско-японской войны.

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен встретился с каждым из них только по одному разу. С тех пор прошло много десятков лет, но он их не забыл.

Первым о старосте Ване сообщил мне Чу Чэ Ир, политрук 1-й роты 8-го полка. Вернувшись с задания из вражеского района, из села Дахуангоу уезда Линьцзян, он подробно доложил об этом человеке. Для расширения организаций ЛВР в районе Дахуангоу, сказал он, надо первым делом завоевать на нашу сторону именно его.

Биографию Вана рассказал Чу Чэ Ир у один из членов

организации. Он был принят в партию, когда Чу работал секретарем партячейки в Нюсиньшане, что в поселке Саньдаогу уезда Хэлун. Но когда враги узнали, что за человек он, ему нельзя было оставаться в Хэлуне. Парт-организация помогла ему переправиться в уезд Линьцзян, где жил его родственник.

Поселился он в шалаше под Дахуангоу, где жил, еле еле сводя концы с концами. Но и здесь, в уезде Линьцзян, он, как мне доложили, не отказался от работы по созданию организации, спланировал вокруг себя надежных людей.

На встрече с политруком роты, бывшим секретарем партячейки, он, насколько мне известно, попросил помочь ему вновь связаться с организацией.

Я велел политруку 1-й роты немедленно поехать в Дахуангоу встретиться с ним, помочь ему создать организацию из рекомендуемых им людей и обеспечить связь. На второй встрече с ним ротный политрук сказал: «Наша Ставка Командования непосредственно поможет тебе в работе. Теперь твое дело – ни о чем не беспокоясь, расширять сеть организаций ЛВР».

Итак, в Дахуангоу появилась наша организация. Это была, пожалуй, первая организация ЛВР, созданная нами в уезде Линьцзян.

Я дал политруку 1-й роты задание привлечь к нам и старосту Вана. Через такой процесс он стал завоевывать наше признание. С помощью подпольной организации в Дахуангоу мы более полугода глубоко изучали этого человека.

Наша работа с ним принесла свои плоды весной 1938 года. К тому времени мы, окончив военно-политические занятия в Матангоу, выступили в Чанбай. На маршруте

похода нашего отряда находилось село Дахуангоу. Я решил все-таки по прибытии в Линьцзян непременно выкроить время, чтобы хоть разок встретиться с Ваном. Продвижение к югу, в Чанбай, далось нам тяжело. Когда мы находились в километрах 12 от Дахуангоу, у нас кончился провиант, и отряд не мог дальше продолжать поход. Бойцы не просто устали – вымотались.

В этой ситуации я не мог вести отряд в Чанбай. Для похода и боя бойцов обязательно нужно было накормить. А у нас не было ни одного *твэ* продовольствия. Что делать? Лучше всего было бы достать продукты в бою, но бойцы, все без исключения, совсем выбились из сил. Ситуация такова, что было не до боя – люди просто не держались на ногах. Именно в тот момент мне в голову пришла мысль: надо завязать сношение со старостой Ваном. «Удача в работе со старостой Ваном доставит нам продовольствие и создаст благоприятную для нас обстановку», – подумал я.

Село Сяохуангоу находилось под боком у Дахуангоу. Туда нагрянула беда – подпольные организации села оказались в опасности. А с ними имел дело тот товарищ, который был принят в партию, когда политрук 1-й роты работал секретарем партячейки в Нюсиньшане. Эти организации с успехом действовали, расширяли свою сеть не только в Сяохуангоу, но и в других селах. Однако врагам удалось «сесть им на хвост». Они ворвались в село – членов организации жестоко убивали, сжигали дома. От их рук пострадали и старики, и дети: их расстреливали, кололи штыками.

Уцелевшие в бойне несколько членов организации и другие сельчане кинулись в Дахуангоу в поисках собственного спасения. Их судьба находилась в руках старосты

Вана. Он в ту пору по совместительству исполнял должность начальника отряда самоохранны. От того, какой позиции он придерживался, зависела судьба всех беженцев из Сяохуангоу. И прежде всего членов организации. Это еще больше укрепило мою решимость скорее сделать его нашим сторонником, а затем и помощником.

Мы направили в Дахуангоу подпольщиков специально для работы с ним.

Подпольщики, конечно, хотели во что бы то ни стало перетянуть его на нашу сторону. Но они опасались, как бы на этом пути не напороться на подводные камни – ведь Ван исполнял должность начальника отряда самоохранны.

Однако я не сомневался в успехе подпольщиков. Моя убежденность исходила из того, что я знал о нем: он совестливый человек. Его человеческая совесть проявилась в том, что он, став старостой села и начальником отряда самоохранны, не тронул ни одного человека на своей территории. Вот в чем я видел главнейший признак того, что он такой человек. То было время, когда те, кем двигала страсть к личному спокойствию и благополучию, как говорится, себя не обижали. Стоило только им занять чин, такой, как начальник отряда самоохранны или староста села, они без стеснения губили хотя бы одного-двух патриотов, стараясь показать себя «с лучшей стороны».

Но староста Ван ни на кого не донес, никому не сделал пакости. Мне доложили: он пока еще не поднял руку на беженцев и членов семей погибших патриотов из Сяохуангоу, закрывал глаза на то, что они живут в контролируемом им районе. Если бы он был негодяем, то не поступил бы так – наверняка поднес бы: «У нас в селе обитают красные, беженцы из села коммунистов. Прошу

взять их», или принудил бы самоохранников убить всех беженцев, за что получил бы премию.

Но он принял в село тех, кто вырвался из когтей палачей – японских солдат и полицейских, и разрешил им спокойно жить. Такой поступок требует от человека необыкновенного дерзания и решительности. Если бы все это стало известно властям, то старосте не удалось бы избежать суровой кары.

Однако Ван был готов пойти и на это и делал доброе дело, – так мы рассуждали.

Подпольщикам, уходящим в Дахуангоу, я сказал: «Кажется, староста Ван человек более или менее совестливый. Смело подходите к нему. Хорошенько разъясните, почему мы, партизаны, боремся против японских империалистов. Тогда вы, несомненно, сможете привлечь его на нашу сторону».

В Дахуангоу подпольщики по рекомендации хозяина шалаша встретились со старостой Ваном и предложили ему сотрудничать с нами. Ван охотно согласился, даже попросил их помочь ему встретиться со мной. «Если это просьба революционной армии, – сказал он, – я все сделаю. Но очень прошу, помогите мне встретиться с Полководцем Ким Ир Сеном».

Наши командиры довольно много спорили по этому поводу – одни склонялись к тому, чтобы уважить его просьбу, другие – ни в какую. То было время, когда участились диверсионные акции врагов против нашего Командования, и у нас все – и командиры, и рядовые бойцы, были в постоянном нервном напряжении по этому поводу.

Я узнал, какие идут разговоры «в низах», и уговорил командиров привести старосту Вана в наш тайный лагерь.

Получив весть о том, что я принял его просьбу, староста Ван, потихоньку оповестив жителей села, подготовил продовольствие, обувь и многие другие хозяйственные материалы и, взяв их с собой, пришел в распоряжение нашего Командования. Мы встретились. Передо мной был красивый мужчина лет тридцати пяти, человек приличный, вежливый в обращении, с деловой хваткой. С первого взгляда он мне очень понравился.

Беседа несколько минут шла о его семье, о здоровье.

Потом я высоко оценил его за то, что он, не потеряв национальную совесть, до сего момента живет, как подобает честному и разумному человеку. Я призвал его еще больше помогать нам, используя возможности старосты села.

– У Японии и Маньчжоу-Го остались считанные дни, – говорю ему. – Ваша должность старосты села – от Маньчжоу-Го. Но этот чин вам следует максимально использовать не ради Японии и Маньчжоу-Го, а во имя Родины и народа, во имя революции. Для этого вам надо поднять население и активно помогать революционной армии. Я уверен, что вы оправдаете наши надежды.

Староста Ван был очень признателен за мое доверие к нему.

– Так вы верите мне! Мне нечего сказать. Во всю жизнь я не забуду это, буду бороться так, как вы советовали, Полководец.

К нам он пришел, захватив с собой даже водку и закуски. Мне показалось, что он человек очень душевный, общительный. В палатке мы попробовали «Байчжу» (крепкая китайская водка – ред.). Староста Ван, чтобы показать мне, что водка нормальная, сам первым выпил

рюмочку, а потом предложил мне.

После пробы «Байчжу» Ван, заметно захмелев, начал выкладывать душу – рассказал свою семейную историю. Начиная рассказ, он говорил: «Об этом я пока еще никому не говорил». Его повествование было очень интересным, походило на сюжет романа, полного горестями.

Его отец родился и вырос в уезде Дуннин. Родом он из маньчжурского племени. Жил так бедно, что он просто не имел возможности жениться даже под сорок лет. Много дорог он истоптал – и однажды встретилась ему подруга по сердцу, и они начали вместе жить.

Шли годы, у них родился сынишка. Именно это и был будущий староста Ван. С течением лет сын вырос достойным по виду, умным пареньком. Но жизнь была так тяжка, что при всем желании отец с матерью не могли растить сына так, чтобы он мог жить, не завидуя другим.

Отца не покидала мысль: «Не найдется ли такой край, где жить можно лучше, чем в Маньчжурии?» Если бы нашлось такое местечко, он сейчас же ушел бы из Маньчжурии со своим сыном. Однажды отец слышал от корейских юношей, что в России, мол, людям живется хорошо. Кстати, эти корейцы зашли в его село, чтобы достать денег на дорожные расходы по пути в Кандон на заработки.

Многие из наших дедов и отцов называли Россию «Араса» или «Кандон».

Отец будущего старосты Вана, покинув село вместе с корейскими юношами, направился в Россию.

Молодые люди ходили на золотые прииски, чтобы заработать деньги, но их мечта не сбылась, и им пришлось собраться в одном месте и заняться земледелием. Так

там появилась новая деревня – корейское село, где люди занимались полеводством, а основателями села стали те молодые люди.

Отец Вана хотя и был китайцем, но остался там вместе с корейцами. Различия в национальности не мешали: они жили дружно, как родные братья.

В той деревне сын начал ходить в школу. Он привык к корейским обычаям, неплохо говорил по-корейски.

Позже в России поднялись вихри «новой» и «старой» партий. «Новая» партия – это партия большевиков, а «старая» – банда белых. В этих вихрях, сказал он, и жители деревни Вана здорово пострадали. Когда большевики брали верх и прогоняли контрреволюционеров, мир строился по-большевистски, а одолевали белые – в один день село становилось иным: его жители постепенно разделялись на две группы – прокоммунистические и пробелые силы. Даже раскололась одна семья: старший сын стал приверженцем «новой» партии, а второй и третий – сторонниками «старой» партии. Между ними шли раздоры и скандалы. Словом, возникла смута.

Были драки, появились и жертвы. Отца Вана зверски убили – закололи вилами приверженцы «старой» партии. Малолетний мальчик остался беспризорным – сиротой. Жители деревни ему сочувствовали, но никто не смел позаботиться о нем: ведь это был сын убитого сторонника «новой» партии. Боялись сами стать бельмом на глазу приверженцев «старой» партии, которые готовы были и физически уничтожить мальчика. Они твердили: уничтожай само племя «новой» партии. Над мальчиком нависла угроза гибели.

Позаботился о мальчике, лишившемся отца, тот ко-

рейский молодой человек из уезда Дуннин, который пришел с другими в Россию на заработки. В один из холодных осенних дней он вместе с мальчиком перешел границу и бежал в сторону уезда Дуннин. Хотел найти там его мать. Однако в пути оба попали в руки конных грабителей. Оставив у себя мальчика заложником, разбойники рассчитывали получить за него деньги или вещи. Однако, узнав, что он одинокий сирота, бандиты собирались убить его.

В тот момент помощник вожака банды велел: «Незачем убивать бедняжку. Пусть кореец уйдет куда глаза глядят. А мальчика привести ко мне в комнату!» Итак, корейский юноша ушел неизвестно куда, оставив у бандитов отобранные ими деньги на дорогу и мальчика. А мальчик остался в притоне конных грабителей, оказавшись в руках помощника главаря банды. Он не разрешил убивать мальчика, имея на него свои виды. Однажды ночью он, взяв с собой мальчика, удрал из логова бандитов. Убежал именно в Линьцзян. В горах Дахуангоу купил земельный участок и дом, жил на широкую ногу, растил мальчика как приемного сына. Он стал богачом, ибо при бегстве из логова конной банды прихватил с собой большую сумму денег, которую разбойники хранили как общий фонд шайки.

Тот помощник вожака банды, ставший приемным отцом мальчика, был уроженец Шаньдуна, его фамилия была Ван. Приемному сыну он дал свою фамилию. «Возьми власть в руки – поживешь на широкую ногу» – таков был его взгляд на жизнь. Он дал приемному сыну образование, чтобы тот смог стать человеком власти, и, наконец, выдвинул его на пост старосты села.

Староста Ван сказал, что он многим обязан, конечно, приемному отцу, но прежде всего никогда не забудет того корейца, который защищал его и взял с собой в Маньчжурию после смерти родного отца.

– У меня есть и деньги, и имущество, – сказал Ван. – Но очень жаль, что не имею возможности отблагодарить. Я полон чувства благодарности к тому благодетелю, и потому сострадаю несчастным корейцам и болею душой за них. Большинство беженцев из Сяохуангоу – корейцы. Поэтому я помогаю им с риском для своей жизни. Делаю это как бы в знак признательности своему благодетелю.

Говоря это, староста прослезился. Он был человеком долга. Я был глубоко тронут, когда он сказал, что помогает корейцам с чувством делающего земной поклон благодетелю.

– Благодарю вас за сочувствие несчастью корейцев и спасение их из трудного положения. Тот, кто свято хранит чувство долга, может делать доброе дело не только для благодетеля, но и на благо народа. Теперь вы можете считать себя старостой не ради Маньчжоу-Го, а ради народа.

Староста Ван не раз повторял свою клятву не изменить нашему доверию. Когда он возвращался домой, я послал с ним двоих наших охранников.

С того дня он стал нашим другом. Он во многом помогал нам. Хотелось бы увидеть его, если он жив, но жаль, что даже не знаю, где он, а цел ли.

А как мы завоевали на нашу сторону начальника Вана? Эта история во многом сходна с предыдущей. Первым рассказал нам о начальнике Ване Ким Пхён, комиссар 7-го полка. Одно время комиссар, находясь вместе с

ротой Чвэ Иль Хёна на рубеже уездов Чанбай – Линьцзян, руководил деятельностью малых отрядов. Он направлял в разные районы малые отряды и контролировал их дела, а иногда и сам участвовал в них. Один из малых отрядов был направлен им в районы Вудаогоу и Сандаогоу уезда Линьцзян, где и действовал.

Однажды один из бойцов малого отряда пришел к своему командиру и спросил, что надо делать с начальником филиала полицейского участка марионеточного государства Маньчжоу-Го в Цзяцзяине. Он, по его словам, сильно мешает деятельности малой группы. Наверное, бойцу очень хотелось ударить по этому полицейскому филиалу. Тем, кто ходил в Линьцзян, Мэнцзян и Фусун, обязательно нужно было проходить Цзяцзяин. А обосновавшееся там полицейское учреждение было просто бельмом на глазу для бойцов. После встречи с тем бойцом комиссар 7-го полка доложил мне о возникшей проблеме.

Я посоветовал ему попытаться взять тот полицейский филиал в свои руки. «Совершить налет всегда можно, – сказал я. – Но это может повлечь за собой последствия, и нам будет от них не сладко. Смело подходите к начальнику и сделайте филиал нашим».

Через несколько дней комиссар пришел ко мне и доложил: «В лесном шалаше под Цзяцзяином обитает знакомый мне человек. С ним я имею дело с тех пор, как работал секретарем участковой парторганизации в уезде Яньцзи. По его рекомендации можно было бы вступить в контакт с начальником полицейского филиала. На него можно положиться – он был раньше командиром взвода красного ополчения в районе уезда Яньцзи». По его словам, того в свое время посчитали причастным к «Минсэндану».

Несчастливого спасли от смерти корейцы, работавшие тогда в участковой парторганизации: они и укрыли его тайком во вражеском районе. Помнится, его фамилия – Ким.

В Цзяцзяине этот хозяин шалаша добывал себе пропитание охотой в лесу. А начальник полицейского филиала любил охоту, и они, естественно, сдружились на этом.

Я говорю комиссару 7-го полка: «Хозяина шалаша знаете только вы. Поэтому через него вы сами подходите к начальнику Вану».

До этого момента все рассказанное можно считать сходным с историей перехода старосты Вана на нашу сторону. Хотя и редко, но бывало так, когда тот, кто раньше состоял в нашей организации, оказывался дружен с полицейским. Нам все равно надо было узнать, что сблизило этих двоих. Только так мы могли открыть прямую дорогу к начальнику Вану.

Комиссар 7-го полка встретился с обитателем лесного шалаша. По возвращении в отряд он доложил: «Хозяин шалаша, конечно, ушел из партизанского района давно, но душа у него все-таки красная». Увидев бывшего секретаря участковой парторганизации не в военной, а в гражданской форме, хозяин шалаша даже поначалу остерегался – не стал ли он изменником, агентом япошек? Такие недоразумения бывали часто, если военные ходили в гражданской одежде.

Комиссар сказал хозяину шалаша, что его послал я. Только после этого тот начал относиться к нему, как и прежде, с открытой душой. Лесной обитатель очень болел душой за то, что вынужден был уйти во вражеский район, не успев снять с себя ярлык «минсэндановца» в красном ополчении. Он сказал комиссару: «Приведи меня

к Полководцу Ким Ир Сену. Я все расскажу ему, докажу, что я не «минсэндановец». А ты будь рядышком со мною и поручись, что это так. Если Полководец Ким поверит мне, я вступлю в Народно-революционную армию». Комиссар сказал ему: «Благодаря Полководцу Киму вопрос о «Минсэндане» уже решен. Значит, тебе не о чем беспокоиться. Снова станешь бойцом революционного фронта. Только работай смелее, с огоньком».

Слушая его, хозяин шалаша так был взволнован, что у него на глаза навернулись слезы.

Дружба его с начальником Ваном завязалась год назад. Начальник Ван иногда заявлялся на охоту на «территорию» хозяина шалаша. Пока Ван добывал всего-навсего одного-двух зверей, обитателю шалаша всегда доставалось добрых четыре-пять.

Однажды Ван зашел к шалашу – ему хотелось узнать, в чем секрет его успеха в охоте. Ван так был восхищен эрудицией охотника, что сказал: «Ты совсем не похож на простого охотника, в чем-то от тебя пахнет мыслителем, интеллигентом». Выслушав Вана, хозяин шалаша предложил: «Вы, видимо, сомневаетесь: настоящий охотник я или нет. Давайте завтра посоревнуемся в охоте. Это будет экзамен. Ладно?» Ван с ним согласился.

В соревновании победил хозяин шалаша. Ван угостил его водкой. Попойка шла прямо в шалаше. Ван предложил: «Заклучим побратимство». В ответ: «Подумаю об этом немножко. Ведь я вступлю в ваше общество «Цзяцзяли» – мне придется быть вашим старшим братом. А теперь скажите, пожалуйста, – спросил он потихоньку, – как же вы сможете выкраивать время покидать свой филиал и ходить на охоту? Ведь вы человек вон какого чина –

начальник полицейского филиала?!»

Ван отвечает: «Хожу на охоту не потому, что у меня много времени, а от нестерпимой обиды. Видишь, эти япошки – племя вредное. Туда, где ждет верная смерть, гоняют только полицейских Маньчжоу-Го. Хотя на погонах звездочки одинаковые, чуть что эти самураи кричат да по малейшему поводу осыпают их руганью. Какая обида! Надоело такое терпеть!»

Выслушав от хозяина шалаша обо всем этом, комиссар дал ему задание – создать в районе Цзяцзяина низовую организацию ЛВР. И попросил помочь срочно связаться с Ваном.

На следующий день хозяин шалаша явился вместе с Ваном на место встречи, назначенное комиссаром. Ван взял с собой водку и закуску – совсем как тот староста Ван: для чиновников Маньчжоу-Го водка была важнейшим средством общения с людьми.

Полицейский начальник был покрупнее телом, чем староста Ван, характер у него покруче, и был склонен к быстрым решениям. Во всем не мешкал, а сразу давал четкий ответ.

При первом знакомстве с Ваном комиссар откровенно сказал, что он один из комиссаров отряда Ким Ир Сена. «По приказу Командующего Кима я вызвал вас обсудить вопрос о совместном сопротивлении японским захватчикам. Есть у вас намерение идти с нами рука об руку?» – напрямую спросил он.

Сначала у Вана от удивления расширились глаза, однако он быстро подавил растерянность: «Что вы говорите? Это же у нас первое знакомство. Давайте выпьем сначала, а потом поговорим спокойно о делах». Оporож-

нив несколько рюмочек, он хлопнул собеседника рукой по колену и восхищенно крикнул: «Ты, партизанский комиссар, хоть и мал ростом, но мне нравишься. Вижу, не поведешь даже бровью передо мною, человеком с саблей на боку, и прямо скажешь, кто ты такой. Я просто удивляюсь!» Комиссар с ответом не задержался: «Подчиненные Командующего Ким Ир Сена все такие».

И тогда начальник Ван прошептал на ухо комиссару: «Помоги мне встретиться с Командующим Кимом. На встрече с ним все расскажу о моей решимости. Но есть условие: тебе вступить в наше «Цзяцзяли». Тогда я смогу полностью доверять тебе».

В первый же день переговоров Ван узнал, что и хозяин шалаша такой же коммунист, как комиссар. Он с удивлением сказал: «Он, хозяин шалаша, вошел в общество «Цзяцзяли», мы стали с ним собратьями. А мне ни словечка, что он коммунист. Я-то думал: тайна в «Цзяцзяли» наиболее глубокая, а теперь вижу: секреты коммунистов – поглубже».

Я посоветовал комиссару: «Войди в это самое «Цзяцзяли». Это же не изменит твою фамилию. Заключи с ним побратимство. И приведи его ко мне в Ставку».

После этого я встретился с начальником Ваном под Цзяцзяином. Он понравился мне так же, как и староста села Ван. Сейчас помню, что тогда он принес ко мне три корня дикого женьшеня в подарок.

Начальник Ван сразу же согласился с моим предложением о совместном сопротивлении японскому империализму. Его поведение и разговор были живыми, энергичными. Он с открытой душой, напрямую выложил то, что у него в душе: «Я не по своей воле стал полицейским:

надо было заработать средства на пропитание. Полицейскую фуражку надел не для того, чтобы выступать против коммунистов. При виде деяний японцев у меня, прямо скажу, двенадцать раз на дню бродит мысль – бросить винтовку. Вы, Командующий Ким, предлагаете мне рука об руку совместно сопротивляться японским оккупантам. Я не против. Вы, Командующий Ким, советуете: борись с япошками, не отказавшись от чина начальника филиала полицейского участка. Это я и сделаю по вашему приказанию. Но меня беспокоит вот что: если я останусь по-прежнему в полицейской форме, то как будут относиться ко мне другие партизаны – наверное, не как вы? Бог знает, не погибну ли я от пуль с двух сторон». «Об этом вы можете не беспокоиться, – заверил я. – Будете делать справедливое дело – все вас признают. Мы, революционная армия, не поднимем руку на тех, кто служит во вражеском учреждении, если он идет на сопротивление империалистической Японии. Это я вам гарантирую. Ваше дело для нашей пользы – не сложное. Просто не мешайте нашим действиям. Не помешаете – это уже против япошек. Пошлите порой нам информацию, дружите с хозяином шалаша, помогите ему чем надо».

После этого начальник Ван неплохо нам помог. Под его прикрытием хозяину лесного шалаша удалось создать в Цзяцзяине низовую организацию ЛВР.

От обоих Ванов мы получили немало полезных сведений. Дело дошло до того, что при встрече с нашими бойцами самоохранники из Дахуангоу даже приветствовали их, размахивая платками.

Процесс работы с этими двумя Ванамы стал для нас важным новым опытом в воспитании нового человека.

Все в мире можно преобразовать – таково мое утверждение. Самое трудное из звеньев преобразования природы, общества и воспитания нового человека – последнее. Однако, стоит только хорошенько потрудиться – и выкуешь нового человека из любого: ведь по природе человек тянется к прекрасному, благородному, справедливому. И если с толком наладишь его идейное воспитание – всякого можно перевоспитать. Воспитание нового человека по сути своей является идейной перестройкой.

Однако здесь есть вещь, заслуживающая пристального внимания. Нельзя необдуманно оценивать идейный настрой человека по его «вывеске», одежде. Иначе говоря, нельзя определенно судить об идейном настрое человека только по его происхождению или служебному положению.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что у помещиков и капиталистов – идеология эксплуататорского класса, а у рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции пускают корни революционные идеи рабочего класса. Однако надо знать, что и у лиц в полицейской форме, таких, как Хон Чон У, могут быть более или менее развиты совесть, прогрессивные идеи. Прогрессивные идеи – это не какая-то особая вещь. Это любовь к человеку, любовь к народу, любовь к своей нации и Родине. Совесть человека проявляется, в конечном счете, в чувстве такой любви.

В деле воспитания нового человека мы не считаем препятствием не только «вывеску», но и гражданство. Если те или иные люди совестливы и патриотически настроены, то мы без малейшего колебания протягивали руку и к китайцам, смело привлекали на нашу сторону и китайских служащих вражеских учреждений. Если есть у нас сила воспитать и перевоспитать корейских сотрудни-

ков вражеских органов и накоплен определенный опыт в этом деле, то это значит, что мы можем перевоспитать и тех китайцев, которые работают во вражеских учреждениях. Принципы воспитания, перевоспитания человека не ограничиваются рамками гражданства. Завоевывая полицейских-корейцев на сторону революции, почему же нам не делать этого, общаясь с китайским полицейским или старостой села?

Когда мы вели революционную борьбу против японского империализма, среди наших китайских друзей, которые шли с нами рука об руку, были и офицеры высокого, среднего и младшего ранга из марионеточной армии государства Маньчжоу-Го. И они, как староста Ван и начальник Ван, сделали много полезного для нас.

Сейчас у нашей нации не за горами объединение Родины. В Южной Корее много тех, у кого неодинаковые с нами идеалы. Там немало помещиков, капиталистов, тех, кто принадлежит к эксплуататорским классам, немало и чиновников, предпринимателей, торговцев. Объединится Родина – придется так или иначе жить вместе с этими различными слоями на одной земле. Из-за различия в идеалах нельзя отстранять от себя всех этих людей, нельзя жить, только общаясь с коммунистами.

Пусть эти люди не коммунисты. Но надо найти общий знаменатель, позволяющий всем вместе участвовать в строительстве единой Родины. Я вижу это общее в любви к Родине, в любви к своей нации и народу. С теми, у кого это чувство живо, мы вполне сможем жить вместе, дыша одним воздухом.

3. Жэхэский поход

Поход на Жэхэ – весьма поучительное событие. Он и до, и после возникновения китайско-японской войны вызвал серьезные осложнения в военно-политической деятельности Корейской Народно-революционной армии и развитии революционного движения в Корее. И более того, – нанес тяжелый урон антияпонскому движению в целом. Этот поход является своего рода живым свидетельством того, какие общие трудности национальная революция каждой страны вынуждена была переживать в середине 1930-х годов, когда революционное движение во всех странах мира жестко направлялось «коминтерновской линией». А конкретно – он показывает, в какой тяжелой борьбе приходилось отстаивать и проводить в жизнь самостоятельную линию корейской революции. И это последнее особо выделяет этот исторический факт.

О том, как впервые было сообщено Коминтерном о плане Жэхэского похода, товарищ Ким Ир Сен вспоминал.

План похода в районы Ляоси и Жэхэ, известного как «Жэхэский поход», впервые был доведен до нас весной 1936 года. На том месте, где собрались командиры КНРА и командиры частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, в том числе Ван Дэтай, Вэй Чжэн-минь передал директиву Коминтерна – осуществить поход в направлении Жэхэ.

Попытаюсь кратко изложить содержание сообщенного нам указания об этом походе: антияпонским вооружен-

ным отрядам в районе Северо-Востока Китая надлежало переместиться в направлении Ляоси и Жэхэ, чтобы во взаимодействии с частями Рабоче-крестьянской красной армии, наступающими в направлении Жэхэ под лозунгами «восточного похода против японских агрессоров» и «освобождения захваченной врагами территории», подавить японские агрессивные войска,двигающиеся во Внутренний Китай. Стратегическая цель этого похода, преследуемая Коминтерном, заключалась в том, чтобы, соединив на рубеже Жэхэ две группировки – части Рабоче-крестьянской красной армии (позднее 8-я армия), передвигающиеся на север для восточного похода, и части объединенных антияпонских войск, выступающие на запад, – обеспечить единое развитие антияпонской борьбы во Внутреннем Китае и на Северо-Востоке и добиться, таким образом, нового подъема антияпонского движения в целом.

К тому времени 1-й корпус Южной Маньчжурии, 4-й и 5-й корпуса восточногириинского района, 3-й и 6-й корпуса Северной Маньчжурии и другие части объединенных антияпонских войск Северо-Востока Китая располагались к востоку, юго-востоку, северо-востоку от Чанчуня в виде полукруга. Стратегический замысел Коминтерна состоял в том, чтобы сдвинуть эту дугу в западное направление, создав окружение Чанчуня «в форме полумесяца», налететь на город, а затем добраться до рубежа Жэхэ; оттуда, соединившись с частями Рабоче-крестьянской красной армии, поднимающимися на север, нанести удар по захватническим войскам империалистической Японии, рвущимся во Внутренний Китай.

Осуществив план этого похода, Коминтерн, видимо,

намеревался создать новую ситуацию, рассчитывая на то, что революция во Внутреннем Китае и на Северо-Востоке будет вестись как единый процесс.

Ко времени оккупации японскими империалистами трех провинций Северо-Востока Китая и создания ими марионеточного государства Маньчжоу-Го антияпонская борьба в Китае ограничивалась, главным образом, территорией Северо-Востока.

В ходе Великого похода в 25 тысяч *ли* была разгромлена левацко-оппортунистическая линия внутри КПК и утвердилась новая система руководства. После этого борьба китайского народа против японских захватчиков поднялась на новую, более высокую ступень своего развития. Мощный взлет антияпонского движения во Внутреннем Китае оказывал огромное вдохновляющее воздействие на жителей Северо-Востока Китая.

С оглашением плана Жэхэского похода земля Жэхэ снова стала местом острого противоборства сил Китая и Японии. К ней было приковано внимание мировой общественности.

Жэхэ, расположенный близ залива Бохайвань, – центр провинции Жэхэ во времена Цинского Китая. Город был прочно связан с историей Маньчжурской династии Цин.

Эта связь, говорят, объясняется тем, что там находился отдельный дворец Цинской династии, построенный императором Канси, и что в этом дворце, называвшемся «дворец Гуанхань», родился известный император Цинской династии Цяньлун.

Местность Жэхэ была известна также своими природными неприступными крепостями, которые служили важнейшими военными опорными пунктами. К горной цепи, лежащей к юго-западу от Жэхэ, примыкали опорные пункты Великой китайской стены. Уже один этот

факт как нельзя лучше показывает, какое огромное военное значение придавалось этой местности еще с далеких времен. И не без основания, видимо, Пак Чи Вон, один из известных мыслителей-сирхакистов XIX века, написал довольно объемистые путевые заметки «Жэхэский дневник», посетив Китай в свите посланника, направленного феодальным правительством династии Ли. В этом дневнике живо представлены впечатляющие картины жэхэской земли и весьма содержательно повествуется о политике, экономике, культуре и обычаях в Китае.

Первым поводом к тому, что этот район привлек к себе внимание людей мира, стал захват Цзиньжоу и Жэхэ японскими империалистами, пытавшимися тем самым после события 18 сентября открыть себе путь к вторжению во Внутренний Китай.

Переданный Коминтерном план похода на Жэхэ, можно сказать, получил самые разные отклики.

Ван Дэтай с самого начала скептически отнесся к нему. Он заявил: «План очень сомнительный. Приказывают нам, партизанским отрядам, в которых всего несколько тысяч человек, окружить столицу Маньчжоу-Го с ее плотно сосредоточенными вооруженными силами. Для этого предстоит покинуть прежние опорные базы в горах и двигаться на большое расстояние по равнинной местности. Это не соответствует требованиям тактики партизанской войны. Пусть во Внутреннем Китае Рабоче-крестьянская красная армия совершает восточный поход, но это не обязывает нас передвигаться на запад. Известно, что нападения на крупные города кончались неудачей. А нам велят повторить ошибку. Это надо хорошенько продумать».

Начало 1930-х годов характеризовалось непрерывны-

ми склоками между разными группами военачальников. Ли Лисань, стоявший в это время у руля ЦК КПК, увеличивал лишь благоприятную сторону хода развития революционных ситуаций и навязывал принять авантюристическое решение о возможности «победы революции прежде всего в одной или в нескольких провинциях». Он призывал людей к всеобщей политической забастовке и вооруженному восстанию в ряде важнейших городов. Согласно принятым партийным руководством мерам Красная армия совершила нападение на несколько больших городов. Однако эти операции потерпели неудачу. Если учитывать и эти уроки, то вполне естественно, что некоторые люди выражали недовольство оперативным планом Коминтерна. До того времени большая часть коммунистов, действовавших в частях объединенных антияпонских войск, воспринимала как безусловно справедливое все то, что исходило от Коминтерна. Поэтому заслуживало внимания то, что даже в такой ситуации некоторые командиры отзывались о плане похода с явным неодобрением.

Однако Вэй Чжэнминь не желал прислушиваться к подобным мнениям. Ему было поручено передать директору Коминтерна, и он отстаивал этот план. В предстоящем походе, говорил он, надо участвовать всем частям объединенных антияпонских войск, действующих в Южной, Восточной и Северной Маньчжурии. Он доказывал, что положение в стране очень благоприятно и что есть основание верить, что план не такой уж безнадежный. Такими доводами Вэй Чжэнминь легко отвергал другие мнения. Затем он пошел в уезд Цзиньчуань и там тоже сообщил военно-политическим кадрам 1-го корпуса Объ-

единенной Северо-Восточной антияпонской армии план Коминтерна о походе на Жэхэ.

Как мне стало известно, Ян Цзинюй, приняв план, был глубоко взволнован. С самого начала он недвусмысленно выразил свое намерение точно выполнить директиву Коминтерна. Ведь он уже давно прилагал немалые усилия для установления связей с революцией во Внутреннем Китае. Такие связи были вполне возможными, ибо опорная партизанская база Южной Маньчжурии находилась на не столь уж далеком расстоянии от Внутреннего Китая.

К тому времени Рабоче-крестьянская красная армия во Внутреннем Китае уже двинулась на север и начала поход на восток, стремясь таким образом добиться подъема антияпонского движения за спасение отечества в общекитайском масштабе. Ян Цзинюй попытался объединить свои силы с частями Авангардных антияпонских войск во Внутреннем Китае, передвигавшимися на восток, и прорвать блокаду противника, тем самым обеспечить прямую связь между партизанской войной против японских захватчиков на Северо-Востоке Китая и антияпонской войной во Внутреннем Китае и провести совместные операции. Каким Ян Цзинюй был активным сторонником плана Жэхэского похода, хорошо показывают факты: несмотря на то, что позднее эти попытки дважды, несомненно, потерпели поражение, он все-таки вновь повел войска в сторону Жэхэ и даже сочинил «Песню о победе западного похода», чтобы вдохновить бойцов на поход.

Левацкие авантюристы, засевшие в Коминтерне, и нам неоднократно давали директиву: идти на Жэхэ.

Впервые они потребовали этого от нас весной 1936 года, затем – летом 1937 года, когда разразилась китайско-

японская война, и еще раз – весной 1938 года.

1936 и 1937 годы, когда Коминтерн требовал от нас идти на Жэхэ, были ознаменованы нарастанием активности КНРА. Выступив в районы гор Пэкту и Западного Цзяньдао, она, с одной стороны, форсировала подготовку к созданию партии и движение за создание единого фронта, а с другой – перебрасывала пламя вооруженной борьбы вглубь Кореи, демонстрируя свою возросшую мощь. Этот период был примечателен также тем, что корейские коммунисты как никогда твердо придерживались самостоятельной позиции – быть самим в ответе за революцию в своей стране – и прилагали все усилия для укрепления субъекта корейской революции. Перспектива революции была светлой, но дел у нас было буквально уйма.

Благодаря нашим усилиям в бассейнах реки Амнок и внутри Кореи революционные организации росли, как грибы после дождя, и в них объединялись тысячи, десятки тысяч революционеров. Перед КНРА стояла важная задача – оружием защитить эти организации, обеспечить деятельность революционеров и вызвать крутой подъем революции в Корее в целом, опираясь на базы в районах гор Пэкту и Западного Цзяньдао.

Именно в такое время нам навязывали план безнадежного похода на Жэхэ. Нетрудно понять, каким было у нас тогда настроение. Я с самого начала воспринял план Коминтерна как безрассудную затею.

В те дни мы, отстаивая нашу самобытную линию на корейскую революцию, вновь создали Пэктусанскую опорную базу и во взаимодействии со 2-й дивизией 1-го корпуса, возглавляемой Цао Гоанем, провели много жар-

ких боев в районе Западного Цзяньдао. Активно проводили мы и крупные рейды на Родину. Наряду с этим мы, ликвидируя «военный вакуум» в некоторых зонах Южной Маньчжурии, где раньше был дислоцирован 1-й корпус, оказывали всевозможное содействие экспедиционным отрядам, передвигающимся в направлении Ляоси и Жэхэ. Другими словами, мы твердо придерживались своей самостоятельной линии – распространить поприще вооруженной борьбы в пределы Родины – и в то же время создавали благоприятную ситуацию для выполнения коминтерновской линии. Так сказать, как бы одним ударом убивали двух зайцев.

Когда южноманьчжурские вооруженные отряды неудержимо двигались в направлении Жэхэ и Ляоси, сам Вэй Чжэнминь, передавший директиву Коминтерна, не последовал за частями 1-го корпуса, а был в основном вместе с нами.

Безрассудство и нереальность военных операций по плану похода на Жэхэ все более очевидными становились сразу после вспышки китайско-японской войны. Как прежде, и в то время Коминтерн так и не мог освободиться от радужной мечты об «окружении в форме полумесяца» и все время требовал от частей объединенных антияпонских войск идти в безнадежный поход на запад. Противоборство между Китаем и Японией переросло в тотальную войну, что привело к крутому подъему антияпонского движения. А, судя по создававшемуся положению, как мне показалось, Коминтерн опять-таки считал, что наступил решающий момент для успеха «окружения в форме полумесяца».

В том году, когда разгорелась китайско-японская война, в Китае осуществилось второе по счету сотрудниче-

ство между компартией и Гоминьданом. Рабоче-крестьянская красная армия, руководимая компартией, была переформирована в 8-ю армию Национально-революционной армии и с приподнятым духом стремилась к наступлению на Суйюань, Чахаэр и Жэхэ.

Коминтерн спустил новую директиву в связи с походом на Жэхэ: главным силам КНРА передвинуться еще глубже в сторону Хайлуна, железной дороги Гири́н – Хайлун, где раньше действовал 1-й корпус, и непосредственно участвовать в операции по дугообразному окружению Чанчуня, всемерно поддерживать боевые действия 1-го корпуса, выступающего в направлении Жэхэ. Если придерживаться этого плана, то мы должны были покинуть Пэктусанскую опорную базу – очаг корейской революции – и переместиться далеко на запад.

В тех условиях, когда весь китайский материк стал полем битвы, ставить вопрос о слиянии с наступающими к Жэхэ отрядами 8-й армии, честно говоря, было почти бессмысленным.

Другая причина того, что мы считали план похода на Жэхэ нереальным, состояла в том, что он не соответствовал требованиям партизанской войны. Покинуть горные районы и выйти в равнинные – для партизанских отрядов было опасным, рискованным делом, все равно что рыбе выскочить из воды и оказаться на суше. Что касается горных районов Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, то они уже давно были освоены коммунистами: там прочна была опора в массах, нам были хорошо знакомы их географические особенности. И еще одно: для того, чтобы отряды объединенных антияпонских войск двинулись до Жэхэ или Ляоси, оставив свои прежние районы

действий, им пришлось бы проходить через обширные равнины с южноманьчжурской железной дорогой, где были сосредоточены на хорошо укрепленных позициях силы врага.

Представьте, что стало бы с партизанскими отрядами, располагающими только легким оружием, при столкновениях в этих открытых местностях с регулярными войсками противника, имеющими тяжелое вооружение, скажем, пушки и танки. Ясно как солнце, чем бы закончилась такая битва.

Для частей 8-й армии расстояние до Жэхэ было невелико: стоило только пройти Великую китайскую стену; однако объединенным антияпонским войскам, находящимся на Северо-Востоке, надо было преодолеть далекое расстояние в несколько тысяч ли.

Относительно слабым по силе партизанским отрядам идти столь далеко по равнинной местности, где во многих пунктах расположены скопления врага, в десятки, даже в сотни раз превосходящего в численном отношении, — это противоречило бы даже элементарным положениям военной науки.

О том, что поход на Жэхэ совершенно безрассуден с военно-стратегической точки зрения, я не раз говорил Вэй Чжэнминю.

Неужели так обязателен этот поход? В этом вопросе и у Вэй стали постепенно появляться сомнения. Тем не менее, он так и не мог отказаться от одного — от надежды, что в условиях китайско-японской войны удача похода, по его мнению, послужит поводом для подъема антияпонской борьбы в масштабе всего Китая и продемонстрирует стойкий антияпонский дух, настоящий патриотизм комму-

нистов, которые неизменно несут знамя «приоритет – анти-японской борьбе». Если этот поход завершится успехом, то создастся благоприятная ситуация и для того, чтобы подтолкнуть Чан Кайши на активное сопротивление империалистической Японии, – таков был его взгляд.

Я говорю ему: «Разумеется, нужны и подъем анти-японского движения во всем Китае, и демонстрация настоящего облика коммунистической партии, и направление Чан Кайши на путь активного сопротивления империалистической Японии. Но я считаю, что нельзя добиваться всего этого в ущерб революции на Северо-Востоке. Сколько за нее пролито крови народами, коммунистами обеих стран – Кореи и Китая!»

Вэй Чжэнминь все же не хотел оставить занятую им позицию. «С точки зрения военно-стратегической, – говорил он, – надо признаться, что план похода на Жэхэ имеет вполне определенные недостатки. Но, была не была, нельзя же отклонить его, даже не взявшись по-настоящему за дело. В походе, конечно, могут быть и невосполнимые утраты, и непредвиденный ущерб. Но без них ведь не свершаются великие дела».

Вэй Чжэнминь добавил, что и 5-й корпус Чжоу Баочжуна, и 4-й корпус, видя в возникновении китайско-японской войны удобный шанс для западного похода, с необычайной активностью приступают к исполнению директивы.

Это была правда. Как я узнал позже, Чжоу Баочжун, действовавший в восточногиринском районе, весьма оптимистически оценивал военно-политический климат на основной территории Китая и на Северо-Востоке, создавшийся после начала китайско-японской войны. Как мне

передали, Чжоу уверенно утверждал: «Пробил час великих событий. Заодно с расширением, развитием этих событий нужно немедленно использовать все возможности для установления непосредственных связей с партизанами 8-й армии, быстро следующей на рубеж Жэхэ».

Однако не все в его части поддерживали поход на запад. Как стало известно, заместитель командира 5-го корпуса Чай Шижун, поняв безрассудство этого плана, уже с самого начала относился к нему скептически.

Вэй Чжэнминь заведомо понимал, что план похода на Жэхэ содержит элементы авантюризма, однако он все же поддерживал его. В этом я видел своеобразное проявление его преданности делу китайской революции. Он был уроженцем Хуабэя, провинции Шаньси. Переехав в Маньчжурию еще в начале 1930-х годов, он участвовал в революции на Северо-Востоке и стал одним из ее главных руководителей. Всю душу он вкладывал в партийную работу на Северо-Востоке Китая, в организацию объединенных антияпонских войск, добивался крупных успехов и в боевых операциях, громя японских империалистов. Его интерес, его привязанность к революции на Северо-Востоке были необыкновенно сильны.

Однако Вэй Чжэнминь не замыкался в рамках событий лишь в этом регионе. Революцию на Северо-Востоке он считал частью китайской революции и, придавая важное значение региональной революции, в то же время проявлял постоянный интерес к развитию китайской революции в целом. Он стоял на такой позиции: будь готов к любым жертвам, лишь бы способствовать подъему общекитайской революции.

И я сказал ему: «Я тоже понимаю ваше желание с ус-

пехом завершить поход на Жэхэ, несмотря на возможные жертвы. Но я не могу не задуматься над вопросами: точно ли учел Коминтерн при разработке плана этого похода обстановку на Северо-Востоке и требование китайской революции, или нет? Продуманно ли он рассчитал при этом военные возможности, или нет? И еще: соответствует ли предложенный им план особенностям партизанской войны, или нет? В этих указаниях, продиктованных Коминтерном, могу сказать, не только не хватает точного анализа реалий китайской революции, а в них совсем не приняты во внимание интересы корейской революции. Ван Мин действует в Коминтерне как представитель компартии Китая, но, кажется, он со своим субъективизмом дошел до крайности».

С тем, что Ван Мин человек, весьма склонный к субъективизму, согласился и Вэй Чжэнминь.

Хотя план похода на Жэхэ был передан в качестве директивы Коминтерна, его фактическим инициатором был именно Ван Мин.

Находясь в Москве, он непрерывно разрабатывал и навязывал линию, не соответствующую условиям Китая. Главнейший изъян его установок составляла левизна, протаскиваемая под благовидной вывеской «коминтерновской линии». Но после того как с возникновением китайско-японской войны было осуществлено сотрудничество компартии и Гоминьдана, его линия отклонилась вправо. Он начал настаивать на необходимости решать любые вопросы только через осуществление сотрудничества и единого фронта с Гоминьданом.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал о том, как обдуманно и гибко исполнял он директиву о Жэхэском походе в тесной увязке корейской революции с международной.

К тому времени мы еще не понимали всю глубину, сути оппортунистической линии Ван Мина. Но, даже понимая ее, мы не смогли бы прямо выступить против, открыто отказываться от ее исполнения. Ван Мин был не только членом Исполкома Коминтерна, но и его секретарем. Все разработанные им документы передавались от имени Коминтерна, а не от него лично.

Мною владела мысль, что план похода на Жэхэ не принесет пользы развитию революционного движения в районах Северо-Востока Китая и что этот план весьма односторонен, даже вреден и с точки зрения корейской революции. Тем не менее, я не мог не серьезно отнестись к его исполнению.

Между мной и Вэй Чжэнмином шли серьезные разговоры о направлениях действий подчиненных 1-му корпусу частей объединенных антияпонских войск и главных сил КНРА.

Вэй Чжэнминь выразил пожелание, чтобы наш отряд выступил в районы действия 1-го корпуса, то есть в районы Хайлуна, железной дороги Гирич – Хайлун. Удовлетворяя его требование, мы лишились бы возможности закрепить военно-политические успехи, достигнутые в районе гор Пэкту. И я предложил ему компромиссный проект: маневрируя некоторое время в районах Линьцзяна, Фусуна и Мэнцзяна, вести военно-политическую деятельность, направленную на форсирование корейской революции, а затем в подходящее время постепенно продвигаться и по предложенному направлению.

В то время в нашем отряде было много новичков из Западного Цзяньдао и Кореи. Пока они не получили достаточную подготовку, было бы не очень желательно, чтобы

наша часть оставила прежний театр действия и переместилась в незнакомое место. Я откровенно высказал это: «Нам необходимо сохранить и расширить созданные внутри Кореи революционные организации и еще более активизировать рейд на Родину. Именно это не позволяет нам выйти далеко за пределы Западного Цзяньдао и района гор Пэкту». Вэй Чжэнминь согласился со мной.

В тот период Ян Цзинюй, преодолевая невероятные трудности, делал все, чтобы любой ценой совершить поход на Жэхэ, пользуясь необычайно быстрым подъемом антияпонских настроений в связи с началом китайско-японской войны.

Однако весной 1938 года части 1-го корпуса, едва выйдя в поход, попали в окружение противника и были истощены в изнурительных боях. А тут еще произошло ЧП: командир 1-й дивизии Чэн Бинь капитулировал и вместе со своей частью перешел в стан врага, что вообще перевернуло план западного похода 1-го корпуса вверх дном.

В середине июля Ян Цзинюй созвал в Лаолине экстренное совещание военных кадров 1-го корпуса, на котором официально отменил план западного похода и одновременно принял необходимые меры по реформированию частей для предотвращения разглашения тайны своего корпуса.

Капитуляция Чэн Биня вызвала и у нас серьезные потрясения. 1-му корпусу грозила опасность разложения. Чтобы вывести его из беды, мы подготовили необходимые оружие и военные материалы и велели некоторым отрядам начать частичный переход на рубеж Тунхуа в обход уезда Мэнцзян, через уезды Цзиньчуань и Люхэ.

Эта передислокация была рассчитана на то, чтобы разобщить силы противника, окружившего части 1-го корпуса, и дать боевым друзьям возможность вырваться из вражеского кольца. Стремясь разобщить вражеские силы, мы, прежде чем думать об исполнении плана экспедиции, преследовали цель – спасти своих боевых друзей из 1-го корпуса, сохранить тем самым антияпонские силы в районе Северо-Востока и укреплять боевую дружбу, завязавшуюся между коммунистами и народами обеих стран, Кореи и Китая, в ходе многолетней совместной борьбы.

Когда несколько наших отрядов, привлекая к себе внимание врагов, довольно шумно передвигались на рубеж Тунхуа, я, ведя с собой малый отряд, незаметно пробрался в глубь Кореи и предпринимал новые меры для дальнейшей активизации революционной борьбы в стране.

Наша главная часть громила врагов на многих направлениях. Одним из впечатляющих боев был налет на стройку дорог под Бадаоцзяном. Там находились крупные вооруженные силы противника – японские войска, маршанеточная армия Маньчжоу-Го, вооруженная полиция, отряды самообороны и другие. В ту пору враги, дислоцировавшиеся здесь, часто шли на карательные операции против отрядов КНРА, действовавших в районе Линьцзяна, заодно в широком масштабе вели прокладку железной дороги, военной автострады, соединяющей Канге и Чунган в Корею с внутренними районами Маньчжурии через Линьцзян.

Мы совершили налет на крупную стройку на рубеже Тунхуа – Линьцзян. В мгновение ока там возник переполох, и нами было уничтожено немало охранных сил.

После боя несколько японских подрядчиков, управ-

лявших строительством, попросили о встрече со мной. На встрече они умоляли оставить их в живых, обещая дать за это нам много денег.

Я сказал им: «Вы сейчас управляете этой стройкой и уже этим помогаете Японии в совершении агрессии. Но у нас нет намерения поднять на вас руку. Вы говорите, что заплатите за сохранение жизни. Но таких денег революционная армия не берет. Так поступают конные грабители. Можете возвратиться к себе без оплаты жизни. Вот вам мой совет: прекратите участие в этой стройке. Хотите подрядного дела – пожалуйста, но только другого рода». Потом мы отпустили их.

После налета на стройку повсюду разлетелись вести о наших делах: мол, вышли к западу Линьцзяна партизаны Ким Ир Сена. Кажется, эти японские подрядчики, вернувшись к себе, довольно широко популяризировали нас.

Мы продолжали бои – били врага в районах Бадаоцзяна, Вайчагоу, Личагоу. Вслед за тем дали бой в Сигане уезда Фусун, чтобы оттянуть на себя вражеские силы.

Наши гибкие тактические маневры заставляли противника бросать свои силы туда и сюда, так и не определив направления действий КНРА. Враги были в полной растерянности. Это означало удачу наших тактических маневров и ряда оперативных наступлений, нацеленных на вызволение из беды 1-го корпуса. Позднее и Ян Цзиньюй и Вэй Чжэнминь не раз говорили, что наши выстрелы, прозвучавшие в районах Линьцзяна, Фусуна и Мэнцзяна, стали решающим фактором в изменении трудного положения 1-го корпуса к лучшему.

Отряды объединенных антияпонских войск Северной Маньчжурии понесли немалый ущерб в ходе западного

похода. Несколько корпусов, действовавшие в Северной Маньчжурии, впервые вышли в экспедицию в июле 1937 года, а в 1938 году поход был в полном разгаре.

Однако поход из Северной Маньчжурии, как из Южной, в конце концов, закончился неудачей. Поход на Жэхэ, порождавший несколько лет сумятицу в революции на Северо-Востоке и неизбежно толкавший в безрассудные бои с тяжелыми жертвами, пришел к финишу в Южной Маньчжурии в 1938 году, а в Северной – в 1939 году.

В чем причина неудачи похода на Жэхэ, потребовавшего столь огромных затрат энергии, людских и материальных ресурсов?

Многие исследователи видят ее в объективных условиях – в установлении режима правления Японии и Маньчжоу-Го, в подавляющем перевесе сил противника. Думаю, этот анализ правильный.

К тому времени враги еще более ужесточили политику коллективных поселений, что наглухо перекрывало каналы связи между партизанами и населением, как шумели японцы об «отрыве народа от бандитов». Эта политика вела к дальнейшему укреплению режима японо-маньчжоугоского правления и вместе с тем создавала целый ряд серьезных трудностей для антияпонских вооруженных отрядов. Вследствие этого поход совершался в условиях почти полного нарушения связей с жителями и перекрытия каналов снабжения продовольствием. При всем желании жители коллективных поселений были почти полностью лишены возможности связаться с экспедиционными отрядами. Нечего было даже думать о посылке материалов в помощь партизанам. Такая ситуация вынуждала эти отряды бросаться в бой, чтобы обеспе-

чить себя продовольствием, тканями и другими видами хозяйственных материалов. Раздавались выстрелы – и враги тем самым то и дело получали информацию о стратегических направлениях перемещения экспедиционных отрядов.

К тому же на каждом шагу пути им приходилось преодолевать различные препятствия: глубокие ущелья, высокие форты, укрепленная линия оцепления и казармы противника.

Но можно ли причину неудачи экспедиции видеть только в объективных условиях? Как всем известно, субъект этого похода – части объединенных антияпонских войск на Северо-Востоке Китая. И Коминтерн, навязавший поход на Жэхэ как свою линию, можно считать в широком смысле субъектом этой экспедиции. По моему личному мнению, Коминтерн допустил субъективистские ошибки в разработке своей линии и руководстве, а части объединенных антияпонских войск практически слепо исполняли ее. Можно сказать, что именно субъективизм Коминтерна и авантюризм его расчетов стали, в конечном счете, основным фактором поражения экспедиции.

От линии, не воспринимаемой массами и не трогающей струны их сердец, нельзя ждать хороших результатов.

Всякий раз при разработке какой-то политики и линии мы идем в гущу народа, прислушиваемся к его голосу – как раз для того, чтобы застраховать себя от субъективизма.

Впадешь в субъективизм – станешь слепцом и с открытыми глазами. Сейчас некоторые люди настаивают на своем как на самодовлеющем, а мнениями подчиненных пренебрегают. Это, я бы сказал, большая ошибка. Чжугэ Лян, безусловно, известный талант, но

умнее, мудрее его – народные массы.

Линия и стратегия возымеют действие лишь тогда, когда всем будет убедительно разъяснена их правота. Не понятые массами линия и стратегия попросту лишены смысла. Народные массы, как правило, отдают свои сердца лишь ради справедливой, точной и ясной линии. Излишне и доказывать это, когда речь идет о военной операции, в которой не должно быть ни малейшего отклонения.

Безрассудство похода на Жэхэ отмечали и противники:

«... Наблюдалась такая тенденция: они легкомысленно думали, будто объективная ситуация после событий благоприятствует их партизанским действиям, и дерзновенно попытались присоединиться к наступающим на Жэхэ войскам из Хуабэя, перемещаясь с осени позапрошлого года (1938) по весну прошлого на Дунбяньдао... в районы Цзиньчуаня, Люхэ, Линьцзяна. Но, наткнувшись вскоре на карательные операции японо-маньчжоугоских войск и полицейских, опять повернули на север, намереваясь создать красный район, главным образом, в белой зоне у подножия горы Пэкту, т. е. в районах уездов Хуадянь, Мэнцзян, Дуньхуа, Цзяохэ, Фусун, Аньту и других» (месячник «Сисо гэппо» № 77. Уголовное управление Министерства юстиции. Ноябрь 15-го года сёва (1940 г.), стр. 136 – 137).

Среди директив Коминтерна были такие, которые не соответствовали реальности. Тем не менее, каждый раз мы относились к ним с большой серьезностью, старались обдуманно строить свои планы и гибко регулировать действия, чтобы выполнять коминтерновские директивы в тесной увязке с конкретной действительностью нашей революции и разумно сочетать интернациональные и национальные интересы.

Чем больше препятствий на пути революции, чем сложнее ситуация, тем тверже надо придерживаться своих собственных позиций и последовательнее осуществлять самостоятельный курс – таков наш неизменный принцип. Как в отношениях с Коминтерном, так и в отношениях с большими странами вокруг нас, мы всегда исходили из необходимости правильно сочетать самостоятельность и интернационализм.

И можно сказать, что до сих пор мы смогли, избегая зигзагов, вести революцию по прямому пути победы именно благодаря таким нашим установкам.

И сегодня я думаю, что мы были правы в своем отношении к походу на Жэхэ: наши позиции были правильны, а поступки справедливы.

Осенью 1970 года я нанес неофициальный визит в Китай. Тогда китайская сторона устроила в Пекине прием по случаю годовщины основания нашей партии. В нем участвовал и деятель, работавший в Коминтерне вместе с Ван Мином.

Я рассказал китайским руководящим кадрам о том, какие глубокие перипетии суждено было пережить в прошлом корейской революции под нажимом окружающих нас сил, какие тяжкие муки корейские коммунисты – больше, чем кто-либо другой, – вынуждены были вынести в этом процессе. Напомнил еще, что огромное множество корейских революционеров погибло, став жертвами антиминсэндановской борьбы, и что, в частности, во второй половине 1930-х годов некоторые из тех, кто восседал в Коминтерне, навязывали нам не соответствующую конкретным условиям линию, что причинило огромный ущерб укреплению КНРА и дальнейшему развитию

антияпонской революции в целом.

Когда я упоминал об этом, Чжоу Эньлай сказал, что вся ответственность за это ложится на Ван Мина и что он, в конце концов, не только причинил серьезный урон китайской революции, но и создавал большие препятствия на пути развития корейской революции.

То, что Коминтерн допустил много субъективистских ошибок, признал и Сталин.

Если бы Коминтерн не навязывал поход на Жэхэ, то мы не покинули бы Западное Цзяньдао, а если бы не покинули Западное Цзяньдао, то во время возникновения «Хесанского дела» мы могли бы своевременно справиться с создавшимся положением и максимально уменьшить потери. Если бы в Западном Цзяньдао по-прежнему оставалась наша главная часть, враги не смели бы протянуть свои щупальца к нашим революционным организациям, как бы того ни желали. Даже в случае, когда эти организации обнаруживали и громили, избежавшие ареста могли бы уйти в горы, вступить в отряд и остались бы целы. На самом деле, и Пак Дар, будучи не арестованным, бежал в горы, но был схвачен – потому, что не имел возможности своевременно связаться с нами.

Много воды утекло с тех пор, как состоялся поход на Жэхэ. Теперь я с новым смыслом вспоминаю о том походе вовсе не для того, чтобы рассуждать, где правда, а где неправда. Рассуждай не рассуждай – жаловаться некому. Теперь нет ни Коминтерна, ни чьей-либо дирижерской палочки. Однако я считаю, что коммунистам надо извлечь серьезный урок из практики похода на Жэхэ, потерпевшего поражение из-за субъективизма одних и слепого подчинения других.

История не преподносит прекрасные подарки тем, кто игнорирует логику революции и проявляет субъективизм, – таков закон.

4. Встреча с Ян Цзинюем

С первых же дней начала антияпонской революции великий вождь товарищ Ким Ир Сен уделял серьезное внимание совместной борьбе с китайским народом и укреплению интернациональных уз с китайскими коммунистами. Он прилагал большие усилия для создания совместного антиимпериалистического фронта с патриотическими силами широких слоев населения Китая. В ходе этой работы у него сложились прочные дружеские отношения со многими руководителями, революционерами, военными кадрами Китая.

Ян Цзинюй, известный военачальник Объединенной антияпонской армии на Северо-Востоке Китая, был одним из видных китайских революционеров, с которыми товарищ Ким Ир Сен делил горе и радость в дни совместного сопротивления империалистической Японии. Воспоминания вождя о Ян Цзинюе пронизывает пламенное чувство дружбы и любви к народу и коммунистам Китая.

Ян Цзинюй вместе с Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном внес большой вклад в создание и развитие Южно-маньчжурского партизанского отряда. На основе этого отряда был позднее создан 1-й корпус Объединенной антияпонской армии и командиром его стал Ян Цзинюй.

В ходе антияпонской вооруженной борьбы мы придавали исключительно большое значение совместной деятельности народов двух стран – Кореи и Китая, постоянно прилагали настойчивые усилия для проведения совместных операций и налаживания взаимодействия со

всеми частями объединенных антияпонских войск. Это полностью отвечало интересам совместной борьбы народов Кореи и Китая. Поэтому мы два раза совершили поход в Северную Маньчжурию, осуществили совместные операции с частями 2-й дивизии 1-го корпуса, возглавлявшейся Цао Гоанем, постоянно расширяли связи с южноманьчжурскими частями.

Южноманьчжурские отряды предлагали нам направить к ним много наших кадров. И по их просьбам мы отправляли к ним немало наших военных и политических работников, подготовке которых мы уделяли большое внимание.

В ходе этого крепче становились узы между нами и южноманьчжурскими коммунистами, укреплялись и товарищеские, дружественные отношения с военными и политическими кадрами Южной Маньчжурии. Ян Цзинюй, пользуясь разными каналами, выражал нам благодарность за нашу добрую помощь южноманьчжурским отрядам, и я тоже часто посылал ему с оказиями приветы, осведомлялся о его здоровье. Таким образом, в ходе совместной борьбы постоянно углублялась дружба между мной и Ян Цзинюем.

Первое знакомство с ним состоялось осенью 1938 года, когда в Наньпайцзы проходило совещание военных и политических кадров КНРА и Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Наньпайцзы – это очень знаменательное место.

Поедешь в уезд Мэнцзян, увидишь обширные лесные массивы, которые называют Пайцзы.

Леса там буквально дремучие, с исключительным множеством болотных трясин – такова характерная черта Пайцзы.

Болотными трясинами антияпонские партизаны называли места со стоячей грязью в лесу. В них густо стояли остатки болотных растений, сорные травы. Ни в коем случае нельзя неосторожно ступить туда, – в мгновение ока трясина тебя поглотит! Говорят, даже неизвестно, каковы их глубины.

И сейчас на лугу направо от Монумента в честь победы в бою в районе Мусана есть участок, где таятся подобные болота.

Обширные лесные массивы Пайцзы называли по-разному – по их направлениям: Дунпайцзы (Восточный Пайцзы), Сипайцзы (Западный Пайцзы) и Наньпайцзы (Южный Пайцзы). В окрестностях Дунпайцзы мы проводили зимой 1937 года военно-политические занятия, а в Наньпайцзы вместе с Ян Цзинюем и другими командирами Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии проводили важное совещание – обсуждали меры по ликвидации последствий похода на Жэхэ. Наньпайцзы, отличающийся множеством болотных трясин, в одно мгновение затягивавших человека вместе с конем, и крутым рельефом местности, был самым подходящим местом, где могли незаметно собираться войсковые отряды, где можно было спокойно вести и любые совещания. Совещание в Наньпайцзы называют также Мэнцзянским – потому, что Наньпайцзы входит в составную часть уезда Мэнцзян.

В период до и после совещания в Наньпайцзы для нашей революции создавалась крайне трудная, сложная ситуация. Она была вызвана, во-первых, наступлением врага, пытавшегося задушить нашу революцию, во-вторых, – левацко-авантюристическими действиями не-

которых лиц из Коминтерна.

В те годы агрессивные войска Японии направляли острие своих атак на южные районы Китая и одновременно с этим под предлогом обеспечения безопасности своего тыла еще более ужесточали карательные операции против частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Контрреволюционное наступление противника серьезно сдерживало нашу вооруженную борьбу и развитие антияпонской революции в целом.

Тяжелы были и последствия похода на Жэхэ, навязанного левацким авантюризмом. Директива Коминтерна была безрассудной, не соответствующей конкретным условиям, как показывали результаты этого похода. Было очевидно, что из-за этого антияпонская революция понесла серьезный урон. И было естественно, что следовало уяснить, где правда и где неправда, чтобы ликвидировать последствия того похода. Это стало общепризнанным злободневным вопросом.

Для того чтобы выйти из трудной ситуации, возникшей на пути революции, нужно было немедленно выработать и осуществить новые тактические меры против наступления врага, а заодно практические шаги для преодоления тяжелых последствий, причиненных левацким авантюризмом. Как раз для этого отряды КНРА и части 1-го корпуса объединенных антияпонских войск решили собраться в Наньпайцзы.

Тогда я с нетерпением ждал Ян Цзинюя. Ведь именно он понес самые большие потери в походе на Жэхэ, претерпел немало мук и на пути к Мэнцзяну. Говорили, что и Ян Цзинюй тоже очень ждал встречи с нами.

Мы заранее отправили проводников для отряда Ян

Цзинюя, создали благоприятные условия для ночлега и питания и даже подготовили обмундирование для его бойцов.

Встреча между мной и Ян Цзинюем была буквально волнующей, поскольку она состоялась после общего тяжкого лихолетья.

С первого же взгляда привлекли меня большие живые и горящие глаза Ян Цзинюя. Народная мудрость гласит: «Если человек стоит тысяча *нян*, то глаза – 800 *нян*». По его глазам я сразу заметил, что он – искренний и пламенный мужчина.

Мы накоротке побеседовали у костра. Немного отогревшись, Ян Цзинюй неожиданно заговорил о корейцах в 1-м корпусе. «В 1-м корпусе, – говорил он, – много находилось корейцев, все они были отважными вояками. Но, к сожалению, не всем удалось добраться сюда. Потеряли бесценных товарищей». Об этих жертвах Ян Цзинюй не раз выражал глубокое сожаление.

О потере корейских товарищей он вспоминал с такой острой болью в душе, что мне невольно приходилось успокаивать его.

Судьба прочно впрягла нас с Ян Цзинюем в одну нелегкую телегу – совместную борьбу против японских империалистов.

В первой половине 30-х годов нашего века в Южной Маньчжурии главнокомандующий Ляонинской добровольческой армией спасения отечества, бывшей Армией Дадаохуэй (Союз Больших Мечей), Ван Фэнгэ вместе с Ян Цзинюем прославились как герои. Они, прочесывая районы Дунбяньдао, много воевали и немало проливали крови.

Как только мы заняли район Западного Цзяньдао, противник стал ставить нас с Ян Цзинюем и Ван Фэнгэ на одну доску. А после того, как Ван Фэнгэ и его жена погибли от рук врагов, их внимание было приковано к нам и Ян Цзинюю. КНРА, которую враги называли и «армией Ким Ир Сена», и отряд Ян Цзинюя представляли собой в Восточной и Южной Маньчжурии две крупные вооруженные единицы, подавляющие силой оружия японских империалистов. Если перелистать совершенно секретные материалы противной стороны, то можно увидеть много мест, где мое имя стоит рядом с именем Ян Цзинюя. То же и в газетах и журналах того времени.

Какой-то японский специалист по Ян Цзинюю, когда он писал о Гирине, не преминул вспомнить об «улице, где молодой Ким Ир Сен развертывал антияпонскую деятельность и был заключен в тюрьму», и об «улице, где Ян Цзинюй останавливался перед уходом в партизанский район». А в другой статье, иллюстрированной картой Маньчжурии, когда там активизировалось антияпонское движение, был дан такой комментарий к карте: «Южноманьчжурский район, где Ян Цзинюй и Ким Ир Сен развертывали антияпонскую партизанскую войну».

В заметках о смерти Ян Цзинюя говорится, что он широко известен в Японии как один из крупных после Ким Ир Сена руководителей антияпонских партизанских отрядов.

Ниже следуют дополнительные материалы того времени.

«Ким Ир Сен, будучи чисто коммунистическим партизаном, является менее чем тридцатилетним юношей, но... базируясь на т. н. свободных от карательных операций районах, таких, как Линьцзян, Фусун, Мэнцзян, Чанбай и др., он имеет в настоящее время в своем подчинении, вероятно, около 500 человек. Ныне его отряд представляет собой самую мощную в Дунбяньдао концентрированную силу» («Тесинь», май 1937 г., стр. 106).

Закончив беседу, я проводил Ян Цзинюя и его бойцов на ночлег, устроенный нами. Увидев приведенные в полный порядок палатки, боевые друзья из 1-го корпуса не скрывали своего восхищения. Они сначала даже не поверили, что эти палатки предназначены специально для них.

Когда мы проводили Ян Цзинюя в палатку, отведенную для комсостава 1-го корпуса, он просто не мог скрыть удивления.

Он говорил: «Сам много слышал, что отряд Командующего Кима весьма гостеприимный. Но, честное слово, мне и во сне не снилось, что здесь, в глухомани, нам будет оказано такое радушное гостеприимство. Ведь какая особенная эта нынешняя зима!» Ян Цзинюй стеснялся войти в палатку. Я предложил ему занять палатку и отдохнуть, снять накопившуюся за несколько месяцев усталость, хорошенько отоспаться. Но он все же отказывался входить. «Не к лицу мне отдыхать, чтобы снять усталость, – сказал он. – Ведь я еще не успел поздороваться с бойцами вашего отряда». Слушая его, я думал, что командующий Ян необыкновенный человек. Из соседних частей бывало у нас много гостей, но почти не было таких, как Ян Цзинюй, который спешил познакомиться с нашими бойцами, прежде чем оставить в палатке путевое снаряжение.

Впервые его представил мне Тун Чанжун. Тун Чанжун вел партийную работу в Даляне. Тогда он, видать, и узнал сперва по рассказам о Ян Цзинюе, которого фушуньские шахтеры уважали, как родного старшего брата.

Им очень гордился и командир 2-й дивизии Цао Гоань, побывавший вместе со своей частью в нашем тайном лагере.

Когда Ян Цзинюй был назначен секретарем особой ячейки фушуньской парторганизации, он заменил свое настоящее имя, Ма Шандэ, на Чжан Гуани, чтобы замаскироваться, пошел в гушу рабочих, представившись пришельцем из Шаньдуна, приехавшим устроиться на работу. Чтобы прочно осесть в Фушуне, где проживало много шаньдунцев, благоприятнее всего было выдавать себя за шаньдунца.

Однажды на Фушуньской шахте, насколько мне известно, шахтеры планировали устроить забастовку в знак протеста против японцев – хозяев шахт. Нужно было немедленно организовать ее. Но на шахте в то время не было такого человека, который выступал бы в защиту прав и интересов рабочих. И тогда шахтеры выдвинули своим руководителем принципиального, убежденного Ян Цзинюя. Он по своему убеждению решительно возглавил забастовку, но, к сожалению, был арестован полицией.

Его приволокли в полицию, но он предъявил все, что следовало предъявить для защиты прав и интересов рабочих, и потребовал все, чего нужно было потребовать. Он ни на йоту не поддавался ни пыткам, ни угрозам. К счастью, подпольной организации вместе с шахтерами удалось вырвать Ян Цзинюя из лап врагов.

По желанию Ян Цзинюя я проводил его в тайный лагерь к нашему отряду. Наш тайный лагерь находился по соседству с тайным лагерем, предназначенным для 1-го корпуса, их отделял друг от друга гребень горного хребта. Получив мой приказ, весь отряд выстроился перед лагерем.

Командующий Ян Цзинюй сквозь слезы говорил: «За это время мы предпринимали поход на Жэхэ. Все понесли

большие потери. Но у вас, вижу, сохранился полный состав сил. Это благодаря тому, что Командующий Ким твердо стоял на своем и умело возглавлял часть. А я потерял почти всех солдат. Как вспомню о них, не могу сдерживать слез. Видано ли, как они страдали от постоянного недоедания, от нехватки одежды, от бессонницы! Несмотря на это, они наступали на Жэхэ и пали на полпути. Если бы мне удалось прибыть сюда вместе с ними, то как я был бы рад и горд!»

Я был просто тронут видом Ян Цзинюя, который прослезился, вспоминая своих павших солдат. Это был человек, полный любви к своим подчиненным.

В честь Ян Цзинюя, которому пришлось вынести в боевом пути много горя, я устроил скромный, если можно так сказать, банкет: на столе лежала сушеная закуска и стояла выпивка – по одной-две рюмочки на человека. Он снял с бедра маузер и боевую сумку и сказал: «Давно не развязывал на себе пояс».

Вместе с Ян Цзинюем прибыл в Наньпайцзы и Со Чхор. Увидев его, Со Чхор тихонько прошептал мне на ухо: «Это же против правил. Командующий Ян является перед всеми, аккуратно одевшись в военную форму. Он всегда старается вести себя как воин. А сегодня он нарушил все нормы ритуала».

Это было первое знакомство с Ян Цзинюем. В тот день он говорил со мной о многом.

Я просто удивился, узнав, что одно время он изучал в индустриальном училище текстильную набивку. Не интересен ли сам факт, что будущий командующий Объединенной антияпонской армии осваивал текстильную набивку! По его словам, он избрал эту специальность из

желания изготавливать одежду из красивой ткани для китайских соотечественников, которые из поколения в поколение жили раздетыми и голодными. В этом, думаю, выражалось его классовое самосознание.

Решимость вести революционную борьбу за народные массы, которые подвергаются эксплуатации и угнетению, рождается именно на почве такого классового сознания.

Еще в ученические годы, когда Ян Цзинюю было чуть больше 10 лет, он, говорят, выступал против несправедливых просветительских мероприятий школьной администрации. Уже по одному этому факту можно судить, что он был наделен с ранних лет необыкновенной принципиальностью и глубоким чувством справедливости.

Вообще Ян Цзинюй – уроженец не Северо-Востока, он родом из провинции Хэнань. Однако по поручению компартии он переехал на Северо-Восток, здесь вел и подпольную партийную работу, и вооруженную борьбу.

Вначале он работал в особой ячейке фушуньской организации КПК, а позже занимался подпольной партийной деятельностью в Харбине.

Осенью 1932 года, когда вспыхнули маньчжурские события и когда один за другим рождались антияпонские вооруженные отряды в разных районах Северо-Востока, маньчжурская организация КПК послала Ян Цзинюя в Южную Маньчжурию с заданием совершить инспекцию. Посылка его в Южную Маньчжурию была связана и с особенностями состава Южноманьчжурского партизанского отряда.

Большинство населения Южной Маньчжурии составляли китайцы. Однако Южноманьчжурский партизанский отряд, организованный в Паньши, вначале состоял только

из корейцев. Организаторы отряда Ли Хон Гван и Ли Дон Гван и все подчиненные им бойцы были корейцами. Из-за этого отряд в первую пору переживал большие трудности. В краю, где преобладали племена хань и маньчжуры, партизанскому отряду, созданному лишь из корейцев, нелегко было пользоваться поддержкой со стороны широких масс жителей, трудно было и пополнять себя новым людским резервом.

Среди людей, посланных в Южноманьчжурский партизанский отряд, был и Со Чхор, который вел комсомольскую работу в Харбине, имея связь с нами. Со Чхор был корейцем, но ему поручили выдавать себя за китайца, и он был послан туда в качестве шефа-военврача. В Южной Маньчжурии он имел право открыть себя лишь перед Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном, а перед другими представлять только в образе китайца – таково было распоряжение организации.

Со Чхор, сын бедного крестьянина, занимавшегося подсечным земледелием, был молодым интеллигентом. Он окончил медицинское училище в Харбине, зарабатывая сам на учебу. Он отлично владел китайским языком, знал житейские обычаи китайцев, так как сызмальства жил среди них.

Если проследить процесс вступления Со Чхора в революционные ряды, то в нем можно увидеть много интересных эпизодов. Приведу один из них.

Говорят, это случилось во время его учебы в начальной школе. Однажды Со Чхор целый день пас вола на лугу. А когда он возвращался домой, то довелось ему отведать полицейских розог. Со Чхор ехал домой верхом на воле. Полицейские ни с того ни с сего придрались к нему

и учинили сущий произвол: без всяких к тому причин стянули его с вола, пинали ногами. Кричали: «Почему, когда идут господа полицейские, ты, надменный, едешь верхом, даже не здороваясь!»

Со Чхор, хотя позднее он стал членом Политбюро ЦК партии одной страны, тогда, не смея вымолвить ни слова, был избит полицейскими. Из-за этого, без вины виноватый, он страдал несколько месяцев. С тех пор он возненавидел полицейских, как ненавидел и другое отребье – помещиков и чиновников, действовавших в одной своре с ними.

Со Чхор уже давно привык, как говорится, к «климату» Китая. В его плоть и кровь вошли житейские обычаи Северо-Востока Китая. Поэтому он был подходящим человеком, чтобы вполне сойти за китайца и помочь Южнотоманьчжурскому партизанскому отряду выйти из трудного положения.

Оправдывая доверие организации, он как нельзя лучше играл роль китайского военного врача. Он очень хорошо содействовал повышению авторитета Паньшиского партизанского отряда, улучшению отношений между населением и армией.

Когда Ян Цзинюй пришел в Наньпайцзы, его сопровождало незначительное число солдат. При мысли о потерях во время Жэхэского похода, говорил он, сердце разрывается на части.

Отряд Ян Цзинюя не только пролил много крови во время похода на Жэхэ, но и переживал все и всякие трудности и лишения в дни похода из Цзианя в Мэнцзян. Противник, используя самолеты, пушки и иное тяжелое оружие, преследовал его отряд по пятам, не давая передышки. Был случай, когда отряду пришлось вести нерав-

ный бой в окружении врагов. С неба налетали самолеты, впереди Чэн Бинь орал, требуя сложить оружие, со всех сторон бабахали пушки, кольцо окружения сжималось. Как мне позднее передали, положение оказалось критическим – не было видно возможности вырваться из кольца. Говоря, что корейские бойцы 1-го корпуса особенно смело сражались, Ян Цзинюй не скупился на похвалы в адрес полка Пак Сон Бона и роты Пак Сон Чхора, которые отличились в самом тяжелом бою под Вайчагоу. Он сам решил пойти в последний, решительный бой.

Решающую роль в бою за прорыв в Вайчагоу сыграла рота, возглавляемая Пак Сон Чхором. Ударники из его роты сражались самоотверженно и буквально грудью пробили путь к прорыву. Большая заслуга в спасении отряда Ян Цзинюй принадлежит Пак Сон Чхору.

Ян Цзинюй говорит: «Если бы тогда не было корейцев в нашем отряде, то мы не смогли бы вырваться из окружения врагов в Вайчагоу, были бы наголову разбиты. Если бы коммунисты двух стран – Китая и Кореи, не создав объединенные антияпонские войска, действовали отдельно друг от друга, то мне не удалось бы встретиться с вами здесь, в Наньпайцзы. Выражаю вам сердечную благодарность за направление к нам многих подготовленных вами кадров корейской национальности».

Совещание в Наньпайцзы длилось у нас более десяти дней, если я не ошибаюсь. На нем со всей остротой были проанализированы и раскритикованы левацко-авантюристическая сущность похода на Жэхэ и его пагубные последствия. Были всерьез обсуждены меры по ликвидации последствий похода.

На совещании были также рассмотрены и решены

вопросы: о продвижении отрядов КНРА в пограничные районы, главным образом, в районы гор Пэкту в связи с крупномасштабным наступлением противника и активном развертывании военно-политической деятельности в этих районах; о восстановлении и приведении в порядок разрушенных организаций ЛВР и дальнейшей активизации массово-политической работы; о последовательном отстаивании самостоятельной позиции в революции.

На совещании мы сформировали армейскую группу из частей нашей Народно-революционной армии, назначили ее командный состав, распределили районы действий подразделений.

Историкам следовало бы точно изложить военно-политическое значение Наньпайцзыского совещания. Оно вместе с совещанием в Наньхутоу, можно сказать, сыграло большую роль в укреплении самостоятельности корейской революции и революции на Северо-Востоке Китая. Что такое самостоятельность в революции? Это значит вести революцию самостоятельно, на основе собственных суждений и убеждений, в соответствии с особенностями своей страны и ее реальными условиями.

Благодаря Наньпайцзыскому совещанию корейская революция сделала еще один крупный шаг вперед в качественном отношении. Это совещание с новой энергией вдохновляло всех командиров и бойцов Народно-революционной армии. Наши бойцы вынесли такие испытания, как Трудный поход, отнюдь не одной только волей и выдержкой. Большую силу они черпали в самом духе совещания в Наньпайцзы. Эта сила на всем протяжении похода толкала меня и моих соратников только вперед и вперед.

Весной 1939 года на совещании в Бэйдадинцзы мы, вновь подтвердив курс совещания в Наньпайцзы, решили выступить на территорию Кореи. Если бы на Наньпайцзыском совещании мы не приняли решение по вопросу важной военно-политической линии, то в столь суровых условиях, когда враг порой окружал нас десяти- и двадцатикратно, нам не удалось бы продвинуться на Родину, преодолев чанбайские заснеженные перевалы и поля, и возвестить о своем появлении там выстрелами. Выстрелы КНРА, раздавшиеся в районе Мусана, – это было эхо совещаний в Наньпайцзы и Бэйдадинцзы.

В Наньпайцзы мы заново реорганизовали из бойцов нашего отряда комендантский полк для Ян Цзинюя и Вэй Чжэнминя, пополнили его многочисленными бойцами. Тогда вновь назначили командиров, дали Ян Цзинюю и ординарца. В ходе реорганизации этого полка еще более углубились дружба и братство между коммунистами двух стран – Кореи и Китая.

После Наньпайцзыского совещания все отряды отправились в назначенные им оперативные районы. Прощание с Ян Цзинюем произвело на меня такое же глубокое впечатление, как и встреча с ним. Мы от имени революционеров двух стран обещали друг другу во что бы то ни стало превратить беду в счастье и выйти победителями, чтобы встретиться снова.

Но, к большому несчастью, после этого мне не удалось уже больше увидеть Ян Цзинюя. Расставшись с нами, он развертывал активную военную деятельность в районах Хуадяня, Дуньхуа, Мэнцзяна, Хуенаня, Фусуна, Цзиньчуаня и так далее. Вследствие крупных карательных акций врага, проведенных под названием «специаль-

ной операции по обеспечению безопасности и спокойствия в районах Юго-Востока», его часть вынуждена была преодолевать многочисленные трудности.

Самой тяжелой, говорили, была подготовка к зиме. Ради этого тоже нужно было вести бои. Ян Цзинюй решил противостоять крупным силам карателей, ведя рассредоточенные действия. Разумеется, нельзя считать такое его решение противоречащим принципу партизанской войны. Однако и теоретически верную тактику следует применять, сообразуясь с обстоятельствами. Иначе это может повлечь за собой беду. Боевая обстановка многообразна и переменчива.

Если действовать рассредоточенно небольшими отрядами, то это, конечно, поможет сравнительно легко оторваться, скользнуть из поля зрения врага. Ян Цзинюй, учитывая это, видимо, замыслил уничтожить врагов, умело сочетая «тактику мгновенного исчезновения» с «тактикой мгновенного появления», выбираясь из трудного положения, в котором оказался его отряд. Однако, когда новые боевые обстоятельства потребовали собрать распыленные силы в единый кулак, оказалось, что дело не заладилось так, как ему хотелось.

Если действовать, будучи окруженным крупными силами противника, только рассредоточенно, то нелегко отражать его натиск. А если не сможешь отражать противника, то, в конце концов, подвергнешься преследованию и попадешь в совершенно пассивное положение. И в случае, когда придется вести встречный бой с крупными силами противника, то неблагоприятной стороной, безусловно, окажется та, которая действует рассредоточенно. Разведав, что отряд Ян Цзинюя действует разрозненно

небольшими группами, враги бросили на него более крупные силы, чем прежде, и проводили одну за другой яростные операции на окружение и уничтожение. А Ян Цзинюй сузил поле для своего маневра, остановился на зиму на одном месте, построив там тайный лагерь. И здесь ему уже было не избежать концентрированных ударов врагов-карателей.

Не удивительно ли, что в первом ряду этой операции стоял изменник Чэн Бинь, который был когда-то командиром дивизии под рукой Ян Цзинюя. В январе 1940 года Чэн Бинь, ставший командиром полицейского отряда провинции Тунхуа, столкнулся с главными силами отряда Ян Цзинюя в Сигане уезда Мэнцзян, между ними велась перестрелка в течение 6 часов. А в начале февраля Чэн Бинь вместе с другим полицейским батальоном вновь встретился с главными силами Ян Цзинюя.

В феврале 1940 года в лесу уезда Мэнцзян Ян Цзинюй погиб смертью героя в сражении с карателями. В момент, когда он вел последний, решительный бой, рядом с ним находились только бойцы его комендантского подразделения. Но они попали в окружение противника. Враги то и дело орали: «Сдай оружие!» Ян Цзинюй с маузерами в обеих руках вел неравный бой. В горячей перестрелке он пал на поле брани.

До конца охранял его Ли Дон Хва, ординарец, переданный нами в Наньпайцзы. Он разделил судьбу с Ян Цзинюем до последней минуты его жизни. Скорбную весть о гибели командующего Яна мы обнаружили на страницах газет. Это, вероятно, было сразу после боя в Дамалугоу. Разгромив врага, мы захватили газеты, на их страницах было помещено сообщение о его гибели. Про-

читав об этом, я потерял аппетит.

Мы с ним различались и по происхождению, и по национальности, но тогда я, вспоминая встречу с Ян Цзинюем, незаметно от других проливал немало слез.

Враги отрезали голову командующего Яна и сфотографировали ее. Они разбрасывали с самолета эту фотографию повсеместно в Маньчжурии. Враги даже распустили его живот. Видимо, им захотелось узнать, как он, находясь в лесу, где нет ничего съестного, проявил такую сверхчеловеческую боевую волю. Насколько мне известно, в его желудке не оказалось ни крупинки настоящей пищи, – только переваренные сухие листья трав, их корни и кора дерева.

В дни, когда мы с Ян Цзинюем обменивались дружескими чувствами в Наньпайцзы, я потерял трех командиров – Ким Чу Хёна, Ким Тхэк Хвана и Ким Ён Гука, которых мы больше всех берегли и любили. Вот почему нам и не позабыть Наньпайцзы.

После освобождения Китая уезд Мэнцзян, где пал Ян Цзинюй, был переименован в уезд Цзинюй для увековечения его имени.

Когда в Китае состоялось открытие «Мемориального кладбища Цзинюя», построенного в городе Тунхуа для увековечения памяти пламенного революционера Ян Цзинюя, я послал туда венок.

После освобождения Китая один из руководителей КПК в своей статье, определяющей место антияпонской партизанской войны на Северо-Востоке Китая, писал: в более чем 20-летней истории КПК имели место три самых тяжелых сражения – во-первых, Великий поход в 25 тысяч ли, во-вторых, трехлетняя партизанская война

Красной армии, остававшейся на юге после ухода главных сил Рабоче-крестьянской красной армии в Великий поход, в-третьих, 14-летняя трудная борьба Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии.

Знамя героического сопротивления Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии пропитано и кровью Ян Цзинюя, пламенного коммуниста, рожденного китайским народом. Наш народ будет вечно помнить славные боевые подвиги Ян Цзинюя, совершенные им в совместной борьбе против японских империалистов.

5. Бабушка Ли Бо Ик

Жизнь Ли Бо Ик занимает особое место в истории революционной деятельности семьи в Мангендэ. В этой семье родились, выросли уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен и великий руководитель товарищ Ким Чен Ир. Целую плеяду потомков бабушка проводила на путь революции. И после этого она со своим мужем Ким Бо Хеном заслоняли собой дом от всех свирепых ветров, проникающих сквозь плетеную калитку. Они вынесли многие тяготы и лишения. Следы ее многострадальной жизни запечатлены и на просторах заснеженных гор и полей на маньчжурской земле.

Товарищ Ким Ир Сен с болью в душе вспоминал о своей бабушке, которая всю жизнь помогала детям и внукам в революционной работе и тихо, скромно, без всякой громкой славы ушла в мир иной.

После начала войны с Китаем японские империалисты широко развернули против нас «операцию по содействию капитуляции». К ней они подключили многих, кого угодно: бывших друзей со школьной скамьи и преподавателей в годы моего ученичества, причастных к Союзу свержения империализма, и перевертышей тюремного покрова и родственников, других близких. И, наконец, их щупальца протянулись к Мангендэ – они силой взяли мою бабушку и повели ее в район гор Пэкту. Прочесывая леса, они подвскакивали ее всяким лишениям и мучениям. Такая гнусная операция, в которой в качестве приманки использовали

мою родню, была последним козырем противника.

С седой старины Корея широко известна соседним странам как «страна высокой нравственности на Востоке». То, что представители корейской нации – люди приличные, сердобольные и глубоко верные родителям, единодушно признавали с давних времен и европейцы, побывавшие в нашей стране. Ученые царской России, объезжавшие Корею в последние годы Старой Кореи, вернувшись к себе, представили царю доклад, в котором подчеркивалось, что Корея – первейшая страна по моральному уровню.

Враги привлекли мою бабушку к «операции по содействию капитуляции» для того, чтобы как-то повлиять на меня, спекулируя на моей верности деду и бабушке. У империалистических агрессоров нет ни тени человеческих чувств. Они не гнушались злоупотреблять, проводя свою разбойничью стратегию, даже прекрасными обычаями и нравами корейцев, их традиционными нормами этикета и морали. Вот один из примеров. Во второй половине прошлого века захватчики из Европы и Америки, движимые стремлением поставить на колени регента Тэвонгуна и принудить его открыть двери в Корею, прибегли к грабежу усыпальницы его отца – Намёнгуна.

Весть о том, что мою бабушку притащили в уезд Чанбай и держат под арестом в селении Цзяцзайшуй, я получил в тот момент, когда был со своим отрядом в районе Мэнцзяна.

Ночами бабушку держали под стражей, а как только занимался рассвет – каждый день таскали ее по горам, принуждая кричать как можно громче: «Сон Чжу, внучек милый, к тебе пришла твоя бабушка. Пожалей старушку,

выйди из леса побыстрее!»

В те дни мне доставили записку из Цзяцзайшуя. Там сообщалось об объявлении, расклеенном врагами по многим селениям Чанбая. В нем говорилось: «Пришла в Цзяцзайшуй бабушка Ким Ир Сена. Ким Ир Сену надлежит немедленно сойти с горы и увидеться с ней».

Всякий раз, когда враги вступали в дремучие лесные массивы, где, по их мнению, может скрываться тайный партизанский лагерь, они доминировали бабушку требованием: «Громко зови внука по имени». Но бабушка моя была не такая, чтобы покорно повиниться подлецам. Естественно, за этим следовали ругань, оскорбления, всякий произвол. То тыкали стволом винтовки в спину бабушке, как уголовнице, то впрямую грозили смертью, то мягко уговаривали. Но все попытки были тщетны. Они, я бы сказал, совсем не знали ее как человека. Они, наверное, предполагали: стоит разок-другой топнуть ногой и вытаращить глаза пострашнее – и эта деревенская старуха, испуганная, будет во всем послушна им. Чушь!

Члены подпольной организации из Цзяцзайшуя, испытывая большое сострадание к ней, просили меня направить отряд – провести операцию и выручить бабушку. А если положение не позволяет этого сделать, то члены подпольной организации, сообщили они, сами пойдут на то, чтобы вызволить бабушку из беды. И предложили мне: «Сами выбирайте один из двух вариантов».

Известием о том, в какое положение попала бабушка, я был сильно потрясен. Меня сотрясали судороги. В душе бушевал гнев, и я с большим трудом взял себя в руки. Подумать только, что 60-летнюю старую женщину принуждают в 40-градусный мороз тащиться по по-

крытым ледяной коркой склонам гор и глубоким сугробам. Разве можно совершить такую дикость, будучи человеком?

Чувство обиды властно толкало меня на месть: немедленно отправиться в путь со своим отрядом, чтобы потрепать врага и вернуться с бабушкой. Но все-таки приходилось сдерживать нахлынувшие эмоции, пересиливать свои порывы. Нужно было учитывать действительность: то было время, когда на волнах прокатившегося «Хесанского дела» революционные организации в Западном Цзяньдао и в Корее тяжело пострадали из-за суровых испытаний. Много сотен революционеров, истерзанных кровавыми пытками, томились за решеткой. А если я повернусь спиной к этой реальности и брошу людей в бой, лишь бы сберечь жизнь родной бабушки, то как после этого я смогу вести за собой революцию?

Организовав боевую операцию, мы, конечно, могли бы спасти бабушку. Но не исключена была, на худой конец, и возможность попасть на удочку врага.

Ким Пхён просил разрешения тут же отправиться хотя бы со своим малым отрядом на спасение бабушки, но я с ним не согласился. Наоборот, уговорил его скорее пойти в назначенное ему место, чтобы предпринять какие-нибудь меры для спасения Пак Дара и других членов СНОК. У меня в душе глубоко запал его образ, когда он покидал нас, вытирая кулаком слезы.

Что греха таить, я тоже плакал, отправив его в путь. Вот ведь родная бабушка находится так близко – кажется, только рукой подать, а мне приходится сидеть сложа руки – мучила меня эта мысль. Раньше мы вступали в бои просто из-за нескольких мешков зерна или нескольких винтовок, без колебания вступали в схватки и для спасения

одного-двух патриотов. А теперь, когда родная бабушка совсем недалеко, тем более, сидит под арестом, обиженная и оскорбленная, я должен был оставаться бездействующим. Трудно передать словами мои переживания. Я был вынужден заглушить неодолимое стремление спасти бабушку – вот в чем именно было мое необыкновенное горе, горе Командующего. Нелегко человеку побороть глубинные сугубо личные чувства.

Я, бывший в детстве особым любимцем бабушки, получив информацию подпольной организации из Цзяцзайшуя, совсем лишился душевного спокойствия. Мои тяжелые душевные терзания тех дней не поддаются описанию.

В детстве, потом в отрочестве бабушка занимала в моей жизни не менее важное место, чем мать. Из моего детства в Мангендэ одной из самых впечатляющих была картина, как торговцы тянучками с лотком на шее кричали: «Покупайте, берите тянучки!», расхаживая по селениям. Иногда к нам в село они заходили с ручной тележкой, загруженной тряпками и старыми галошами, полученными в обмен на тянучки. Лязгая ножницами с широкими лезвиями для разрезания тянучек, они зазывали покупателей. На их зов со всех сторон сбегалась малышня.

В то время и мне не терпелось отведать приятный вкус сладостей, и я невольно глотал слюну. Но вряд ли у нас дома нашелся хоть бы грош, или какое-нибудь старье – лохмотья или поношенная резиновая обувь. В те времена у нас в селе очень немногие имели резиновую обувь. И члены моей семьи все ходили в соломенных лаптях – о резиновой обувке им не дано было даже мечтать.

Когда малыши селения облепляли торговца с его до-

щечкой или тележкой и гомонили вокруг него, один я не мог присоединиться к ватаге и оставался у себя дома на дворе, притворяясь, что либо задаю курам корм, либо увлекаюсь наблюдением за суетой муравьев возле глиняного чана соевой пасты, стоявшего на заднем дворе. Видя меня за такими занятиями, взрослые в моем доме не могли не догадываться, что творилось в моей душе.

Как-то моя бабушка вышла из дома с черпаком дорогостоящего риса и выменяла его на тянучки. Вернувшись с несколькими палочками тянучек, она передала их в мои ручонки. Хотя я был еще мал, но душа наполнилась чувством горячей благодарности к ней. Ведь семье жилось бедно, она еле сводила концы с концами, питаясь одной кашницей из грубого зерна. Нелегко было в таком положении менять рис на несколько тянучек.

И сейчас я будто бы вижу перед глазами тот незабываемый бабушкин черпак из высушенной тыквы-горлянки с рисом и тянучки.

Я не очень помню себя за спиной матери, но, как ни странно, свежо остается в моей памяти, как носили меня на спине бабушка и тетушка Хен Сир. Когда бабушка должна была сходить в свой родительский дом, она охотно брала меня с собой, причем всегда носила за спиной.

Мальчик 6 – 7-летнего возраста, можно сказать, уже начинает образумливаться. Обычно мальчик такого возраста уже стесняется ощущать себя малышом и не хочет передвигаться, пользуясь чьей-то спиной. А вот моя бабушка, придя в село Понхва, подставляла мне свою спину, желая прикинуть, как я, Чынсон (так звали товарища Ким Ир Сена в детстве, – ред.), подрос за это время. Ей было безразлично, стесняюсь ли я или нет. На ее спине

было очень уютно, и я очень любил какой-то травный запах, исходящий от ее волос и кофточки. Это был запах, свойственный бабушке-труженице, вся жизнь которой прошла в крестьянском труде.

Пока мы жили в Мангендэ, бабушке принадлежали особые права на меня. Мое детство чаще всего проходило у бабушки. Ее рука с шершавой кожей заменяла мне в детстве подушку. Подложив под голову такую ее руку, я незаметно для себя спокойно засыпал. Перед сном она, заключив меня в свои объятия, рассказывала чудесные сказки, поражая мое воображение, придавая крылья моим мечтам. Порой она потихоньку совала мне в рот ком пригорелого риса, взятый во время приготовления еды, или ююбу. И такие «лакомства», как мне казалось, были особенно вкусными.

После того, как скончался мой отец, у бабушки любовь ко мне многократно усилилась. Порой казалось, что она видела единственную радость своей жизни во мне, в росте старшего в семье внука. Что, кроме этого, могло быть для нее удовольствием? Наслаждение яствами? Пышный наряд? Или же какая-нибудь другая роскошь, праздное времяпровождение с поездками по мирскому свету? Ничего подобного просто не было.

У нее в глубине души теплилась скромная, но стойкая мечта о независимости страны. С этим неослабевающим ожиданием желанной поры независимости Кореи она ухаживала за детьми, внуками, вставшими на борьбу за нее, поддерживала их чем могла. Вот в чем была ее самая большая забота и в то же время ее радость.

Ее любовь ко мне выражалась в большинстве случаев в надежде на меня и в доверии ко мне. 1926 год стал мне

памятным смертью моего отца. Посетив летом того года его могилу, находившуюся в поселке Яндицунь в Фусуне, бабушка опустилась на колени перед могилой и горько запричитала. Потом, обернувшись ко мне, проговорила:

– Теперь, Чынсон мой милый, тебе придется нести отцовскую ношу. Продолжи дело отца и во что бы то ни стало верни потерянную Родину. Пусть мне и твоей матери останешься не внимательным внуком и сыном, но ты обязательно должен отдать всего себя борьбе за независимость Кореи.

От этих ее слов я получил сильное потрясение. Если бы она тогда наказала мне разбогатеть или сделать блестящую карьеру, а не драться за независимость Кореи, то я не был бы так тронут.

Но у нее даже на уме такого и не было! Судя по всему, можно сказать, моя бабушка – человек очень высоких идеалов. Я черпал в ее словах огромную вдохновляющую силу.

Так бабушка просила меня совершить такое серьезное, ответственное дело, как достижение независимости страны, и в этом выразилось ее доверие ко мне.

Впоследствии бабушка, не возвращаясь в Мангендэ, некоторое время оставалась в Фусуне. А когда мы переселились в Аньту, она была там вместе с нами, утешая как могла мою мать и тетушку.

Если попытаться одним словом дать характеристику моей бабушке, то можно было бы сказать, что она женщина сильной воли. Действительно, она была обладательницей твердого характера, какой редко бывает среди женщин в ее возрасте. С бедными, несчастными, добропорядочными людьми она проявляла себя несказанно добродушно,

нежно, а в отношении к варварам в человеческом обличье была сурова, как зимний холод. Ни перед каким насилием, ни перед какой несправедливостью она не гнулась. Таким вот характером, темпераментом обладала моя бабушка.

Если бы она была малодушной и слабовольной, мне, потрясенному сообщением подпольной организации из Цзяцзайшуя, может быть, намного труднее было бы преодолеть столь тяжелые душевные переживания.

Я был уверен, что она поймет мое сердце и, как подobaет бабушке революционера, стойко перенесет всякие мученические испытания, которые суждено было пережить заложнице. И я оказался сто раз прав, веря тогда своей бабушке.

Это было в то время, когда мы вместе с Ян Цзинюем и другими военными кадрами 1-го и 2-го корпусов собрались на важное совещание. Однажды к нам в тайный лагерь в Наньпайцзы пришел мой соученик в годы учебы в училище «Хвасоньисук» Пак Чха Сок, чтобы повидаться со мной. Он, как выяснилось, был послан с заданием заставить меня «добровольно капитулировать». Позднее пришел ко мне с тем же заданием Ли Чон Рак. Пак Чха Сок честно признался в своих нечистых делах, выложил всю историю, как он, загоняя мою бабушку на чужбину, шатал по земле Западного Цзяньдао. Я узнал из его слов, что бабушка ничуть не согнулась перед врагами, вела себя так крепко, как я и представлял.

Мою бабушку использовали в своей операции как заложницу молодчики из «группы по содействию капитуляции». Ли Чон Рак и Пак Чха Сок принадлежали к этой группе. Японские интриганы навязали им затею – вовлечь мою бабушку в их гнусную акцию.

Двое названных появились в Мангендэ и заявили моим бабушке и бабушке: «Не хотите ли, – говорили они, – повидаться с внуком? Если хотите, говорите откровенно. До сих пор ваш внук напрасно мучился и теперь сам себя заставляет быть обреченным. Хотите спасти его из беды – сделайте, как вам велят».

Тут моя бабушка высказала недоумение: «Что за чушь? Если человек умер, – все, ему конец. Ведь в газете появилось объявление о гибели моего внука, а вдруг – говорите, он жив. Слышать такой вздор не хочу!» И отвернулась от них.

Растерявшись, Ли Чон Рак стал объяснять ситуацию: «То самое объявление – сплошная ложь. Сон Чжу не умер, он жив. И он продолжает движение за независимость, которому, однако, не суждено завершиться удачей. Он бесполезно мается в таежных дебрях. Видите, весь Восток превратился в мир японцев, а он, ни о чем не зная, забился в лесную глушь Пэкту. Питается сырым зерном, даже без соли, да сосновой хвоей. И тело его сплошь покрыто пухом, как у зверей, а ноги истерлись и огрубели, совсем не похож он на человека. Сон Чжу применяет тактику неуловимых, маневрирует очень проворно, сражаясь. Итак, трудно заставить его спуститься с горы. Знаете, что обещает японское правительство? Лишь бы он пришел к ним, ему дадут любые высокие чины, чего только он хочет, – и начальника Квантунской армии, и командующего войсками в Корее и так далее. И семья его, безусловно, будет купаться в роскоши и жить в особняке наподобие дворца. Надо сделать так, чтобы Сон Чжу скорее вернулся. Кажется, вы, бабушка, в этом можете помочь больше всех».

Он выложил пачку денег в сотни вон и добавил: «Возьмите, пожалуйста, это, вам японцы дают предварительную сумму. Покупайте все, что нужно семье. Наймите и кухарку».

Мой дедушка был вне себя от ярости, выкинул на двор пачку денег, сурово отчитав посланцев: «Подлецы какие! Велите обменять жизнь родного внука на деньги?! Хватит чушь городить. Уходите вон, живо!»

И бабушка не оставалась в стороне. Она кричала: «Сколько ни обещаю нашему Сон Чжу должностей, пусть даже более высоких, чем командира японских войск, я не пойду за ним – никогда! Мало вам того, что убили моих сыновей – Хен Чжика и Хен Гвона! От обиды сердце разрывается на части. Вон с моих глаз!»

Оба молодчика остались с носом. Им ничего не оставалось, как удалиться. Поняв, что ни словами, ни деньгами не подкупить людей из нашего рода, враги потащили бабушку под дулами винтовок в Маньчжурию. Собираясь в путь, она сказала: «Ну, ладно. Коль вы силою принуждаете меня с вами идти, так пожалуйста. Но не думайте, что я буду помогать вам. У меня своя мысль. Пойду полюбуюсь горами Пэкту и землей Маньчжурии, где воюет мой внучек. Посмотрим, кто посмеется последним».

Как видите, необыкновенно твердой была воля моей бабушки.

Агенты из «группы по содействию капитуляции» около года кружили вместе с бабушкой по горным местностям Западного Цзяньдао и заставили ее испытывать невероятные лишения. Нетрудно представить, как тяжело было женщине, которой перевалило за 60 лет.

Как-то Пак Чха Сок заметил, как у бабушки опухли ноги, и он утешал ее: «Извините, бабушка, что мы заставляем вас, невинную, изнемогать. Так мы делаем, собственно, поневоле, и нам тоже тяжело. Так что о ваших муках говорить не приходится». Хотя Пак Чха Сок изменил своим убеждениям, но у него, видимо, осталась капля способности к состраданию.

Бабушка отвечала, что ей и, правда, нелегко, но при виде гор, где сражается родной внук, она чувствует прилив новой силы.

Враги, тыча ей в спину дулом винтовки, требовали кричать во всеулышание имя внука, но каждый раз она отказывалась и грозила им в свою очередь: «Не умею быть сумасшедшей. Убьете меня и думаете, что останетесь без кары? Хотите, чтобы угодила в вас пуля моего внука, так и делайте!»

И эти агенты тоже знали, что их затея не принесет желаемого результата. Они пребывали в постоянном страхе, не ведая, когда их настигнет партизанский удар. Они слишком хорошо представляли, какое суровое возмездие ожидает их свору, держашую в качестве заложницы бабушку командующего революционной армией.

Им в голову пришла мысль: все-таки лучше бы избежать партизанской пули. Вот и додумались просить ее: «Мы будем защищать вас вдалеке. Возьмите мальчика лет пятнадцати, он будет вас обслуживать как прислуга. Теперь вы с ним можете найти внука». Так они ее умоляли.

Бабушка угадала, что они, испуганные, хотят спасти свою шкуру. И она им сказала: «Скажите-ка, зачем мучить беднягу? Я возьму с собой вас, людей с обрюзглыми лицами. Если это вам взбрело в голову из-за боязни рево-

люционной армии, то я позову вашего начальника и прямо скажу все, что у вас творится». Теперь дело приняло такой оборот, что им приходилось подчиняться ей покорно, как бычку с кольцом в носу.

Бабушка громко приказывала агентам, делала все по своему желанию. Когда погода испортилась, похолодало, она отказалась идти в горы – говорила, что ей холодно, а когда уставала, то отстаивала свое право отдыхать. Иной раз, когда в бане была не очень теплая вода или ей казалось, что там кто-то из японцев уже помылся, резко протестовала: «Так пренебрегаете мной?! За кого принимаете меня, бабушку Полководца Кима?!» А когда ей предлагали японские или китайские блюда, она грозно повелевала: «Принесите корейское!» Каждый раз в такие моменты мужланы, вовлеченные в «операцию по содействию капитуляции», суетились в хлопотах, стараясь услужить ей.

Как-то в новогодний праздник японский инспектор, курирующий дело этой группы, позвал к себе Ли Чон Рака и Пак Чха Сока и высказал им свое желание: «Хотелось бы по случаю Нового года получить приветствие от бабушки Полководца Кима. Пусть она мне поклон сделает». Когда ей передали желание японского инспектора, бабушка, усмехаясь, грозно прокричала: «Чушь какую слышу! Человечек бесцеремонный! Пусть он придет ко мне, бабушке Полководца Кима, и отвесит поклон!»

Когда доложили об этом тому инспектору, он, говорят, до того был потрясен, что из его рук выпала рюмка с вином. А он был таким деспотом, который в любую минуту, когда ему что-то оказывалось не по душе, выхватывал оружие и бесчинствовал до тех пор, пока те, кто не угодил ему, не попросят у него извинения. Но, как ни странно, тот день

был исключением. Он был в подавленном настроении, не скандалил и даже восхищался: «Да, это достойная старуха, на то и бабушка Ким Ир Сена. Вижу, внук ее – тигр на горе Пэкту, а вот она, несомненно, бабушка-тигрица!»

Как видите, моя бабушка держалась принципиально, гордо и высоконравственно. Пак Чха Сок, как он сам признавался, каждый день перед ней чувствовал себя виноватым, точно на скамье подсудимых, – у изменника оказалась кишка тонка.

Агенты из «группы по содействию капитуляции», в конце концов, не добились своего, и им пришлось возвратить бабушку в Мангендэ.

Услышав от Пак Чха Сока обо всем увиденном и пережитом им самим, агентом «группы по содействию капитуляции», я почувствовал в душе еще более глубокое уважение к своим дедушке и бабушке. В душе я благодарил их, оставшихся в родном селе. В то время, покидая тайный лагерь, Пак Чха Сок дал мне слово: хотя он стал отступником по принуждению япошек, больше не сделает ничего такого, чего бы постыдился перед Родиной, нацией и, помимо того, передо мной, терпящим муки в горах.

Я выложил перед ним несколько корней дикого женьшеня и письмо и просил передать их тайком моим дедушке и бабушке.

С освобождением страны я вернулся на Родину и имел возможность спросить дедушку и бабушку, получили ли они мое письмо из горного района. Выяснилось, что письмо-то получили, но корней женьшеня – нет. Может быть, их прихватил тот самый японский инспектор, который послал Пак Чха Сока к нам в лагерь.

Письмо, которое товарищ Ким Ир Сен направил из тайного лагеря в Наньпайцзы через Пак Чха Сока, бережно сохраняли дедушка и бабушка в Мангендэ до тех пор, когда их внук, возродив Родину, с триумфом возвратился в Корею. Письмо было помещено на страницах газеты «Чонро» от 29 мая 1946 года, и через эту публикацию стало известно миру. «Чонро» – предшественница газеты «Нодон синмун».

Примечательно, что родной вождь не взыскал, не наказал того, кто изменил своим политическим убеждениям и предал революцию, а доверил ему трудное задание – передать секретное письмо. По одному этому беспрецедентному факту мы сможем без труда представить себе его безграничное великодушие и снисходительность. Если у Пак Чха Сока оставалась хотя бы искорка человеческой совести, он наверняка прослезился бы перед его великой душой. И, действительно, он не передал это письмо своим боссам, а вручил его точно адресатам. Значит, надо считать, что он сдержал слово, которое дал в тайном лагере.

Было поистине счастьем то, что дошло до наших дней и предано гласности это короткое письмецо, пропитанное боевым задором и крепким духом 20-летнего, в полном расцвете сил, молодого Полководца, который неизменно был верен своим убеждениям и чувству долга, делу освобождения Родины и был полон оптимизма.

Ниже следует полный текст письма.

«Понял тебя, бабушка, и всю твою искренность.

Раз мужчина решил посвятить себя государственному делу, его жизнь недвусмысленно принадлежит целиком стране и нации.

Не за горами тот день, когда с радостью вернусь к тебе. Так ты обо мне не беспокойся, дорогая бабушка».

Получив письмо от товарища Ким Ир Сена, все его родственники в Мангендэ не скрывали слез.

Позже судьба опять свела бабушку Ли Бо Ик с агентами еще и из другой «группы по содействию капитуляции», к которой принадлежал Рим Су Сан. И ей, угнанной молодчиками в Северный Цзяньдао, пришлось хлебнуть там много горя.

Родной вождь об этом вспоминал после перемирия в войне у гроба бабушки Ли Бо Ик. Собравшиеся родственники, друзья, знакомые видели, что тогда его глаза были полны глубочайшей скорбью и печалью.

О том, что бабушку по второму разу потащили в Маньчжурию и заставляют ее претерпевать все беды, я узнал, когда находился под Чэчанцзы уезда Аньту. Если говорить о составе той группы, которая таскала мою бабушку, то большинство ее молодчиков составляли японцы. В ней был и Рим Су Сан, служивший одно время у нас в главной части начальником штаба. Насколько мне известно, как изменник, капитулянт, он крепко-накрепко поклялся своим японским боссам, что схватит меня любой ценой.

Вначале та группа пыталась взять в заложники моего дядю Хен Рока. Видимо, они рассуждали так: можно взять и бабушку, но она может оказаться не по зубам, от нее ничего не добьешься.

Что касается дяди Хен Рока, то он был единственный сын, оставшийся у моих дедушки и бабушки. Когда в Мангендэ появились агенты и собрались было насильственно увозить дядю, дедушка решительно протестовал, ударяя кулаком по полу: «Этого нельзя делать!» И бабушка гневно проклинала: «Единственный он у меня сын. Хотите гонять его с целью поймать моего старшего внука? Гады в человеческом обличье! Вас, мерзавцев, покарает небо!» И дядя, в свою очередь, упорно сопротивлялся: «Пусть умру

дома, но не могу, не могу помочь вам захватить родного племянника».

Принуждение врагов до того было жестким, что бабушке вновь пришлось совершить нерадостную поездку в Маньчжурию. Ее непокорная душа буквально кричала: «Сколько ни бесчинствуй, гад, не одолеешь меня, бабушку Полководца Кима!» Покидая дом, вместо сына Хен Рока, она готова была на смерть. И на этот раз ей пришлось бродить целые месяцы под конвоем злодеев по кручам Северного Цзяньдао, но она ни разу негнула спину перед врагами. Иногда на ночлегах или на дороге Рим Су Сан понукал бабушку, недовольный тем, что она не послушна их приказаниям. Тогда она гневно говорила ему: «Ты, иуда, изменил моему внуку. Но я, хоть умри, остаюсь на стороне моего внука, на стороне Кореи. Посмотрим, как долго протянутся твои дни!»

Услышав о том, что враги опять схватили бабушку как заложницу, я организовал тогда много боев. В этом я видел наилучший способ сообщить ей о том, что я здоров и продолжаю воевать. Это был и мой привет ей, передающий таившиеся во мне несказанно глубокие чувства.

Каждый раз, когда до ее слуха доходила весть о нашей победе в бою, она становилась оживленнее и громко хвалила, не смущаясь тем, подслушивает ли ее кто-нибудь или нет. «Молодец, внук мой! Ну скорей бей этих япошек до единого, чтобы на нашей земле не было их племени».

И снова врагам не оставалось ничего другого, как вернуть бабушку в родное село. После этого они больше не затевали попыток схватить меня с использованием заложников. Получилось, в конце концов, так: из схватки с

врагом победительницей вышла моя бабушка, безоружная старуха.

Между прочим, с течением времени все более усиливались притеснения и бесчинства войск и полицейских в отношении моих родственников в Мангендэ.

В семье было много патриотов, а я, в частности, был командующим революционной армией, и десятки лет нашим родственникам пришлось переживать невероятные трудности и лишения. В последние годы японского правления мой дядя Хен Рок обзавелся немудреными рыболовными снастями и, избегая репрессий врага, промышлял в море неподалеку от Нампхо, чем и зарабатывая на хлеб насущный.

Самой трудной у нас в семье была судьба бабушки.

Когда я впервые после освобождения страны переступил порог родного дома в Мангендэ, я сказал бабушке: «За меня тебе, бабушка, здорово доставалось. Так ведь?» А она отвечала со светлой улыбкой: «Совсем не так. Мои испытания не сравнить с твоими. ... Муки-то навлекли на себя вон они, япошки. Нет, у меня никаких мучений не было. Ты же воевал за возрождение Родины, много пережил. Мучились япошки, обслуживая меня. Благодаря тебе мне довелось полюбоваться разными местностями. Это же просто наслаждение. Чего там муки – никаких!»

Я извинился перед дедушкой и бабушкой за то, что через 20 лет в родной дом явился с пустыми руками. И тут бабушка успокоила меня: «Как же это с пустыми руками-то?! С независимостью страны! Какой это большой подарок! Коль ты цел, вернулся живой-здоровый, принес освобождение страны, чего ж мне ожидать от тебя больше? Самое большое – ты и

освобождение. Большого на свете не найдешь».

В этих словах ясно выразилась ее широкая натура. Слышать такое от деревенской старухи, которой скоро 70 лет... Я был глубоко восхищен: какая у меня замечательная бабушка!

А ведь все это происходило в то время, когда достиг своего апогея жестокий сабельный режим японского империализма. Но моя бабушка не гнулась ни перед силой власти, ни перед угрозой врага, сохранила до конца достоинство и убеждения матери революционера, бабушки революционера. Это уже должно расцениваться как крупная победа. И, скажу, среди бабушек нашей страны много патриотов, таких, как моя бабушка.

Иногда меня занимает мысль: «Моя бабушка – не коммунист, не профессиональный революционер. Не ходила в школу, не получала в организации революционного воспитания. А что же, спрашивается, помогло ей, ни аза не знающей деревенской старухе, держаться так достойно и гордо в противоборстве с врагом, вести себя так умно и принципиально?»

По-моему, кажется, ее сделали героиней семейные традиции нашего рода, а также сама революция. О каких семейных традициях нашего рода я говорю? Это готовность без колебания отдать свою жизнь за дело Родины и нации. Это – сознание того, что самое дорогое в мире – Родина и народ. Иначе говоря, это чувство любви к Родине, любви к народу и нации. Моя бабушка, думаю, оказалась под большим влиянием своих детей, внуков. Ее сыновья, ее внуки посвятили себя революции, и она не могла оставаться вне поля их влияния.

Обычно в семье, в которой дети занимаются револю-

цией, родители тоже становятся их сподвижниками. А если они сами и не становятся революционерами, то хотя бы сочувствуют им, всячески помогают. Обычно люди говорят: под опекой замечательных родителей дети растут талантливыми, способными, окруженные их влиянием. Это верно. Точно так же и родители, имеющие толковых, порядочных детей, просвещаются, становятся сознательными. И они пойдут в ногу с детьми. Исходя из этого, я часто подчеркиваю исключительную важность роли представителей молодого поколения в повышении революционного сознания всех членов семьи.

Если даже предки занимались революцией, их потомки, конечно, сами собой не становятся революционерами. Для того, чтобы человек посвятил себя делу революции, конечно, немаловажно влияние его родителей. Но самое главное здесь – собственные активные усилия самого человека. Надеяться только на авторитет и воздействие предков не годится. Об этом нечего мечтать даже и во сне. Я надеюсь, что молодые люди из нашего рода, следуя примеру своих предков, патриотов предшествующего поколения, сложивших головы в борьбе за независимость Родины, всегда будут правофланговыми в борьбе за строительство социализма и воссоединение Родины. И то, что моя бабушка и на закате своих лет увлеченно занималась земледелием, объясняется, в конце концов, ее стремлением содействовать посылно своей Отчизне, делу социализма.

Другой фактор того, что моя бабушка смогла успешно противостоять врагам, заключался в том, что наша сила была могуча. Когда враги разворачивали «операцию по содействию капитуляции» по отношению к нам, КНРА

переживала пору великого подъема.

Внушительный и достойный вид революционной армии и добрая слава о ней не могли не давать бабушке вдохновляющую силу. Если бы мы после создания революционных вооруженных сил не добивались победы за победой в боях с врагом, если не сплачивали бы широкие массы под знаменем единого фронта, а сохраняли, как говорится, статус-кво, замкнувшись в лесной глуши, то она не смогла бы вести себя столь гордо и достойно в поединке с врагом, не смогла бы одерживать победу над ним.

И в строительстве социализма та же логика. Пусть наше молодое поколение больше трудится, кует большую силу. Лишь тогда Родина станет богатой и могущественной, и это внушит народу чувства высокой гордости и достоинства. Естественно, что эти чувства не сваливаются с неба. Когда с народом великая партия, великий вождь, могущественная страна, у него, как правило, крепнет чувство достоинства, растет чувство гордости. Молодому поколению следует задавать тон в том, чтобы неизменно и верно поддерживать партию и вождя и совершить большие деяния для создания могучей Отчизны.

9 июня 1946 года в начальной школе в Мангендэ был устроен прием в честь 70-летия бабушки Ли Бо Ик. Его организаторами были сельчане Мангендэ, участники антияпонской партизанской борьбы, работники партийных и административных органов города Пхеньяна. На прием был приглашен генерал-майор Советской Армии Романенко, находившийся в то время в Пхеньяне. Вслед за ветеранами антияпонской революции и другими гостями он выступил с приветственным словом.

В тот день товарищ Ким Ир Сен выехал в Мангендэ, но сам он совсем не знал, что 70-летие бабушки торжественно празднуют в

обстановке большого общественного внимания. Получив искренние поздравления от представителей различных кругов общественности, он не смог усидеть, и он встал, чтобы произнести ответную речь от имени семьи как старший внук виновницы торжества.

Вот содержание его речи, в которой дана сжатая характеристика 70-летней жизни бабушки.

Моя бабушка – деревенская старуха, которая понимает не все мирские дела. Однако, когда решили участвовать в революционной работе ее сыновья, племянники и внучат, она не вставала им поперек дороги, а, наоборот, подбадривала их. Погруженные в революцию, они один за другим покидали родительский кров: кто погиб, схваченный врагом, кто томился за решеткой, кто пропал без вести. Но все это не могло привести ее в уныние. А когда враги захватили и потащили ее в Маньчжурию, навязывая ей всякие бедствия, она все равно до конца хранила свои изначальные намерения.

О чем это говорит? О том, что моя бабушка, хотя и неграмотная, до конца сражалась, не теряя надежды. Она устремилась мысленно к чему-то впереди и до конца сохранила свою надежду. И вот, наконец, ее надежда сбылась. Вот оно – освобождение Кореи 15 августа прошлого года.

Она ждала не дождалась, чтобы увидеть этот день, и увидела его.

А я надеюсь, что не кончается этим такой, как сегодняшней, прием и впредь он повторится много раз, и заодно желаю моей бабушке долгих лет жизни.

Бабушка Ли Бо Ик скончалась в октябре 1959 года, когда ей

было 83 года. За исключением последних 14 лет, прошедших после возрождения Родины, почти 70 лет ее существования были полны лишений и невзгод: боролась она с нищетой, несправедливостью, иноземными агрессорами. Двукратная поездка в Маньчжурию, связанная ей под угрозой штыка, была сопряжена ни с чем не сравнимыми суровыми испытаниями. На протяжении десятков лет тьмы она с голыми руками мужественно противостояла всем бедам, вынесла все страдания и, наконец, встретила день освобождения, который принес родной стране ее внук, увидела построенный на этой земле социалистический рай.

В чем, спрашивается, секрет того, что бабушка, задыхаясь во тьме и бедности, в тисках гнетущих горестей, дожила до глубокой старости? Об этом высказал свое мнение великий вождь товарищ Ким Ир Сен, очевидец и свидетель ее многострадальной более чем 80-летней жизни.

Один из факторов долголетия моей бабушки – непрестанный труд. И бабушка, и дедушка трудились всю жизнь до седых волос. Бесперывный труд в отчаянных попытках накормить и одеть детей – это физически и морально закалило организм и волю бабушки. Кто трудится, не покладая рук, и непрерывно создает что-нибудь полезное для жизни людей, тот, как правило, долго живет.

Бабушка жила со своей мечтой в заветном тайнике души. Иначе говоря, жила день за днем достойно, видя перед собой ясную цель. Казалось бы, что ее жизнь прошла в тщетных усилиях, но это совсем не так. Каждый шаг ее имел свое значение, был сделан с ясной целью.

Как я уже сказал, вся жизнь моей бабушки прошла в ожидании чего-то. До освобождения страны она ждала прихода независимости, а после освобождения – моего возвращения, а потом, после встречи со мной, – того,

чтобы всему народу жилось счастливо, а затем – объединения Родины. Тот, кто проводит жизнь в ожиданиях и надеждах, как правило, отличается долголетием. Такие люди способны смело преодолевать любые испытания.

Если судить по собственному опыту, то революцией занимаются люди, имеющие большую мечту, обладающие высокими идеалами. Те же качества рождают и великие изобретения. Моя бабушка была мечтательным человеком. Не будет преувеличением, если я скажу, что долголетием она обязана и этой своей черте. Незыблемая идея, твердые убеждения и воля, мечтательность, трудолюбие – вот в чем секрет долголетия моей бабушки.

Хотя она была бабушкой главы государства, но жила всю жизнь скромно, бескорыстно. Вернувшись на Родину, я подумал: завершим основание партии и строительство государства, привезу дедушку и бабушку в Пхеньян, возьму их на свое попечение. Но этого они не захотели. Честно говоря, никто не упрекнул бы старых людей в таком возрасте, если они будут на попечении внука и захотят спокойно провести остаток жизни. В нашей стране существует такая система, согласно которой семьи павших революционеров окружаются повышенным общественным вниманием. Пользуясь хотя бы этими льготами, они могли бы прожить безбедно остаток своей жизни.

Однако дедушка и бабушка не хотели иметь никаких привилегий, предоставляемых государством. Они не позволяли себе ни малейшей роскоши, не хотели жить на шее внука. В любом случае они стремились жить, как простые люди. Так вот они до конца своих дней и занимались земледелием.

«Кому нечего делать, тот самый жалкий человек» –

такова была скромная философия моей бабушки.

Желая предоставить хотя бы кратковременный отдых дедушке и бабушке, всю жизнь гнувшим горб в труде, я иногда привозил их к себе в дом. И каждый раз в таких случаях они просили дать им поработать. И как-то раз я предложил починить разбитый черпак из тыквы-горлянки. Бабушка не раз признавалась, что очень вкусна еда, приготовленная женой внука, и особо приятно обнимать правнука и правнучку, но ее угнетала страшная скука от ничегонеделания, и ей не терпелось снова походить по сырой земле. Так, не прожив у меня и недели, она возвращалась в Мангендэ.

Когда мы хотели было оказать ей какую-нибудь помощь в хозяйстве, она всякий раз отказывалась от нее и говорила: «Лучше беспокойся о народе, а не о бабушке». А ведь Председатель Кабинета Министров тоже человек, который не безразличен к счастливой жизни своей бабушки. Тем более, что она, подвергаясь смертельной опасности, прошла, как говорится, огонь, воду и медные трубы и, едва избежав гибели, вернулась в родное село.

Что греха таить, во мне рождались различные неудержимые желания: сшить ей, родной бабушке, прожившей всю жизнь в легкой одежде, теплый ватник, поздравлять ее с днем рождения, навещая ее с выпивкой-закуской, чтобы снова и снова пожелать ей долголетия. Но она не позволяла мне проявить к ней и такое скромное внимание.

Если я не был бы Председателем Кабинета Министров, а был обыкновенным простым гражданином, то, честное слово, мог бы чем-нибудь больше порадовать бабушку. Скажем, я бы своими руками рубил деревья, построил

ей дом с черепичной крышей, пошел бы вместе с ней в театр слушать старинную оперу «Сказание о девушке Сим Чхон». Вообще, я мог бы предоставить ей возможность доживать свои годы беззаботно.

Но я, погруженный в государственные дела, так и не мог подарить ей комплект зимней ватной одежды. До конца своей жизни она жила в скромной избушке под соломенной крышей, где поколениями проживало наше семейство еще со времен прадеда. Я сделал все, чтобы во всех деревнях страны были построены дома под черепичной крышей и чтобы там произошло новое «сотворение мира», но своей родной бабушке не мог помочь переселиться в новенький дом.

Не помню ничего особенного, что я делал родной бабушке. Если я что-то и успел сделать, то разве что купил ей очки для дальновзорких. От них бабушка не отказалась.

Пока я заматывался в государственных делах, утекло много времени, ушла из жизни и бабушка. Теперь ее не стало, и в глубине души меня грызет мучительное раскаяние. Думается, все-таки я был ей внуком не вполне хорошим, точно таким же, каким был сыном перед матерью.

Если бы я успел при ее жизни подарить ей хотя бы приличную зимнюю одежду, быть может, не терзали бы меня столь тяжелые мысли.

6. В лесу Наньпайцзы

Вторая половина 1930-х годов характеризуется подъемом антияпонской вооруженной борьбы. В этот период японские империалисты, с одной стороны, усиливали военные акции против КНРА, а с другой – упорно пытались с помощью тактики «умиротворения» добиться того, чего им не удалось достичь силой оружия. Враги рассчитывали: если они успешно проведут «операцию по содействию капитуляции», заслав предателей революции в партизанские отряды, им удастся идейно разложить революционную армию изнутри. На первые роли в этой гнусной деятельности противник ставил отщепенцев и изменников, которые отказались от революции на полпути. Среди них были и прежние друзья со школьной скамьи, и те, кто был связан с революционной деятельностью товарища Ким Ир Сена.

При каждом упоминании о совещании в Наньпайцзы товарищ Ким Ир Сен говорил о том, как Ли Чон Рак и Пак Чха Сок – одноклассники по училищу «Хвасоньисук» и бывшие товарищи по Союзу свержения империализма – проникли в тайный лагерь с заданием по «содействию капитуляции».

Я расскажу вроде бы малозначачий эпизод – о том, как встретился с Ли Чон Раком и Пак Чха Соком в то время, когда в Наньпайцзы проходило совещание. Они занимались вместе со мной в училище «Хвасоньисук», участвовали и в создании ССИ и Союза товарищей Консор. Вместе со мной действовали и в дни основания Корейской революционной армии. А когда вместе делаешь

революцию в течение ряда лет, складываются очень тесные, почти братские, отношения. Оба они вместе со мной вели революционную деятельность на протяжении 4 – 5 лет.

Они сдружились со мной раньше, чем Ким Хёк, Чха Гван Су и другие гириинские друзья. Когда мы создали в Хуадяне ССИ, последние пока не состояли в нем. А Пак Чха Сок и Ли Чон Рак – оба уже были в активе этой организации. Значит, они причисляются к тем, кого можно назвать моими первыми товарищами, первыми спутниками, с которыми я сошелся в самом начале революционной работы.

Допустим, бывшие участники молодежно-ученического движения и подполья по тем или иным причинам разлучились: одни воевали в горах с оружием в руках, другие, будучи арестованными врагом, томились в тюрьме. Они даже не знали друг о друге, живы или нет. Но спустя много лет они вдруг снова встречаются. Это, безусловно, могла бы быть весьма приятная, волнующая встреча.

К сожалению, наша встреча не была радостной. Дело в том, что эти двое явились в тайный лагерь с заданием «содействовать капитуляции», которое им поручило соответствующее японское ведомство. Они пришли ко мне не как старые товарищи по революции – явились передо мной как марионетки, дирижируемые палочкой японцев. Пришли вести со мной торг о «капитуляции». Те, кто раньше томились в тюрьме, вдруг занялись таким торгом. Это значит, что они предали и меня, и дело революции. Ясно, что они не стали для меня дорогими гостями.

Мне пришлось сидеть за одним столом со старыми одноклассниками, а ныне – изменниками революции. Не пе-

редать словами те чувства, что я испытывал тогда!

Со второй половины 1930-х годов, если не ошибаюсь, враги начали в широком масштабе и все более нагло проводить «операцию по содействию капитуляции» в отношении Народно-революционной армии.

В первые дни войны с антияпонскими вооруженными отрядами японские империалисты не выдвинули «операцию по содействию капитуляции» как свою стратегию. Они сосредоточивали все силы на военном подавлении молодых антияпонских партизанских отрядов и китайских антияпонских отрядов националистического толка. Кроме военных действий, они не признавали, не применяли, не допускали каких бы то ни было других средств. Ратовали только за концепцию «приоритет карательным операциям» и претворяли ее в жизнь. Верхушка японских войск, полагаясь только на карательные операции, даже не позволяла тогда затевать такую игру, как «содействие капитуляции». Вероятно, они считали подобную затею примитивной, может быть, даже противоречащей самурайскому духу. И они разработали наставление о «строгом запрещении завлечения противника в капитуляцию».

Из этого легко можно понять, что военные круги Японии считали антияпонские вооруженные силы на Северо-Востоке Китая таким объектом, который им вполне по зубам ликвидировать одними только военными средствами, и потому противостояли нашим действиям только военными мерами. Пожалуй, они преисполнились глубокой уверенности в своих силах после того, как в один прекрасный день развалилось 300-тысячное войско Чжан Сюэяна во время события 18 сентября.

Однако одним военным ударом оказалось невозможно

предотвратить рост антияпонской партизанской армии, развитие антияпонской вооруженной борьбы. И тогда японские империалисты пустили в ход новое изобретение – так называемую «культурную кару». За этим стояли такие изощренные операции, как «ликвидация корня зла», «идейная обработка» и «содействие капитуляции».

Что побудило японских империалистов-агрессоров, наряду с приемами «военной кары», прибегать к тактике «культурной кары», направленной на «поиск и искоренение источника» антияпонской вооруженной борьбы?

Интересно знать их собственный ответ на этот вопрос. Так, в «Сисо гэппо» (№ 77), ежемесячном журнале уголовного управления Министерства юстиции Японии (ноябрь 1940 г., стр. 139 – 141), была помещена статья, в которой говорилось:

«Что касается вопроса о том, почему так трудно приходится нам карать коммунистическую банду, то следует отметить, что коммунистическая армия вдохновлена стойким боевым сознанием, основанным на коммунизме, и имеет хитроумную пропагандистскую тактику. А если рассматривать с географической точки зрения, то дремучие лесные массивы в крутых горах, возвышающихся одна над другой, она превратила в свои партизанские районы, применяет партизанские методы ведения боев, суть которых – «когда противник наступает, мы отступаем, а когда он отступает, мы наступаем». А в политической работе с массами она ведет своеобразную пропаганду, совершая поездки инкогнито, благодаря чему завоевывает народные массы. Думаю, поэтому ... поймут, что одними только карательными действиями, опирающимися на вооруженные силы, никогда не удастся добиться успеха.

... ..

... Опора только на вооруженные силы, разумеется, дает порой

эффект, однако она ни в коем случае не может быть единственной мерой для поиска и искоренения источника зла. Это дает такой же эффект, как пугивание мухи от обеденного стола или отрезание побегов сорняка.

Следовательно, одна из серьезных причин того, что, несмотря на многократно проведенные карательные операции, до сих пор не удалось лишить их возможности бесчинствовать по своему усмотрению, думаю, не в том ли, что, уделяя внимание только вооруженным силам, игнорировали операцию по ликвидации корня зла и идейную обработку и что все государственные учреждения, не оказывая содействия этому делу, поручили его только войскам».

Враги под благовидной вывеской «культурной кары» в широком масштабе проводили «операцию по содействию капитуляции». Наряду с этим, руководствуясь политикой «иби чонби», – эти слова, если перевести их дословно, означают «подавить бандитов с помощью бандитов», – они организовали карательные отряды из капитулянтов и отступников, дезертировавших из антияпонских вооруженных отрядов, и гнали их в бой против своих прежних товарищей по оружию, своих бывших командиров и подчиненных.

Вступая во вторую половину 1930-х годов, враги более активно применяли такие невоенные способы, как «культурная кара». Это значит, что их прежняя политика – односторонняя ставка только на военные меры, считавшаяся до того времени универсальной, – потерпела полный крах. Одними военными мероприятиями им не удалось добиться своей цели, и они пустились в такие подлые игры, как «операция по содействию капитуляции».

1937 – 1938 годы были периодом бурного подъема нашей антияпонской вооруженной борьбы. Велика была и

сила, велики были и боевые успехи. В те времена нанести удар по одному или двум большим городам было для нас парой пустяков. Под влиянием вооруженной борьбы шли на подъем и массовые выступления. Но с таким трудом достигшая своего подъема антияпонская революция понесла большой урон из-за Жэхэского похода. 1-й корпус Ян Цзинюя и немало других частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии в ходе похода лишились большого количества живой силы. В антияпонских вооруженных отрядах стали появляться и дезертиры, и отступники. Немало было и командиров, которые, отказавшись от вооруженной борьбы, бросились в объятия врага. Все это давало противнику повод прийти к выводу, что антияпонские вооруженные силы на Северо-Востоке Китая оказались перед лицом развала. Они рассуждали так: «Это сильно растрепанное сборище всех мастей. Оно, видимо, полностью распалось изнутри и мечется, как угорелое. Откуда ни бей его – справа или слева, оно упадет».

Другая причина того, что враги придавали важное значение «культурной каре», думаю, кроется и в том, что они ощутили тогда вкус некоторых успехов в «операции по содействию капитуляции». Капитуляция некоторых главных командиров давала врагам возможность заключить, что и вере, и воле коммуниста есть свой предел, и на основе этого они пытались форсировать операции по дезорганизации Народно-революционной армии.

Японские империалисты, направляя главное острие «культурной кары» против КНРА, с одной стороны, усиливали военное наступление, а с другой – упорно прибегали к «операции по содействию капитуляции» по отношению к нам.

Спрашивается, почему враги направили главное острие карательных операций против КНРА? За ответом далеко не надо ходить. Так было потому, что с начала 1930-х годов КНРА становилась главным врагом, серьезно угрожавшим японским империалистам, и среди антияпонских вооруженных отрядов на Северо-Востоке Китая она отличалась самой высокой боеспособностью, считалась таким образованием, которое трудно уничтожить.

Вот почему газеты и журналы стали много писать о действиях наших отрядов. Весть о нашей борьбе распространялась даже в США.

Ниже следует часть публикаций газеты наших соотечественников «Синхан минбо», издававшейся в то время в США.

«Если привести сообщения последних дней из Тяньцзиня, то они были весьма подробными. Из них следует, что среди корейских и китайских добровольцев отличается особой храбростью и боевитостью дивизия, состоящая из одних только корейцев, которой командует корейский Полководец Ким Ир Сен (По материалам китайских газет и другим сообщениям из Кореи, существует вооруженный отряд господина Ким Ир Сена, базирующийся и действующий в Цзяньдао. В минувшем июне отряд, перейдя через границу, совершил налет на Почхонбо в уезде Капсан; японские войска и полицейские были не на шутку перепуганы. И после этого случая газета «Тонъя ильбо» и другие газеты часто передавали о деятельности этих войск...).

... ..

Принцип их сплоченности заключается в том, что если жить, так жить вместе, а если уж придется умереть, так тоже умирать вместе. В них сочетается своего рода семейная система субординации с традиционным духовным воспитанием, таким, как воспитание в духе справедливости и взаимной помощи, благодаря чему еще более прочна

их сплоченность. Поэтому, раз вождь прикажет, его подчиненные готовы идти в огонь и в воду... Их цель одна – отомстить врагу во имя своей нации. Их стратегия – в основном в применении партизанских способов, в мгновенном появлении и мгновенном исчезновении, что заставляет самураев метаться, как угорелые, и у них заходит ум за разум.

Из выводов одного из советских военных специалистов: «Если в один прекрасный день Китай и Япония официально вступят в войну друг против друга, то для подавления одной только добровольческой армии в одном уголке Маньчжурии Японии придется иметь 200-тысячные войска». Если верить его словам, их сила довольно велика» («Синхан минбо», 30 сентября 1937 г.).

Японские империалисты, чтобы полностью разгромить КНР, применяли и военные средства, занимались и лживой пропагандой, не соответствующей действительности, пускались на всякие хитрости, но все было без толку. Они оказались буквально беспомощными.

Чем яростнее враг пытался переходить в наступление, тем крепче становился наш отряд – он окреп, как сталь, и тем дальше летела, как на крыльях, весть о нашей борьбе.

Японским империалистам не удалось добиться успеха не только в военных карательных операциях, но и в фабрикации ложных слухов о том, будто мы погибли. И они решили прибегнуть к паллиативным мерам. Такова и была «операция по содействию капитуляции». Сколь большую надежду возлагали враги на нее, можно как нельзя лучше понять из одного того факта, что они подняли на ноги и мою бабушку.

Главное острие «культурной кары» враги направляли на крупных лиц. Все их дело обставлялось серьезно.

Тогда за «капитуляцию» Ян Цзинюя отвечала «про-

винциальная группа по содействию капитуляции», а за меня – «центральная особая группа по содействию капитуляции», находившаяся в подчинении полицейского управления Министерства общественной безопасности Маньчжоу-Го.

Мне доложили, что имеются и материалы японского ведомства о том, что вражеские войска и полицейские не прочь были использовать в этих же целях даже моего учителя в бытность мою в начальной школе в Фусуне. Но так и не было случая, чтобы он на самом деле пришел ко мне или с какой-либо оказией передал мне какую-либо весть.

Пак Чха Сок и Ли Чон Рак появились в Наньпайцзыском тайном лагере в то самое время, когда враги с головой ушли в разработку и проведение «операции по содействию капитуляции» в отношении нас. Они пытались провести ее с помощью моих близких родственников, но без толку, и потому решили подослать ко мне старых моих однокашников по учебе.

По-моему, японские интриганы считали Пак Чха Сока подходящим лицом для зондирования нашей реакции на их операции, а Ли Чон Рака – главной фигурой, которую можно использовать в решающий момент.

Пак Чха Сок пришел к нам в тайный лагерь, когда наша часть пребывала в Наньпайцзы.

Однажды разводящий с поста послал мне связного сообщить, что некий Пак Чха Сок пришел ко мне. Это сообщение удивило меня. Летом 1930 года он, получив задание, проник в пределы Кореи, где был арестован полицией. В душу мою закралось подозрение: «С какой вдруг стати он здесь, в Наньпайцзы? Ведь он был заключен в

тюрьму. Пусть он отбыл срок тюремного заключения и оказался на свободе, но ведь, будучи «поднадзорным лицом», наверное, находится под строгим наблюдением? Как же ему удалось уйти от надзора? Каким путем он пришел сюда, в тайный лагерь, вокруг которого враги расставили двойное и тройное кольцо окружения?»

Если бы он пришел к нам, как говорится, одним махом проделав тысячу *ли*, чтобы вновь участвовать в революции, то его следовало бы носить на руках. Но враги вряд ли ему дадут такую свободу. Как бы не так! Как ни ломай голову, дело было нечисто. Но ничего не поделаешь: он же пришел ко мне в гость. К черту недоброе предчувствие – я решил его повидать: может быть, узнаю у него весть о том, как там, в тюрьме, дядя Хен Гвон и Чвэ Хё Ир. Кроме этого, мне захотелось узнать еще многое и о других делах.

Когда я встретился с Пак Чха Соком, оказалось, что внешне он не изменился: каким был, таким и остался, но на самом деле в душе стал совсем другим человеком. Правда, он проявил такую радость, будто бы встретился с родными после долгой разлуки. Но я чувствовал, что настроение у него почему-то подавленное.

Я говорю ему: «Куда делись прежний твой пыл и страсть, отчего ты такой унылый? Ты вынес и тюремные муки, теперь надо смотреть вперед и набраться бодрости».

Но тут он со слезами на глазах признался, что он в тюрьме изменил своим убеждениям, рассказал, почему и как пришел в Наньпайцзы, превратившись в прислужника врага. По его словам, будучи приговоренным к заключению, он несколько лет пребывал в тюрьме, постепенно стал колебаться, терять веру в победу революции. Он сам видел, как палачи, привязав моего дядю Хен Гвона к кре-

стовидной скамье для пыток, подвергали его телесному наказанию. После этого он, мол, даже не осмеливался сопротивляться. Враги сразу заметили, что он начинает колебаться, и переместили его в другую тюрьму. Затем, выпустив его на волю еще до истечения срока заключения, враги таким образом и добились его отступничества и вовлекли его в «группу по содействию капитуляции».

Когда враги затевали кампанию по «содействию капитуляции» по отношению ко мне, Пак Чха Сока в нее вовлек не кто иной, как Чан Со Бон. Когда мы начали «осваивать» центральную часть Маньчжурии, Чан Со Бон вместе с Ким Хёком и Ким Вон У имел заслуги в превращении Калуня в революционный поселок. Однако он совершил отступничество после того, как в начале 1931 года вместе с Ли Чон Раком пошел добыть оружие, но был арестован на Чанчуньском вокзале. Враги женили его на гейше, чтобы он обзавелся семьей в Чанчуне. После этого использовали его как профессионального агента. Когда японская разведслужба разыскивала тех, кто был когда-либо тесно связан со мной, он рекомендовал им Ли Чон Рака, а затем, с помощью последнего, – и Пак Чха Сока.

Пак Чха Сок чистосердечно признался, что когда его допрашивали враги, он рассказывал им не только о дружественных отношениях со мной, сложившихся в годы ССИ, но и о том, как он включился в дело создания Антиимпериалистического союза молодежи, как затем, после основания Коммунистического союза молодежи, он действовал главным образом в Гирине и как он был послан в Корею в составе вооруженной группы.

Я допытывал его: «Этаким делом занимаешься ты один? Или по чьей-либо указке?»

Пак Чха Сок ответил: «Я не состою ни в каких чинах. Пришел сюда только под угрозами япошек. Знаю, что такая игра вообще ни на йоту не подействует на тебя, Сон Чжу. Но хотелось воспользоваться случаем, чтобы повидать тебя, хотя бы разок». Он дал волю слезам. То, что он соскучился по мне и пришел повидать меня, показалось честным высказыванием.

Он и дал нам те или иные необходимые для нас сведения. Он даже признался и в том, что сходил в Мангендэ за моей бабушкой, чтобы втянуть ее в операцию по отступничеству. Он был уроженец Пхеньяна. С детства дружил с дядей Хен Гвоном, часто приходил в Мангендэ повидать его. Там он познакомился и с моими дедушкой и бабушкой, стал общаться с ними.

По словам Пак Чха Сока, не кто иной, как Ли Чон Рак намекнул противнику на такую его связь, рекомендовал его, заверяя, что его можно использовать с большим эффектом в «операции по содействию капитуляции» в отношении меня. Пак говорил, что он хоть тысячу раз умрет, ему не искупить свою вину за то, что он причинил беспокойство моей бабушке, уведя ее за собой. Но он, мол, позаботился о ее безопасности. «Я и Ли Чон Рак, – говорил он, – подонки человечества, хуже зверей. И будет справедливо, даже если убьют меня сто раз».

Пак Чха Сок, когда он в прошлом был вместе с нами, был юношей-революционером, отличавшимся чувством справедливости и высоким антияпонским настроем. Он, окрыленный большими надеждами, с азартом принимал участие в работе организации. После создания Корейской революционной армии он ответственно выполнял все задания.

Но когда он был арестован врагом, когда его тело было в кандалах, изменилась его идейность, исчезла и человечность. Если и можно говорить о том, что у него осталась хотя бы малость из его прежних чувств, то это была доля привязанности ко мне.

Хотя Пак Чха Сок служил наемником у японских империалистов, но он не собирался сознательно идти на сотрудничество с ними, не хотел за счет такого сотрудничества успешно продвигаться по служебной лестнице. Просто он считал, что Япония могуча, и потому нет надежды на победу революции, и судил примерно так: сохранишь свою собственную шкуру – и слава богу, пронесло! Чтобы сохранить жизнь, приходилось идти на отступничество. А когда изменил своим убеждениям, не оставалось иного выхода, кроме как покорно следовать за японцами, действовать так, как они велют. Он хотя и принимал участие в «операции по содействию капитуляции», но делал это, скрепя сердце.

Ненавидел японских империалистов, но вынужден был действовать по их воле и указке – такова была закономерная трагедия, которая постигала таких, как Пак Чха Сок, типов, лишившихся революционной веры.

После встречи с ним я глубоко задумывался: что такое настоящий образ человека? Он несколько повзрослел, но лицо у него нисколько не изменилось – каким было, таким и осталось. Но, – а это главное, – человек изменился, если можно так сказать, изнутри. Казалось, только внешнее обличье – шкура осталась той же, а в душе его ощущалась какая-то пустота. Словом, он стал человеком, я бы сказал, без духа. Из этого можно заключить, что настоящий образ человека, в конечном счете, определяет его

идейность. Что останется у человека, если исключить из него идейность? Одна шкура! Если рухнут идеи, то, как правило, рухнет и человеческое достоинство. Пак Чха Сок отбросил идеологию и потому стал бессильным. Человек без идейности – это все равно что лицо без глаз.

И зная, что Пак Чха Сок изменился, я всячески разъяснял все, что надо, давал ему и много советов – с тем чувством, что вырываю его из лап врага. Видимо, на меня подействовало чувство ревности: враги отняли моего старого товарища, а почему же мне не отобрать его у них... Пусть не удастся полностью вернуть его к тому самому Пак Чха Соку, каким он был в дни деятельности ССИ, но мне захотелось снова возбудить в нем хотя бы одно – чувство патриотизма. И в моей душе оставалась еще жить прежняя привязанность к нему.

Я говорю ему: «Если человек совершит грех перед нацией, то он не может жить, не может даже умереть, как подобает человеку». Правильно поняв мои слова и согласившись с ними, он ответил так: «После того, как я сдался на милость японских империалистов, белый свет мне не мил, каждый день – каторга. Если так жить, на кой черт мне нужна жизнь? Я решил было покончить с собой, но пойти на такой шаг было нелегко: у меня не было такой смелости. Вот сегодня мы и встретились с тобой и разговариваем, и на душе у меня стало легче. Больше жить не хочу. Убей меня, ради бога! Пусть умру, но так хочу умереть на руках у тебя. Сон Чжу!» «Допустим, я тебя убью, – говорю я, – а от этого, думаешь, станет легче у меня на душе? Для того чтобы не только искупить свою вину, но и оставаться верным моральному долгу перед старыми товарищами по революции, хотя бы с сего момента ты возьми новый

старт в жизни, дорожа своей совестью и достоинством». Он твердо обещал запомнить мой совет.

На самом деле тогда наши товарищи предложили ликвидировать его. Но я не согласился. Ведь тот чистосердечно признавался в своей вине и раскаивался в ней, и поэтому я до конца обращался к нему по-человечески.

Я угощал его кабаниной, доставленной нашими бойцами, вместе с ним пропустил несколько рюмочек. Потом, ночуя с ним в палатке Ставки, советовал ему начать жить по-человечески, а затем отпустил его домой.

Он остался верен своему слову, которое дал мне. По моей просьбе он передал письмо моим дедушке и бабушке.

Узнав, что Пак Чха Сок благополучно возвратился из Наньпайцзыского тайного лагеря, враги спустя некоторое время послали в лагерь еще и Ли Чон Рака. Его привела к нам в лагерь малая группа наших бойцов, ходившая в Линьцзян.

Зимой того года мы послали туда одну группу бойцов, чтобы достать материалы для пошива бойцам зимних ватников. Выполняя свое задание, группа встретилась с ловким посредником-торговцем. Он работал на двух хозяев: служил не только японцам, но и партизанам, доставляя нам материалы. Когда к нему обратились наши товарищи, он повел торг с ними, а затем предложил: «Поставлю вам ткань и вату, чего вы хотите. Зато просьба к вам – проводите одного вольнонаемного из японской армии туда, до Ставки революционной армии».

Руководитель группы согласился заключить с ним сделку, но только с условием. Он заявил: «Мы пойдем с большим грузом, не дай бог, не возникли бы неприятно-

сти на дороге. Скажи твоему начальству, чтобы прекратило провокации против революционной армии». Таким образом карательные отряды противника, расставившие кордоны в обширном районе, начиная от Линьцзяна и Цзяцзайшуя и кончая Наньпайцзы, на время прекратили операции и притихли.

Так малая группа, воспользовавшись вражескими замыслами и обернув слабое место противника в свою пользу, благополучно возвратилась в Наньпайцзы с большим количеством хозматериалов. Тот вольнонаемный человек, которого привела тогда малая группа, и был Ли Чон Рак.

Он с самого начала вел себя надменно, и наши товарищи бросали на него косые взгляды. Он не испытывал страха или подавленности, что он очутился в военном лагере революционной армии. Нагло смеялся, говорил, как ему вздумалось, вел себя без всяких стеснений.

При виде О Чун Хыба, который, возглавляя пост, находился у входа в тайный лагерь, он решил подарить ему часы. «Сколько горя тебе приходится перенести в такой холодной горной глуши. Возьми, на», – говорил он. О Чун Хыб, вынув свои карманные часы, показал ему и отказался принять его подарок. «Не стесняйся, возьми, пожалуйста, – говорил изменник. – Не лучше ли иметь еще одни, запасные часы?» «Знаешь, ориентироваться надо на одни часы. Нельзя носить сегодня часы революции, а завтра – часы реакции», – резко ответил О Чун Хыб. Это была острая критика предательства Ли Чон Рака, перешедшего со стороны революции на сторону реакции.

Хотя Ли Чон Рак, находясь в тайном лагере, и вел себя надменно, но я со своей стороны не мог с первых минут

встречи начать спрашивать с него за преступления. То, что нельзя одним ударом отрезать ножом или пережечь огнем, – это, кажется, чувство привязанности человека. Слишком велика была дружба с ним, сложившаяся в прошлые дни.

Он ведь тоже был одно время самым близким мне человеком. В бытность членом ССИ он выделялся как революционер, отличавшийся своими собственными убеждениями. Среди нас он как никто был сведущ в военном деле, был чуток к новым идейным течениям. Он, вероятно, уже с 16 лет состоял во фракции Тхоньбу и действовал как боец Армии независимости. Заметными у него были чувство патриотизма, мужественность и размашистость в действиях. Ли Чон Рак был также любвеобильным и чувствительным.

Мы выдвинули тогда его на ответственную должность в Корейской революционной армии. Это было знаком высокого доверия, больших надежд на него. Он был весьма популярным лицом. Видели бы, как мы пали духом, когда прилетела к нам весть о том, что именно он, Ли Чон Рак, которого так берегли и любили, отказавшись от нашего доверия, сдался на милость противника!

Придя в лагерь, он не скрывал, что сам уже в качестве вольнонаемного японской армии состоит в «группе по содействию капитуляции». Он говорил мне: «Если бы удалось свергнуть японский империализм, добиться возрождения Кореи, а затем построить коммунизм во всем мире, как это сказано в Программе ССИ, то, разумеется, не было бы ничего лучшего на свете. Однако это, я вижу, не более чем абсолютно несбыточная мечта. Еще в те годы, когда я состоял в организации ССИ, принимал

участие в создании Корейской революционной армии и когда был арестован и брошен в тюрьму, я верил, что эти идеалы осуществимы. Но после событий 18 сентября и 7 июля я передумал. В Корее давно потерпело крах коммунистическое движение. «Япония и Корея – одно целое» – этот тезис становится неопровержимой явью. Согласно этому Япония стала властелином Восточной Азии. Возьмешь в руки Чжунюань, говорят, можешь распоряжаться всем Востоком. Так посмотри, какова сейчас картина китайско-японской войны! Пекин, Шанхай и Нанкин пали под ударом японских войск. Успехом кончились Суючжоуская, Уханьская операции и операция по захвату Гуандуна. Это же непобедимая Великая японская империя! Она же одним ударом покорила три провинции Северо-Востока Китая, а сегодня заняла более половины обширной территории Восточной Азии. Спрашиваю, что может противостоять ее силам? Сон Чжу, ты все время находишься в горах и, возможно, толком не знаешь, как изменится общая ситуация. Цель моего прихода – помочь тебе, который проводит дни в бесполезных страданиях в горах». Ли Чон Рак вел себя так, как будто он пришел в лагерь за тем, чтобы оказать мне большое благодеяние.

По его словам и поведению я сразу сделал вывод: «Вот ты, вижу, уже насквозь прогнил! Нет тебе спасения».

Для того чтобы враги, окружавшие нас, не затевали драки до тех пор, пока не закончится совещание, я велел Ли Чон Раку написать письмо противнику. Конечно, под мою диктовку. Вот оно: «Я сейчас в военном лагере армии Ким Ир Сена. Вижу, сейчас нет Ставки. Она передвинулась в сторону гор Пэкту. Расстояние до того места – несколько сот *ли*. Значит, чтобы иметь связь с ней,

по-видимому, потребуется определенное время. Сейчас здесь, встретившись с одним из отрядов Ким Ир Сена, веду переговоры, чтобы через него иметь связь со Ставкой. Так и знайте. Прошу вас потихоньку дождаться, пока не поступит следующая информация».

Направив противнику, окружавшему нас, письмо, написанное рукой Ли Чон Рака, мы свободно продолжали совещание.

Однажды я спрашиваю Ли Чон Рака: «Видать, ты живешь ничего: улучшилось и здоровье, и руки стали гладкими». В ответ: «Живу хорошо – японцы деньги дают. Но, знаешь, этим я обязан тебе. Японцы знают: Ким Ир Сен – птица высокого полета. И они с целью привлечь тебя на свою сторону, собирают всех, кто хорошо знает тебя или дружил с тобой в прошлом, предоставляют им высокое вознаграждение. Таким, как я, обеспечивают хорошее материальное положение. А если ты, Ким Ир Сен, перейдешь на ту сторону, то ой какое высокое вознаграждение японцы отвалят тебе! Знаешь, что они говорят: «Любые чины обещаем Полководцу Ким Ир Сэну, если он повернется к нам. Дадим и пост командующего войсками в Корее и все другие чины, если он попросит. Пусть он делает, как хочет, – станет командующим войсками в Корее и управляет Кореей! Если хочет, пусть займет место здесь и управляет Маньчжурией! Все это его воля, лишь бы только сотрудничал с Японией. Впредь США, несомненно, стянут свои силы на западное побережье Тихого океана, чтобы захватить не только Японию, но и Корею и Маньчжурию. Стало быть, азиаты должны идти рука об руку, сдерживать, отражать натиск США. Лишь это открывает Азии путь к жизни». Вот что они сказали».

Японцы были ой какие хитрые! Посылая к нам Ли Чон Рака, они знали, что приглашением к «капитуляции» нас не склонить к себе, и дали агенту задание: рассуждай, мол, вокруг компромиссного предложения по так называемому «сотрудничеству».

Сотрудничать между азиатами, чтобы сдержать силы США, – это было выражение «доктрины о Великой Азии», о чем одно время так громогласно трубили японцы. Они широко рекламировали эту концепцию, суть которой, по их замыслам, в том, чтобы создать процветающую Азию для азиатов во главе с Японией. Однако, где найдешь таких болванов, которые поверили бы им? «Доктрина о Великой Азии» была своего рода ширмой, прикрывающей монополистические притязания японских империалистов в отношении Азии.

Каждый раз, когда империалисты совершают агрессию против других стран, они, как правило, фабрикуют предлог для оправдания своих черных замыслов и выдают его как великий принцип, как свою миссию. Одно время японские империалисты, выкрикивая о первородстве племени Ямато, разжигали идею «Вселенная – одна семья во главе с Японией». И еще: совершая агрессию против Кореи, они заявляли: «Япония берет на свое попечение и охрану ту нацию, которая не способна существовать самостоятельно». При нападении на Маньчжурию они ссылались на «использование права на самозащиту», а при сколачивании Маньчжоу-Го трубили о «примирении и согласии пяти наций» и создании «обетованной земли». Провоцируя войну с Китаем, они выдвигали лозунги о так называемом «наказании бунтовщического Китая», о «возрождении и строительстве нового Китая», о «сочета-

нии трех государств – Японии, Маньчжурии и Китая» и так далее.

Вот и Ли Чон Рак назойливо проповедывал мне «доктрину о Великой Азии». Поэтому я сказал: «Предположим, что мы будем наступать на Японию, железным кулаком поставим японцев на место и провозгласим: отныне осуществится «доктрина о Великой Азии» во главе с Кореей. Как думаешь на этот счет? Примет ли Япония эту доктрину как справедливую?» Спросив так, я продолжал: «Ты выдаешь Японию за непобедимое существо. Тогда скажи: почему Япония вот уже несколько лет ломает голову над тем, как бы ей подавить КНРА вооруженной силой? Если Япония непобедима, то почему она не смогла покорить нас прямым путем, почему она ведет такую примитивную кампанию по «содействию капитуляции», используя такого посредника, как ты?» И на этот вопрос Ли Чон Рак не смог дать вразумительного ответа, говорил так: «А это японцы так делают для того, чтобы сберечь Ким Ир Сена, других намерений тут, видать, быть не может. Сильный побеждает, а слабый терпит поражение – это неопровержимый принцип в мире. Прекратил бы ты безнадежное сопротивление, принял бы предложение японцев. Сейчас один только Наньпайцзы окружили три дивизии – сплошное плотное кольцо. Не откажетесь от сопротивления – они, может, пустят в ход ядовитый газ или какие-то мощные орудия нового образца, чтобы полностью уничтожить вас».

Я ему говорю: «Пусть японцы предложат даже пост премьер-министра, а не командующего войсками в Корее. Но мы от борьбы не откажемся. Если они хотят, пусть применяют ядовитый газ, откроют огонь из орудий боль-

шой эффективности. Но КНРА не сдается».

Тогда я услышал от него весть о Хан Ён Э. По его словам, когда японцы готовили «операцию по содействию капитуляции» по отношению ко мне, они уже наметили и Хан Ён Э. Однако она заявила решительный протест, и они не могли подключить ее к провокации.

Ли Чон Рак говорит: «Мы вместе с Хан Ён Э сидели в Синичжуской тюрьме. Вижу, у нее чувство нравственного долга к тебе, Сон Чжу, необыкновенное. Я получил от японцев распоряжение – втянуть ее в «операцию по содействию капитуляции». И начал было разговор с ней, но не тут-то было: ее не проведешь на бобах, и я сел в лужу. «Я, – говорит она, – не занимаюсь такими подлостями. И тебе лучше бы туда не ходить. Думаешь, Ким Сон Чжу попадает в такую ловушку, как игра с «капитуляцией»? Так ли?» Она меня уничтожающе критиковала».

Слушая его, я был благодарен Хан Ён Э. А чувство отращения к Ли Чон Раку я просто был не в силах сдерживать. И я ему говорю: «Посмотри, какая это женщина – Хан Ён Э. Не изменила своим убеждениям, не сдается на милость противника, до конца стоит на своем. А ты, Чон Рак, бросил революцию, да и, не довольствуясь и этим, обернулся японским цепным псом. Не стыдно ли тебе, а? Ты изменился и стал подлецом».

Убедившись, что меня уговаривать без толку, он пытался поймать на удочку хоть кого-то из наших партизан. Встретившись с одним бойцом из комендантского подразделения, он принялся соблазнять: «Есть ли у тебя родители? Не тоскуешь ли по семье? Раньше японцы убивали всех партизан, кого поймают. А теперь дело другое. Они не только не убивают, а, наоборот, заботятся

о них! И сразу судьба становится иной. Если ты захочешь очутиться под родительским крылышком и, женившись на красивой девушке, жить в покое и довольстве, давай пойдем вместе со мной».

Получив сведения об этом, я окончательно убедился: в отличие от Пак Чха Сока, который ходит на побегушках у японцев поневоле, этот Ли Чон Рак – цепной пес, верный слуга японских империалистов, который сознательно служит врагам, отбросив интересы Родины и нации.

По единодушному требованию наших бойцов Ставка расценила Ли Чон Рака как изменника нации и одобрила предложение приговорить его к смертной казни. Когда приговор привели в исполнение, к трупу прикрепили бумагу с таким текстом: «Любого предателя ждет позорная смерть, пусть это будет и однокашник или кто-нибудь другой».

Когда я рассказываю о встречах с Ли Чон Раком и Пак Чха Соком в Наньпайцзы, многие говорят, что такие случаи встречаются только в романах. Если описать события того времени так, как они были на самом деле, то это может стать поистине замечательным романом. Тот, кто клялся когда-то делить одну судьбу, делить горе и радость на пути революции, теперь, обернувшись предателем, явился передо мной и пропагандировал могущество Японии, силился убедить меня в бесполезности нашего сопротивления, уговаривал, чтобы командующий революционной армии сдался на милость противника. Спрашивается, можно ли даже представить такое невероятное положение? Это был, я бы сказал, исключительно особый случай из бесчисленного множества испытанных, пережитых мною.

Откровенно говоря, после встречи с этими двумя людьми настроение у меня было очень плохое. Если бы ко мне пришел с таким заданием человек, совершенно незнакомый, кого я не знал бы по имени и не ведал, откуда он, то это не оставило бы столь тяжелого камня на душе.

При создании ССИ настроение у них буквально было приподнятое. Мы все обещали: если жить, так жить вместе, если придется умереть, то тоже умрем вместе. Когда мы давали такое слово, казалось, никто из нас не изменит клятве. Однако, к величайшему сожалению, появились предатели и из числа тех, кого я больше всего берег, кому больше всего доверял.

В период подъема революции масса людей участвует в революционной борьбе, и тогда в революционных рядах почти не заметны такие типы, как колеблющиеся и отщепенцы.

Однако, когда обстановка для дела революции складывается неблагоприятно и на ее пути возникают трудности одна за другой, появляются и колеблющиеся, и дезертиры, и капитулянты. Поэтому, чем суровее ситуация, чем труднее положение в стране, тем активнее работники должны вести идеологическую работу среди людей. Разумеется, идейность человека не разглядишь на глаз. На лбу у человека не написано, какова его идейность. Поэтому выявлять в революционных рядах колеблющихся и сторонников пораженчества, лишенных революционных убеждений, – дело не из легких. И все-таки идейность человека, как правило, обязательно обнаруживается в одном из уголков его работы и жизни. Работники должны вести как следует идеологическую работу, укреплять революционные убеждения с учетом подготовленности и

идейного настроения каждого человека.

В чем тут состоит урок? В том, что идеи должны стать убеждениями человека и что, если они останутся только знаниями, из этого толку не выйдет. Идеи, не превратившиеся в убеждения, могут легко подвергаться перерождению. А когда идейный облик человека перерождается, то он становится таким, как Ли Чон Рак и Пак Чха Сок. Поэтому, если считаешь определенные идеи справедливыми, то сделай их своими твердыми убеждениями. Богатые знания станут настоящей творческой силой, неудержимо пробивающей путь к новому, только в том случае, когда они основаны на революционных убеждениях. Глаза видят действительность, а убеждения – будущее.

Если рухнут убеждения, то погибнет дух, а если погибнет дух, то сам человек становится никчемным. И моральный долг, и совесть человека зиждутся на убеждениях. Те, кто лишен убеждений, не умеют дорожить и совестью, не соблюдают свой моральный долг, не могут сохранять и достойный человека облик. Человек крепких убеждений может с честью проложить путь в жизни, может правильно вести себя и по отношению к товарищам, может, следовательно, внести настоящий вклад в дело партии и революции, Родины и народа.

Преданность должна стать убеждением, велением совести, моральным долгом и войти в повседневную жизнь – таково именно утверждение товарища Ким Чен Ира. Глубокомысленная философия. Я целиком и полностью разделяю его взгляд.

7. Трудный поход

С начала декабря 1938 года до конца марта 1939 года главные силы КНРА совершили переход от Наньпайцзы уезда Мэнцзян до Бэйдадинцзы уезда Чанбай. Этот переход получил название «Трудного похода».

С тех пор прошло уже более полувека. Но наш народ и поныне помнит это событие. Великие подвиги, совершенные в этой операции уважаемым вождем товарищем Ким Ир Сенем, и непоколебимый революционный дух, проявленный антияпонскими партизанами, составляют бесценное наследие, которое принадлежит нашему народу и будет передаваться из поколения в поколение.

В этом разделе приводятся воспоминания товарища Ким Ир Сена о Трудном походе, почерпнутые из его бесед во время встреч с историками и писателями.

За это время вы сделали многое, систематизируя и пропагандируя революционные традиции нашей партии. Многое написали о них и мастера пера, вышли в свет литературные произведения, имеющие большое воспитательное значение.

Кажется, прошло уже довольно много времени с тех пор, как вы просили меня рассказать о Трудном походе. И я решил на этот раз выкроить время специально для вас.

Мы совершили Трудный поход в конце 1938 – начале 1939 годов. Это было время самых суровых испытаний в истории антияпонской вооруженной борьбы.

В сложившейся тогда обстановке нам было почти невозможно продвигаться на Родину крупными силами. Политическая ситуация складывалась крайне неблагоприятно для нас. Дело дошло до того, что такой тип, как Ом Гван Хо, в открытую трубил: «Настал период спада революции!» Продвинуться в такое время крупными силами в пределы Кореи – значило фактически сознательно пойти на огромный риск.

Однако, несмотря на это, мы все-таки смело совершили поход в направлении бассейна реки Амнок, чтобы затем вступить на территорию Кореи. Ради чего? Для того, чтобы превратить создавшуюся на пути революции неблагоприятную ситуацию в благоприятную. Если сидеть сложа руки и только горевать по поводу сложных проблем, то их решения не дождешься. Если бы мы, скажем, забились в лесную глушь, в тайный лагерь, то, конечно, смогли бы благополучно перезимовать, сохранив свои силы. Но если таким способом сберегать, как говорится, статус-кво, то это вряд ли поможет преодолеть трудности на пути революции. Вот почему мы и решили, хотя это требовало от нас большого напряжения сил, совершить Трудный поход и продвинуться на Родину.

Не было у нас другого выхода, кроме этого, для того, чтобы обеспечить неуклонный подъем революции.

1938 год. В том году пали духом жители района Западного Цзяньдао и народ в Корее. В связи с «Хесанским делом» были арестованы многие подпольщики. В результате революционное движение в Корее столкнулось с большими трудностями и испытаниями.

К тому же всюду раскручивался маховик вражеской пропаганды на тему: «Народно-революционной армии –

конец». И хотя эта армия продолжала жить и бороться, населению все уши прожужжали о ее гибели. И на подобную ложь клюнуло немало людей. До их слуха доходили одни лишь зловещие вести. Даже знающим лживую суть пропаганды противника в голову закладывалась мысль: а вдруг это правда? Даже солидные революционеры теряли веру в победу, разве что обращали взоры только в сторону гор Пэкту.

Что касается пропагандистской деятельности, то у врагов были намного более выигрышные возможности, чем у нас. У них – могучие средства массовой информации, все ее легальные каналы. Журналисты фабрикуют, например, внешне правдоподобную сенсационную публикацию – о том, когда и где «наголову разбита» революционная армия. Газета выходит тиражом в десятки тысяч экземпляров. И читают ее тысячи, десятки тысяч людей. К этому потоку фальшивок присоединяло свой голос и радио.

А у нас средства пропаганды такие: несколько видов газет и журналов внутреннего пользования, агитационные листовки и прокламации – вот и все. Можно сюда добавить незначительный тираж местных печатных изданий подпольных организаций в различных районах. И эту печать нам приходилось распространять с величайшим трудом, только нелегальными путями. Были ведь и такие случаи, когда патриоты сложили голову всего за одну распространенную ими листовку. Чтобы проникнуть в пределы Кореи хотя бы с пачкой листовок, подпольщикам приходилось рисковать жизнью.

Мы понимали, что когда враги трубили об «уничтожении» революционной армии, самым лучшим методом

оповещения о том, что это сплошное вранье и что жива революционная армия, было бы эхо гремящих внутри страны выстрелов. Прогрохочут залпы – и вновь появится много подпольных организаций.

По словам связного из Западного Цзяньдао, большинство подпольных организаций района Чанбая было разгромлено. Стало известно, что и внутри Кореи арестовано очень много людей. Уцелевшие члены организации укрывались неизвестно где, и с ними нельзя было связаться.

Получив информацию обо всем этом, мы думали: «Пусть вырублен «лес» подпольных организаций, но все-таки остались там, наверное, какие-нибудь «пни». Будут хотя бы эти «пни» – сможем возродить организации. Что бы ни случилось, надо выйти в Чанбай, чтобы восстановить организации, а затем – и на Родину». Так мы решили.

Тогда некоторые товарищи предлагали: «Давайте отсидимся зиму в тайном лагере, будем проводить военно-политические занятия, как это было в Матангоу. А когда придет тепло, тогда и можно затевать новую операцию. Зачем же нам самим мучить себя в такие морозы, в снегу по пояс?»

Мы не могли последовать таким советам. Как же нам сидеть сложа руки, спокойно созерцая, как антияпонская борьба в Корее переживает суровые испытания? А предстоящие лишения для нас не в диковинку. С первой же поры революции разные невзгоды и мучения были у нас столь же частыми гостями, как у богачей на обеденном столе каша из белого риса. Разве мы только раз-другой претерпевали муки, невиданные в истории? На Родине переживает испытания антияпонская борьба, народ обращает свои взоры только в сторону гор Пэкту. Как же

можно нам, революционной армии, принявшей на себя миссию освобождения Родины, бездействовать да только смотреть издали на беду, как на пожар за рекою?!

«Пусть нам придется утолять голод корой деревьев, но ступим на родную землю! Могут быть и жертвы, не исключены и зигзаги, и перипетии. Как же не быть при этом лишениям и трудностям?! Ведь на нашем пути – лес штыков. Пусть это так, но сейчас нам остро необходимо отпечатать на земле глубокие следы своих шагов! Пусть все услышат наши выстрелы. Сразимся с гадами!» – так кричало тогда у меня сердце.

Вот что я могу сказать о мотивах, побудивших нас совершить Трудный поход. Если выразиться проще, то цель Трудного похода была, можно сказать, в том, чтобы всколыхнуть родную землю.

Как знаете и вы, когда мы вели вооруженную борьбу против японского империализма, у нас не раз были тяжелые походы. В их числе – поход нашей части осенью 1932 года от Аньгу до Ванцина и возвращение в Цзяньдао после Первого похода в Северную Маньчжурию, поход в Фусун ранней весной 1937 года.

Однако этот поход, от Наньпайцзы уезда Мэнцзян до Бэйдадинцзы уезда Чанбай, был труднейшим маршем, который даже не идет в сравнение с прежними походами по своей продолжительности и суровости. Поход этот продлился более ста дней, и потому называют его также «стодневым походом». На самом деле его продолжительность была более 110 дней. За все муки мученические, что довелось нам претерпеть, его называли «Трудным походом».

Я читал много статей о походах былых времен. Таков

«Железный поток» – я знаю его по фильму, читал роман. Однако с описанием столь тяжелейшего, полного лишений и страданий похода, как наш Трудный поход, я пока, собственно, ни разу не встречался. В бытность учеником средней школы я читал роман «Железный поток», и мне думалось: «Неужели и вправду был такой мучительно тяжкий поход?» Тогда на меня произвел глубокое впечатление образ Кожуха, который непреклонно идет навстречу нагромождающимся трудностям. Но после Трудного похода я понял: те трудности были намного легче, если сравнить их с тем, что пришлось пережить нам.

Если резюмировать вкратце содержание Трудного похода, то можно сказать: нам довелось изведать на себе сложное переплетение всех аспектов борьбы с суровой природой, с крайней нехваткой продовольствия, с невообразимым переутомлением, со страшными болезнями – и все это в непрерывных схватках с жестокими и коварными врагами. И была еще одна острая борьба – борьба с самим собой за преодоление трудностей. Проще говоря, это была борьба за выживание, сопряженная со стремлением любой ценой одержать победу в схватке с противником. Вот каково было основное содержание Трудного похода. Действительно, этот поход с самого начала до конца был полон суровых испытаний и невероятных трудностей.

В том году до прихода *чхусок* ударили первые заморозки, а уже после него выпал обильный первый снег. Ходили слухи, что с самого начала зимы морозы были так сильны, что замерзала и трескалась береза. А нас еще мучили голод и лихорадка. Без сна и отдыха приходилось вступать в схватки с врагом по несколько раз в сутки. Не перечислить всех лишений и страданий!

От Наньпайцзы до Бэйдадинцзы пешеходу хватило бы пяти-шести дней на весь путь. А нам, чтобы преодолеть это расстояние, потребовалось, увы, более 100 дней. И с титаническим напряжением сил – из-за непрерывных стычек с врагом.

И вы, думаю, знаете маршрут Трудного похода, представляете, сколь сложным он оказался!

Трудный поход – это, я бы сказал, напряженнейший поход: по физической нагрузке, по мукам и страданиям людей он не идет ни в какое сравнение с экспедициями былых времен. Этот поход вошел в историю деятельности КНРА именно как невиданный доселе по своим тяготам. Это объясняется именно тем, что шли мы в условиях непрекращающегося преследования врага, под постоянными угрозами окружения. И вам, видимо, трудно представить себе, какими неотвязными, упорными были эти преследования и попытки полного окружения.

Японские империалисты нацеливали все свои карательные силы на «уничтожение» нашей главной части. Они кричали: «1-й корпус разбит. Его сил мало осталось. Действует только один отряд – Ким Ир Сена. Остается поднять на ноги все части и направить их на карательные операции против войск Ким Ир Сена». Это они и пытались сделать, ведя горячие бои и используя все способы, вплоть до применения голубей в качестве средства связи.

А какова была их тактика? Суть ее состояла в том, чтобы не давать бойцам революционной армии ни отдохнуть, ни поесть, ни поспать. Следуя такой тактике, они бросали против нас сотни человек. Однажды выпал такой день, когда пришлось вступить в бой более 20 раз!

Если бы мы тогда отправились от Наньпайцзы тихо

и незаметно, как это бывало при выходе в экспедиции в былые времена, то не пришлось бы претерпевать столь тяжкие испытания. Но нам нельзя было начинать поход потихоньку, втайне от врага.

С самого начала похода мы были вынуждены заявить о себе выстрелами. Нужно было запастись продовольствие для похода. И сразу пришлось вступать в бой: оставив тайный лагерь, мы немедленно напали на одно коллективное поселение. Враги, услышав наши выстрелы, неотступно шли по нашим следам. Им стало известно, в какую сторону движется 2-я армейская группа. Ясно было, что они не оставят нас в покое.

Враги, окружавшие тайный лагерь в Наньпайцзы, начали погоню немедленно. Их маневренность была очень высокой. Совершив форсированный марш примерно на 20 километров, мы решили приготовить еду, чтобы подкрепиться. Но не тут-то было – нагрянул противник. И тут уж нам было не до варки каши. Досадно, конечно, но ничего не оставалось, кроме как сложить мокрое зерно обратно в вещмешок. Не раз были такие случаи. Будь это обычный поход, без боев, то мы не так уж и измучились бы. Однако преследования и попытки окружения не прекращались, и приходилось постоянно в такой обстановке вступать в бой. Причем трудности все прибавлялись. Именно это и составляло самую большую тяжесть похода.

Еще одно большое испытание, которое приходилось нам переносить в то время, – постоянная нехватка продовольствия, голод. Почему так было? Здесь целый ряд причин. Осенью 1938 года мы, правда, в достатке запасли продовольствие на зиму. Однако в дни совещания в Наньпайцзы большое количество продуктов было израс-

ходовано. Весь остаток продовольствия раздали по частям, которые первыми отправлялись к местам назначения. Зима ударила суровая, и почти невозможно было собирать съедобные дикорастущие и другие травы. Если бы враги не так уж злобствовали, мы смогли бы охотиться на зверей, утоляя голод хотя бы сырым мясом, но оглашать леса выстрелами было делом небезопасным, и на охоту нельзя было пойти. Был, правда, единственный случай, когда я позволил охоту на медведя. О Бэк Рён обнаружил спящего медведя в большом дуплистом дереве. Он говорит: «Дай бог, выстрелил бы в него». А я говорю ему: «Разведай сначала, есть ли вокруг нас враги, и стреляй, если сможешь убить его одним выстрелом». И он убил одним выстрелом медведя весом с вола.

В первые дни похода наши бойцы питались похлебкой два раза в день. Но когда остался незначительный запас продовольствия, мы сразу сократили норму: ели один раз в сутки. А потом не могли позволить себе и этого и за неимением пищи утоляли голод свежим снегом. От голода в глазах темнело. Встанешь с места, чтобы продолжать поход, а все в глазах мелькает, голова кружится и ноги не слушаются.

Вот почему я после освобождения страны при каждой встрече с руководящими работниками говорил: «Те, кто испытывал муки голода, знают цену риса, знают цену труда крестьянина. А те, кому не приходилось голодать, не вправе говорить, что знает цену революции».

Однажды был такой случай. О Бэк Рён с моего разрешения спустился в глушь под Цидаогоу, совершил налет на лесоразработки и привел несколько коней. Тогда у нас иссяк запас продовольствия, мы решили утолить голод

кониной. Однако мы были в окружении врага, и нельзя было поджарить ее на огне, не было соли, ели сырое мясо. Со второго раза конина была уже так отвратительна, что от одной мысли проглотить ее тошнило. К тому же сырая конина вызывала понос, и это было не менее мучительно, чем голод.

Бойцы страдали поносом, но все же им приходилось есть сырое мясо. Что поделаешь, если, кроме конины, не было ни крошки съестного. А уже спустя четыре-пять дней не осталось у нас и этой мерзлой конины.

Среди ветеранов антияпонской революции много людей низкого роста. Причина этого кроется, в частности, в том, что в возрасте, когда организм требовал достаточно питания, они постоянно недоедали, терпели много лишений. Какие доводилось им пройти испытания! И их организм не мог полностью развиваться.

Партизаны в горах, мы не могли есть досыта, употреблять нормальные продукты.

Часто приходилось питаться съедобными дикорастущими травами и кореньями, корой деревьев, затором, рисовыми отрубями, бардой. Грубые продукты и ненормальный режим питания приводили к расстройству органов пищеварения.

Когда к нам приехал Фидель Кастро, он спрашивал меня: «Как вы решали вопрос с продовольствием в годы антияпонской вооруженной борьбы? Как доставали обмундирование? Как устраивались на ночлег? Как переносили сорокаградусный трескучий мороз?» И я рассказал ему о том, как во время Трудного похода мы страдали от нехватки продовольствия, как мучились от жестокого мороза.

Фидель Кастро был глубоко потрясен моим рассказом. Видимо, когда он партизанил, ему не приходилось испытывать таких страданий, какие переживали мы. Куба отличается от Северо-Востока Китая и от Кореи весьма теплым климатом. В ней много и продуктов питания.

Когда я боролся в горах, меня больше всего беспокоило то, что я не мог накормить досыта своих боевых друзей, не мог дать им возможность жениться и выходить замуж в самом подходящем для этого возрасте, а только заставлял терпеть разные мытарства.

Как я ни старался рассказать сейчас здесь о суровости этого Трудного похода, но вам, лично не испытывавшим этого на себе, нелегко представить себе все муки и страдания, пережитые нами. О трудности похода расскажу, следуя его маршрутом.

Враги с самого начала применяли «тактику яростного наступления и неотступного преследования», то есть жестокие налеты сочетались с цепкой погоней. Вражеские атаки и погоня были так часты и навязчивы, что не давали нам передышки, чтобы сварить кашу, и мы продолжали поход, на ходу жуя сырое зерно.

В основе упомянутой тактики врага лежал прием «дани», суть которого – цепко вцепиться, как клещ, и не давать противнику покоя. По-японски клещ – «дани». Тактика «дани» была направлена на то, чтобы заранее расположить в каждом нужном пункте карательные подразделения и ударить по партизанскому отряду, как только он появится. А затем – идти по его неостывшим следам, до конца преследовать и уничтожить его. Таковую тактику придумали японцы для того, чтобы вконец измотать и разгромить партизанский отряд, не давая ему ни передох-

нуть, ни поспать, ни поесть, неотступно следуя за ним и нанося по нему удар за ударом. Враги, сменяя друг друга, могли сколько угодно отдыхать, но партизанскому отряду нельзя было ни сделать передышку, ни поесть, приходилось постоянно вести бои. Сколько лишений и страданий пришлось перенести – не счесть!

В древнем военном трактате написано: наскочишь на сильного противника, преследующего тебя посменно на дальнейшее расстояние, не миновать гибели; поэтому выдающимся в боях называют того богатыря, который не дает загнать себя в такой тупик. Это значит: попадешь в такую западню – не выберешься из нее, как бы ни пытался.

И вот мы попали именно в такую западню. Враги набросились на нас со всех сторон, цепко вцепившись в нас, как клещи, и не собирались от нас отрываться. Беда была велика. Нам пришлось искать выход, использовать такие способы, чтобы выбраться из западни, в глубине которой мы очутились.

Вот тогда и придумали тактику зигзага.

Я собрал всех командиров полков и приказал: «Отныне идти зигзагами. На каждом повороте останавливаться и подождать там противника. Как только враг появится – косить его пулеметными очередями. Только так можно сбросить с себя этих японских «дани». Так надо».

Эта тактика была самой эффективной для нанесения ударов по противнику, который преследует нас по пятам в маньчжурских лесах, покрытых снегом глубиной в человеческий рост и больше. Зимой того года снегу выпало особенно много. Идущие впереди должны были пробивать дорогу в сугробах, трамбовать ее. Только так могли следовать за ними другие. Снега было навалено столько,

что даже наиболее крепкие бойцы, пройдя метров 50 – 60, выбивались из сил и валились с ног. А в некоторых местах, прегражденных особенно глубокими сугробами, мы пробивали себе дорогу, перекатываясь с бока на бок. В иных местах приходилось прорывать туннель, чтобы пройти через него. Кое-где сугробы были так глубоки, что бойцы, развязав гетры, соединяли их концы и, взявшись за них, так двигались, чтобы не было отставших.

Врагам приходилось только следовать по нашим следам, по сделанным нами зигзагам.

О Чун Хыб, замыкая походную колонну, давал приказы: устраивать на каждом повороте маршрута, в углу зигзага, засаду группой из двух-трех бойцов с пулеметами и уничтожать противника. Так и делалось. А затем ударная засадная группа, используя то время, пока противник уберет трупы убитых, отходила. А когда он опять приближался, ударная группа снова била его таким же методом. Враги следовали только по одному-единственному пути, проложенному нами, и каждый раз их постигала плачевная участь – они оказывались под нашим огнем. Постоянно попадая впросак, противник оставлял за собой груды убитых. Зато мы, взяв инициативу в руки, могли наносить ему непрерывные сильные удары.

Наш отряд продолжал поход через глубокие снега и в начале января 1939 года наконец-то достиг глуши под Цидаогу уезда Чанбай. До этих дней нам приходилось вести многочисленные бои, скажем, такие, как налет на коллективное поселение Яогоу, бой под Маихэ и налет на Ванцзядянь в уезде Линьцзян. Об этом, пожалуй, и вы хорошо знаете.

Противник с каждым днем все больше сил бросил на

карательные операции. Чем дольше он продолжал нас преследовать, тем больше терял убитыми и ранеными. Но, несмотря на это, сменяя свои отряды один за другим, он упорно продолжал свою линию. Резервов у него было хоть пруд пруди, и с гибелью нескольких сотен солдат он, пожалуй, не считался.

Наши бойцы, вымотавшись, даже на марше дремали, видели сны. Представьте, как они измучились, если они на ходу засыпали! Чтобы не выпустить нас из поля зрения, над нами постоянно кружились самолеты, и мы не могли даже свободно разводить костер. Самолет был такого же типа, который применяют у нас в госхозе № 5 при распылении ядохимикатов, но все же самолет есть самолет. Эти стервятники чуть ли не каждый день прилетали к нам и, разведав наш маршрут, сообщали наземным частям.

Как-то раз после такой разведки нашего местонахождения противник налетел на нашу походную колонну Народно-революционной армии, подобно пчелиному рою: враг был и впереди, и позади, и под боком, и в небе. Обстановка была до того критическая, что мне пришлось приказать пулеметному взводу уничтожить наступающего противника с фронта, 7-му полку – сдерживать натиск врага с тыла, а остальным бойцам – прорывать кольцо окружения с фланга.

Таким путем, слава богу, удалось избежать губельного момента, но столкнуться с такой рискованной ситуацией один-два раза – более чем достаточно, чтобы осознать: нельзя постоянно играть в смертельно опасную игру наподобие «ходьбы по канату». Совершать коллективный поход крупными силами армейской группы значило заведомо иметь немало неудобств. Трудно было, во-первых,

замести следы, во-вторых, достать продукты. Бывало, десятки бойцов приносили продовольствие, взвалив его на себя так, что спины гнулись от тяжести груза. Но и этого добра едва хватало на два-три дня. Бойцы были так вымотаны постоянным недоеданием, недосыпанием и непрекращающимися боями, что, случалось, на ходу мешком падали один за другим.

Каким же путем всем нам можно и выжить, и благополучно добраться до Чанбая? Решая эту головоломку, я приказал действовать разрозненно, а не коллективно. Но действовать рассредоточенно – это вовсе не означало, что от этого все дело само собой пойдет благополучно, как по маслу. Рассредоточишься – и от этого могут возникнуть свои трудности и страдания.

Я решил, что 2-й армейской группе надо действовать в нескольких направлениях, а мне самому передвигаться вместе с 7-м полком. Однако на совещании все командиры в один голос выступили против моего решения оставаться с 7-м полком. Они настаивали на том, чтобы Ставка Командования расположилась в Цинфэнском тайном лагере – одном из самых безопасных в глуши под Цидао-гоу. Они так заявляли для того, чтобы обеспечить мою безопасность. Они приводили такой довод: «В наших частях 7-й полк больше всего воюет. Действуя вместе с ним, будете в большей опасности».

Но я был не согласен с таким мнением и заявил: «В Цинфэнский тайный лагерь необходимо отправить только раненых, больных и слабых! Нашему народу нужен боевой Ким Ир Сен. Ему не нужен такой Ким Ир Сен, который, укрывшись, сидит сложа руки». И командиры больше не возражали против моего решения.

В конечном счете, все обсудив, мы разбили армейскую группу на три направления: Ставке вместе с комендантской ротой и пулеметным взводом продвинуться по направлению Цзяцзайшуя, через Цинфэнский тайный лагерь, 7-му полку О Чун Хыба – действовать в районе Шанганцюя уезда Чанбай, 8-му полку и отдельному батальону – в районе Дунгана уезда Фусун.

С тех пор, как армейская группа перешла к разрозненным действиям, Трудный поход, можно сказать, вступил во второй этап.

Теперь это, правда, стало рассказом о прошлом. Но тогда нам было мучительно больно в душе. Все товарищи без исключения, расстававшиеся со Ставкой, плакали от сожаления. Хватая бойцов комендантской роты за руки, они настоятельно просили надежно охранять Командующего. От их горячей просьбы, от стремления грудью защищать Ставку и у меня навертывались слезы на глаза. Среди бойцов были такие, на которых одежда была так изношена, что просвечивало тело, а обувь была такой потрепанной, что им приходилось обертывать ноги гетрами. Были и такие, которые ходили, обмотав ноги воловьей шкурой вместо портянок. Несмотря на это, они думали не о себе, а беспокоились только о безопасности Командующего. Как же мне не быть тронутым! Вот и набегали слезы на глаза.

Позже я узнал, что на прощание О Чун Хыб настоятельно просил О Бэ Рёна: «Противника увлечет за собой мой 7-й полк. А твоей комендантской роте ни за что не вступать в бой, а всячески избегать его. Какими бы то ни было способами упрости товарища Командующего оставаться в Цинфэнском тайном лагере».

И поныне мне не позабыть самоотверженности и верности О Чун Хыба, проявленных им ради безопасности Ставки во время похода.

Чтобы Ставку не постигла беда, он, едва покинув глушь под Цидаогоу, выманил на себя надвигающегося противника и вел трудные бои. 7-й полк О Чун Хыба выдавал себя за Ставку, и ему приходилось нести на себе всю тяжесть ударов противника. Враги ведь отчаянно стремились поймать меня, а его полк выдавал себя за группу Ставки, охраняющую Ким Ир Сена, и враги с особым рвением налетали на него.

Говорят, полк О Чун Хыба тогда больше недели, не имея ни единой крупинки зерна, увлекал за собой врагов и вел непрерывные бои. Он и тогда, когда завязался бой на горе Хунтоушань, услышав выстрелы издалека, поспешил к нам и надежно охранял Ставку.

Благодаря такой «подмене» нас меньше беспокоили враги.

Вражеские силы, нацеленные на «разгром» нашей Ставки, были рассредоточены. Но нам было не избежать одного – трудности с продовольствием. Голодные, мы продвигались в сторону Цинфэна. Там было картофельное поле, возделанное бойцами интендантской службы, направленными нами. Если картофель окажется на поле нетронутым, то я хотел остановиться там, чтобы дать бойцам отдохнуть хотя бы несколько дней, подкрепиться картофелем. Тогда мы чуть не померли с голоду: не было ничего съестного.

Недалеко от Цинфэна, откуда ни возмись, перед нами появилось поле неубранной чумизы. Судя по рельефу и местным приметам, это было то чумизное поле, которое

весной мы засеяли перед уходом в тайный лагерь Синьтайцзы. Еще раньше его обрабатывал в этой глуши, видимо, тот, кто занимался выращиванием опиумного мака. Он засеял поле, но, заметив наших бойцов, суетясь, улизнул куда-то. Наверное, он считал нас бандитами или японскими вояками.

Наши бойцы тогда очень сожалели, заметив удирающего хозяина поля. Мы говорили: «Видать, он изрядно испугался и удрал. Вряд ли он снова придет сюда, чтобы засеять поле. Из-за нас он улизнул, так что нам нельзя же оставлять поле брошенным. Давайте засеем его. Пусть хозяин уберет осенью». Так мы и засеяли это поле чумизой.

Однако это чумизное поле было не убрано, оставалось нетронутым. Видели бы, как восторгались тогда наши бойцы, заметив засыпанные снегом чумизные колосья! Один из бойцов в шутку сказал друзьям: «Видать, действительно есть бог – царь небесный. Не будь его, кто же помог бы нам, умирающим с голоду?» А другой добавил: «Товарищ Командующий! Теперь и царь небесный на стороне нашей революционной армии».

На самом деле мы были обязаны не царю небесному, а самим себе. Если бы мы весной, видя удирающего хозяина поля, не засеяли его, а просто прошли мимо, то не попался бы нам такой «дар природы».

Вообще у нас вошло в привычку: каждый раз на новой стоянке направлять бойцов на поднятие целины, сажать там чумизу или картофель, или тыкву. Так, на поляне, расположенной неподалеку от места ночлега, мы поднимали целину, сеяли семена, а затем делали условные знаки, чтобы позже могли найти это место. Тогда ординарцы спрашивали: «Товарищ Командующий! Собираетесь в

дальнейшем снова приходите сюда?» В душе они думали: «Какой толк от посева, если мы не придем сюда снова?»

Я отвечал им: «Может, придем, может, нет. По всей вероятности, не придем. Но пусть мы снова не придем, но здесь могут проходить и связной, и небольшой отряд. И как они будут рады, когда голодные, проходя такие безлюдные края, будут выкапывать картофель, собирать тыкву, чтобы утолить голод».

Места, которые мы проходили, мы обозначали номерами: дорога № 1, дорога № 2, дорога № 3, дорога № 15 и тому подобное. Когда связные или бойцы небольшого отряда возвращались с Н-ского пункта после операции, я спрашивал их: «Какой дорогой шли?» Они отвечали: «Дорогой № 3» или «Дорогой № 15». А на вопрос: «Не голодали ли в пути?» – они отвечали: «Заходили на то поле, которое засеяли раньше, когда вы, товарищ Командующий, вместе с отрядом остановились на ночлег на походе. Там собрали кабачки, варили и ели». Или: «Выкопали картошку, испекли на костре и поели».

Как мы мучились от постоянного недоедания в годы антияпонской революции! За еду ходил даже сок березы. Его употребляли не только в качестве лекарственного напитка, но и для питания, конечно, дополнительно.

Мы с трудом извлекали по-одному чумизные колосья из сугробов, толкли зерно и варили похлебку. Надо ли говорить, что и ножную крупорушку мы сделали на скорую руку.

Примерно с неделю мы питались похлебкой, и немного восстановилось здоровье бойцов. Но и та чумиза скоро кончилась. Оставался единственный путь приобретения продовольствия – пойти в Цинфэнский тайный лагерь и

взять каждому по вещмешку картофеля.

Но путь в Цинфэнский тайный лагерь нам преградила река. Нужно было перебраться на другой берег, но река не замерзла, и перейти было нельзя. Вообще река в глубоком горном ущелье и зимой посредине не всегда замерзает. Можно, конечно, было перейти и по мосту, но на это нелегко решиться: там, может быть, вражеские часовые. Однако иного выхода не было: с риском для жизни мы проползли мост по одному.

Но едва мы преодолели реку, враги пустились в погоню за нами. И завязался бой. Увлекая за собой противника, мы быстро поднялись на гору: на ее вершине было картофельное поле. Я решил было сдерживать натиск врага, чтобы за это время отдельные бойцы смогли собрать хотя бы по одному вещмешку картошки. Но не тут то было: на вершине горы не было ни дома, ни картошки. Видимо, весь урожай выкопали хозяйственники интендантской службы, находившиеся в тайном лагере. Карательный отряд уже подоспел, нашел наши следы и стал строчить из пулемета. Надвигалась действительно великая беда. Я говорю бойцам: «Теперь надо спуститься через ущелье вон туда, к пологому склону горы, заросшему травой. Пока спустимся, наступят сумерки. Появится и дорога. Снег глубокий, у нас нет продуктов. А тут еще на плечах каратели. Надо выйти на шоссе, чтобы форсированным маршем подальше уйти от противника».

На пути форсированного марша нам попалась казарма лесного отряда. Перепуганные выстрелами, офицеры и солдаты удрали кто куда, опустела казарма. Зато в ней были объедки мяса – ребра и много другого съестного. Одни сомневались: не отравлено ли это ядом япошками?

Но мне казалось, что продукты годные. На полу валялись игральные карты. Судя по ним, это, по всей вероятности, была казарма лесного отряда, где они лакомились блюдами, но, не доев, удрали. И пол был тепло отопленный.

Казарма была такой уютной, что захотелось крепко выспаться, чтобы снять усталость, если бы не преследование врага. И у нас не было даже такой передышки, чтобы поесть за богато накрытым столом. Я бегло определил на глазок: ей-богу, продуктов хватило бы дня на два для всего состава Ставки.

Я приказал бойцам все продукты собрать и унести с собой.

Как только мы вышли из казармы лесного отряда, – вот тебе на! – противник опять наслел на нас. Это было действительно неотступное преследование. У нас не было даже такой спокойной минуты, чтобы свободно посидеть на земле, съесть хоть один пирожок или кусок сухаря.

Наша Ставка никак не могла оторваться от преследования противника из-за того, что один из наших подпольщиков, действовавших в Цзяцзайщуре, был арестован врагами. Тот подпольщик по фамилии Ким вступил в наш отряд в Чанбае, когда мы вышли в Западный Цзяньдао. До того времени он работал в революционном подполье. И после вступления в отряд он воевал неплохо. Несколько лет он, бывая вместе с нами, сражался, а затем снова был направлен в подполье. Видимо, он, захваченный врагом, был не в состоянии оставаться верным своим убеждениям. Вероятно, он и подсказал врагам маршрут нашего похода.

Наконец-то враг понял, что полк О Чун Хыба, маневрирующий в районе Чанбая с самыми громкими выстрелами, является лжеставкой, и направил все карательные

силы против нас. И вражеские самолеты чуть ли не каждый день прилетали только в нашу сторону. Со всех сторон противник ринулся в сторону Ставки, и у нас не было выхода, каким можно было бы выбраться. Лица у бойцов были мертвенно-бледными. Изменился в лице даже О Бэк Рён, который с ванцинского периода следовал за мной и повидал всякие виды. Чего только не перетерпел он! Все командиры ожидающе глядели только на меня: «Дальше не удастся сделать ни шагу! – говорили глаза многих. – Теперь всем капут!»

Именно в такой момент агитационная речь многого стоит!

В минуты передышки я собрал членов Ставки и говорю: «... Пусть сотни глаз днем с огнем ищут иголку, упавшую в рощу, но нелегко найти ее. Если мы пустимся на ловкую хитрость, можно укрыться, как та иголка, в обширной тайге или в гуще вражеских полчищ. Вспомните-ка флотоводца Ли Сун Сина. Он с небольшим количеством судов победил крупную японскую флотилию в морском сражении в проливе Мёнрян. Это перевернуло ситуацию при японском нашествии года Имчжин. Это исключительное чудо в мировой истории морских сражений. Чем Ли Сун Син победил противника? Разумеется, он победил умом, ловкой тактикой и мужеством. Но самое главное – это патриотизм. Не разгромишь япошек – родина погибнет, а если она погибнет – не миновать всем рабской доли. Порыв таких чувств помог ему победить противника. Пламенный патриотизм выявил максимум ума и мужества. Не забудем патриотизм – и нам тоже удастся выбраться из этой пропасти. Нет слов, положение, создавшееся вокруг нас, критическое. Но если не бу-

дем терять твердую уверенность в победе революции и не будем пасовать перед трудностями, то все равно мы сможем перевернуть ситуацию. Будем с твердой уверенностью в себе продолжать поход...»

После моей речи бойцы ободрились: «Товарищ Командующий! Ждем только вашего приказа! Мы готовы следовать за вами до конца». Их лица просветлели, и они снова начали поход. В их поддержке, в их исполнительности и я черпал силу.

Тогда мы применяли действительно разнообразные методы ведения боев, приемы тактики. Маршрут Трудного похода, можно сказать, был полем комплексного испытания всех тактических приемов, методов ведения боя, созданных в партизанских войнах.

Какие ловкие методы мы применяли тогда? Об этом хотелось сказать хотя бы несколько слов.

Для укрытия во время похода имелся не только метод незаметного исчезновения путем заметания и стирания следов, но предпринимался и незаметный отход в сторону по поваленным деревьям, по бурелому. Наиболее эффективным ходом, заставлявшим противника сесть в лужу, был маневр, рассчитанный на то, чтобы натравливать друг на друга части противника, появляющиеся спереди и сзади, а затем укрываться, потихоньку отходя в сторону. Такую тактику мы называли тактикой «наблюдения издали». Это значит – заставив врагов драться между собой, спокойно наблюдать издали, как они бьются. Именно такие приемы применяли мы, когда ввергали противника в плачевное положение в Хунтушаньцзы и на плоскогорье Фухоушуй, что в уезде Чанбай.

Хунтушаньцзы, как говорит само название, – это

«большая лысая гора». В то время мы второй раз обходили эту гору, увлекая за собой преследователей. И вдруг впереди также появился противник. Тут мы незаметно укрылись, ушли в сторону по бурелому. Два отряда противника, которые атаковали нас – один спереди, другой – сзади, тут столкнулись друг с другом на единственной дороге. Решив, что встречная часть – это Народно-революционная армия, оба отряда вступили в яростную перестрелку. Откуда им было знать, что встречный отряд – это свои? И они дрались меж собой не на жизнь, а на смерть в буквальном смысле этого слова.

Подобный бой мы вели и на плоскогорье Фухоушуй. Преследовала нас большая группа противника, никак нельзя было уйти от погони. Я приказал повторить обход плоскогорья Фухоушуй, подобно тому, как это было в Хунтушаньцзы. Когда мы делали второй круг, перед нами появился новый карательный отряд, который оказался между нами и преследовавшим нас отрядом противника. Бывал и такой странный случай, когда преследовали нас два отряда противника вместе, но они не имели связи между собой, так как для обхода плоскогорья требовался почти целый день.

Я приказал нашим товарищам продолжать обход плоскогорья, каждому срубить по одному дереву длиной с оглоблю, нести его на плечах, чтобы затем незаметно отходить в сторону по стволам, положив их между пнями.

Замаскированные в белые халаты, мы укрылись в лесу и, жуя сырой ячмень, сделали передышку. За это время отряды противника, висевшие на хвосте друг друга, иступленно били своих в горячей перестрелке. Нам оставалось только смотреть издали их собачью драку. И без

единого выстрела руками врагов удалось многих из них уничтожить. На плоскогорье Фухоушуй противник понес действительно поразительные потери и поднял вопль: «Их не поймать! Они же применяют тактику неуловимых – то мгновенно появляются, то мгновенно исчезают, то поднимаются в небо, то сквозь землю проваливаются».

Мы вели бои такими ловкими приемами несколько раз в день, наносили врагу большие потери в живой силе. Но у японцев резервов было пропасть. Япония же именно от перенаселения притязала на расширение своей территории и за морями. Сколько ни потерей «карательных войск», она немедля пополняла их свежими силами. Однако мы, сражавшиеся в горах, лишены были возможности тут же пополнять ряды, трудно было заменить даже одного человека, если выйдет из строя.

После боя на плоскогорье Фухоушуй я с отрядом всю ночь совершал форсированный марш и ушел далеко в направлении Цзяцзайшуя.

Все это время я велел держать курс похода в сторону низких сопок. А бойцы все беспокоились: «Товарищ Командующий! Если выберемся туда – там пологий склон горы, того и гляди, попадем в коллективное поселение».

Я им говорю: «В данный момент лучше выбраться на низкие сопки, чем оставаться в глубокой тайге. Это самая эффективная мера. Если мы так будем подвергаться только преследованиям, то попадем впросак и ничего не сможем делать. У противника много войск, чуть ли не каждый день сменяются карательные отряды. Куда тут нам! У нас нет таких сил. Одни потери в личном составе, больше ничего! Если сегодня погибнет один, а завтра другой, послезавтра – еще третий, таким образом будут бойцы погибать один

за другим, сколько же останется нас в конце концов? 7-й и 8-й полки, вероятно, не знают, что мы попали в такую переделку. Нельзя же сообщить им, чтобы они направили к нам, в Ставку, подкрепление. Значит, нет другого выхода. Пока противник находится в таежной местности – пусть возится там, а нам надо выбраться оттуда на сопки, куда враг обращает мало внимания. Поэтому туда надо выйти. Только это поможет нам некоторое время передохнуть и сохранить свои силы».

Поговорка гласит: «Под лампой темно». Именно та местность, которая недалеко от населенного пункта, могла бы стать для нас наиболее безопасной.

Мы остановились на ночлег на небольшой сопке, откуда поселок Цзяцзайшуй был виден, как на ладони. На сопке было уютно. Там густо росли дубы и сосны выше человеческого роста, за сопкой был обрыв, а под обрывом – ручей. Когда собака заливалась лаем в поселке Цзяцзайшуй, он доносился и до сопки. Цзяцзайшуй называли и «поселком с водяной крупорушкой».

Когда темнело, мы разбивали палатку; едва забрезжит рассвет – убрали ее и, упаковав вещи, в состоянии боевой готовности и отдыхали и занимались. После того, как покинули Наньпайцзы, впервые здесь предоставлялась возможность спать в палатке.

Там нам удалось малость снять усталость. Вместе с членами Ставки мы часто обсуждали направления дальнейшей деятельности и тактические вопросы. Наш план был таков: пройдет новогодний праздник по лунному календарю и станет теплее – соберем разбросанные по сторонам отряды, ударим по противнику везде и всюду, восстановим разрушенные организации и продвинемся в

пограничный район и в пределы Кореи.

Однако у нас иссяк запас продовольствия. Это была самая большая беда. Голод грозил смертью, а у нас не было ни одного *твэ* зерна.

Я направил политрука комендантской роты Ли Бон Рока в поселок Цзяцзайшуй. В этом поселке действовала подпольная организация, созданная Ким Иром. Там же жил и подпольщик по фамилии Ан. Имя его не помню. Этот крестьянин имел с нами особые связи. Однажды его отец был похищен лесным отрядом. Тогда я лично написал вожаку отряда, чтобы спасти крестьянина. Вожак уже во многом был обязан нам, поэтому он, получив мое письмо, тут же возвратил пленника домой. Тот крестьянин под влиянием Ким Ира помогал революционной работе. После этого случая скоро он стал членом подполья.

Я велел Ли Бон Року встретиться в Цзяцзайшуе с хозяином водяной мельницы, держать связь также и с крестьянином по фамилии Ан.

Спустившись с сопки, политрук первым делом пошел на водяную мельницу. Встретившись с ее хозяином, он туманно представился: «Партизанил в горах. А там уже-сточаются карательные операции, да и очень трудно с продовольствием. Вот я и спустился в населенный пункт. Хоть и ночной гость, не упрекайте, поговорим о том и сем».

Хозяин отнесся к нему холодно и спросил: «Значит, спустился добровольно капитулировать?» Чтобы проверить собеседника, Ли Бон Рок с притворно деланным видом ответил: «Да». Услышав его ответ, хозяин водяной мельницы сказал с сожалением: «Да, в горах чего только не приходится претерпевать? Но нельзя же стать отступником. Раз взял ружье в руки, чтобы вернуть потерянную

Родину, надо бороться до конца, чтобы с честью поставить точку в своей жизни. Негоже остановиться на полпути. Хотя и тяжело тебе, но не становись отступником». Так хозяин уговаривал Ли Бон Рока. Он спросил: «Здоров ли Полководец Ким Ир Сен?»

Политрук ответил: «Где он, Полководец, мне неизвестно. Но по-прежнему он ведет за собой революционную армию, бьет врага». Услышав это, хозяин проговорил: «Вот видишь, Полководец Ким здоров, по-прежнему возглавляет революционную армию, а ты хочешь бросить своего командира и капитулировать. Как у тебя язык поворачивается говорить такое, а?» Так он резанул Ли Бон Рока.

Полностью убедившись, что собеседнику можно доверять, Ли Бон Рок признался: «Я спустился с горы не для того, чтобы стать отступником. Пришел для того, чтобы достать продовольствие. В горах ждут меня мои боевые друзья. Дам деньги, помоги мне только достать продовольствие. Ладно?»

Хозяин отвечает: «Купить продукты за деньги опасно. Мы толчем на крупорушке, за это берем зерно, его будем засыпать в отсек, как будто это отруби. А ты бери его потихоньку, когда гостей не будет». Хозяин был очень хороший человек.

Доставая продовольствие в поселке Цзяцзайшуй, Ли Бон Рок узнал, что тот хозяин – член ЛВР. Он был близок и с крестьянином по фамилии Ан.

Подполье в Цзяцзайшуйе и после «Хесанского дела» оставалось по-прежнему нетронутым, жило и работало, так как наши подпольщики строго держали организацию в секрете.

Когда мне рассказали о хозяине водяной мельницы, я в душе воскликнул: «Теперь все в порядке! Народ неизменно поддерживает нас. Раз есть такая поддержка, мы победим. Теперь открыт путь!» Можно считать, что хозяин водяной мельницы с продовольствием на спине участвовал вместе с нами в Трудном походе. Если бы он не дал нам зерна, мы не смели бы спокойно, невозмутимо планировать направления дальнейшей деятельности, играя в национальные шахматы и шашки. По всей вероятности, мы умерли бы с голоду.

Нам помогал не только он. Все село Цзяцзайшуй помогало.

Как-то раз Ли Бон Рок говорил мне: «Жители Цзяцзайшуя приобрели продовольствие, приготовили новогодние кушанья. Разрешите мне сходить за ними».

При мысли о том, что наши бойцы многие десятки дней после начала Трудного похода утоляли голод одним сырым зерном, сырым мясом и водой, я не мог отказаться от искренних подношений населения Цзяцзайшуя. Я говорю ему: «Сходи и бери все новогодние кушанья, что приготовили они с такой искренностью». Мной овладело чувство облегчения, что благодаря им мы могли бы безбедно отметить новогодний праздник 1939 года по лунному календарю. Казалось, лишь теперь меня начало отпускать чувство досады на то, что я не мог досыта накормить бойцов.

Однако нам не удалось воспользоваться добрым намерением местного населения: в то самое время вдруг дезертировал Ли Хо Рим, спустившийся в поселок вместе с Ли Бон Роком. Политрук возвратился ни с чем, доложил, что из-за его дезертирства пришел с пустыми руками, ос-

тавив все – и продовольствие, и прочее. Это был первый случай дезертирства среди бойцов комендантского подразделения Ставки.

До того времени, как бы ни было тяжело в походе, у нас не было ни одного изменника – дезертира. Но в дни Трудного похода в наших рядах появилось четверо дезертиров. Почему дезертировали те, которые раньше и не думали пойти на это? Они не в силах были больше переносить страшных тягот и лишений.

За плечами Ли Хо Рима был небольшой опыт партизанской жизни, но я окружал его большой любовью. Из-за того, что он пришел из Кореи, я особо любил этого бойца. Он отлично владел японским языком. Поэтому, когда возникала надобность получить сведения о противнике, это поручалось ему. Он, взяв с собой одного или двух бойцов, шел на задание. Поднявшись на телеграфный столб, подслушивал телефонный разговор противника. Он был человек здоровый и образованный, и его зачислили в число будущих командиров. А он, видимо, предположив, что революция пойдет насмарку, дал тягу.

Из-за изменничества Ли Хо Рима над нами нависла серьезная угроза. Нужно было как можно скорее переместиться и принять меры для обеспечения безопасности отряда.

Мы решили оставить сопку за селом Цзяцзайшуй и пройти широкую равнину форсированным маршем среди бела дня. Я приказал как можно быстрее идти и идти, не думая о том, появятся враги или нет.

Когда противник наступает крупными силами, следует действовать рассредоточенно – таков общий принцип партизанской тактики. И в дни Трудного похода мы были

верны этому принципу. Благодаря этому нам удалось несколько разъединить карательные силы противника. Но в ходе рассредоточенных действий наша Ставка, обладая незначительными силами, не раз попадала в критические ситуации, когда судьба ее висела на волоске.

А почему так получилось? Потому что враги знали, что мы и есть Ставка, и направляли все силы против нас.

Был у нас такой урок. Поэтому при подведении итогов Трудного похода в Бэйдадинцзы мы долго обсуждали тактические проблемы. Я подчеркивал, что разрозненные действия хотя и являются своего рода тактикой партизанских боев против наступления противника крупными силами, но не следует применять ее шаблонно. И другие командиры тоже утверждали, что Ставка не должна больше повторять такой риск, как отдельные, разрозненные действия без поддержки крупного отряда.

Подводя итоги Трудного похода, я всей глубиной души ощутил ту истину, что не следует догматически применять тактику, как бы ни отвечала она принципу.

Едва мы начали поход среди бела дня, появились новые дезертиры. Это был какой-то «инструктор Ли». Он, выпускник Пекинского университета, что ли, был прислан к нам Ван Дэлинем. Покинул отряд еще боец-китаец. А тут еще у нас в отряде было несколько раненых, так или иначе у нас оставалось мало людей. Если выйдет из строя еще несколько человек, то мы окажемся в таком положении, что не будет людей и для смены часового.

Когда был дан приказ начать марш, О Бэк Рён обратился ко мне: «Товарищ Командующий! Как только мы выступим, из форга посыплется град пуль. Как же мы сможем пройти эту равнину?» А я ему: «Как это как? Ни-

чего не поделаешь. Надо поставить один пулемет впереди, а другой – позади. Если враг будет наступать спереди, ударить на него спереди, а если он появится с тыла – ударить с тыла. Таким образом надо совершить форсированный марш. Иного выхода нет».

Враги из Цзяцзайшуя, заметив нас, смотрели на партизан с форта, не осмеливаясь напасть на нас. Видимо, их главные силы, участвуя в карательных операциях, забились в лес, а в поселке их оставалось мало, к тому же они были подавлены нашим демонстративным маршем и, судя по всему, сдрейфили. Ничто нам не мешало, среди бела дня мы прошли равнину открыто и добрались до лесной чащи. Там мы сварили кашу, поели, отдохнули немного.

Думаю, в таких случаях говорят: «Слава богу, пронесло!» После того как мы благополучно перешли равнину, почему-то у нас голова шла кругом от неожиданной удачи. Как же это может быть не так! Мы думали: «Того и гляди, враги откроют огонь». Но какой там выстрел, даже и чиханья не было слышно. Они только во все глаза смотрели на нас с форта. Партизанишь – чего только не встретишь. Бывают порой и такие вот случаи.

Благополучно пройдя равнину, бойцы не могли не радоваться и говорили: «И на этот раз царь небесный заступился за революционную армию». Пусть человек загнан в тупик, но если он смело возьмется вплотную за любое дело, тогда не будет неодолимых трудностей. Тут нужна только абсолютно твердая воля: «Пусть я умру, ты тоже умрешь – давай сразимся. Человек умирает один раз, а не два раза».

Когда мы, выбравшись из лесной чащи, снова тронулись в поход, мне доложили, что позади враг. Видимо,

дезертиры, выдав врагу маршрут нашего похода, сообщили, что, мол, у Ким Ир Сена нет крупных сил. У него лишь несколько десятков человек, теперь можно его ликвидировать.

Спустя некоторое время прилетел доклад и от передового дозора: «Перед нами противник». Если противник и впереди, и с тыла, то это уже ЧП. Опять О Бэк Рён, поглядывая на меня, спрашивал: «Товарищ Командующий! Как нам быть? Видимо, они знают, что мы и есть Ставка».

А я ему говорю: «Нет иного выхода, кроме как пойти на смертельный решительный бой. Встречный противник ничего о нас не знает – и идет спокойно, не думая, что может столкнуться с нами. А преследующий нас сзади знает все: сколько у нас человек, до чего мы измучились. Поэтому с ним драться по-настоящему нам трудно. Вот почему нет другого выхода. Надо выделить бойцов, примерно одно отделение, дать им задание – сдерживать натиск противника, идущего сзади. А главным силам – разгромить встречного противника, который впереди и идет, ничего не зная о нас. Только так мы сможем прорвать окружение».

Преследовавшие нас сзади – это были японские карательные войска, а грозившие нам впереди – это были части марионеточной армии Маньчжоу-Го. Последние боялись драться с нашим отрядом. Значит, слабое звено было впереди.

Я приказываю О Бэк Рёну: «Веди отряд. Прорываться вперед! Ударить по слабому звену. Если враг хоть немножко замешкает, не давать ему передышки, наступать до самой его казармы, чтобы он перепугался до смерти».

О Бэк Рён, поставив пулемет впереди отряда, беспощадно бил противника, а затем со звуками горна ринулся

в атаку. В стане войск Маньчжоу-Го появилось несколько десятков убитых и раненых. Они думали: наш отряд весьма крупный, – и стали отступать, бросая вещмешки и другое имущество.

Мы, достав продукты из их вещмешков, взяли с собой и, обувшись в новую обувь вместо изношенной, преследовали противника до большака. Так нам удалось уйти от погони противника и даже, наоборот, взять в руки инициативу и самим преследовать врага.

С того момента мы начали менять тактику. Скажем, мы перешли из тактики отвлечения внимания противника к инициативной ударной тактике – первыми наносить удары по противнику. Одной тактикой ухода ловким маневром от преследований врага нельзя было спасти отряд.

И в военных трактатах сказано, что высокое искусство вожделения войск – избежать острия атаки сильного врага, дезорганизовать и изматывать его, а когда враг заколеблется, нанести сильный удар; когда враг отступает, яростно преследовать его, сделать сильного врага слабым, а тяжелое положение своей армии превратить в благоприятное для нее. Широко применяя такую тактику, мы и в дни Трудного похода не раз выходили из тяжелого положения и, выбравшись из пассивного состояния, брали инициативу в свои руки.

Я решил совершить налет на коллективное поселение, чтобы прижать противника, лишить его инициативы и достать продовольствие. Новогодний праздник по лунному календарю был буквально на пороге. Мной овладело и сокровенное желание досыта накормить бойцов, страдавших вот уже несколько месяцев от голода. Таким образом было решено дать бой. Это был налет на коллек-

тивное поселение Шисаньдаовань.

Прежде чем начать бой, мы подслушали телефонные разговоры противника. Офицер войск Маньчжоу-Го, отступивший в Шиэрдаогоу, сообщил по телефону своему начальству в уезд Линьцзян следующее: «Случайно встретился с отрядом Ким Ир Сена. Наступление было такое мощное, что мы не смогли выстоять и отступили в Шиэрдаогоу. Жду дальнейших распоряжений». Этот офицер предупредил по телефону и соседнее коллективное поселение, чтобы были бдительны – того и гляди, налетят партизаны.

На основе этих сведений мы ударили близлежащего врага, а затем били врага еще в одном поселке. В качестве трофеев взяли большое количество продуктов. Среди них были и пельмени, которые приготовили враги к празднику. Трофеев было так много, что часть их мы засыпали в снег, отметив условными знаками. В том году мы щедро отметили новогодний праздник по лунному календарю с продуктами, захваченными в бою в Шисаньдаоване.

Пусть это партизанская война, но, как видите, не всегда приходится терпеть лишения. Правда, по обыкновению, мы плохо ели, были худо одеты, но бывали дни, когда ели досыта и одевались тепло.

После боя в Шисаньдаоване враги направили на «разгром» нашей Ставки больше карательных сил, чем прежде. И на севере, и на юге, и на востоке, и на западе – словом, всюду были одни карательные отряды. Противник так цепко преследовал нас, что нам приходилось проводить несколько ночей на высотах, где мороз доходил до сорока градусов.

Несмотря на такие трудности, отряд нашей Ставки,

проявляя боевую инициативу, атаковал еще одно коллективное поселение. Это было нужно для того, чтобы заявить о себе нашим крупным отрядам, действовавшим разрозненно. Как называлось это поселение – точно не помню. Услышав об этом нашем бое, 7-й полк О Чун Хыба, действовавший в районе Шанганцюя уезда Чанбай, решив, что Ставка – в опасности, совершил налеты на ряд коллективных поселений с целью рассредоточить силы противника, направлявшего острие атак на нашу Ставку. Эти бои были и своего рода сигналом, оповещавшим нас о расположении своей части.

Итак, 7-й полк пришел к нам в Ставку, а затем прибыли и 8-й полк, и отдельный батальон, действовавшие в направлении Фусуна, и бойцы интендантской службы, находившиеся в Цинфэнском тайном лагере. Таким образом, все собрались в Бэйдадинцзы. При осмотре отрядов оказалось, что почти не было разницы в численности личного состава по сравнению с предыдущим годом, когда мы оставили Наньпайцзы уезда Мэнцзян. Почти все бойцы, покинувшие Наньпайцзы, остались в живых!

Не знаю, как выразить восторг и волнение тех дней! В годы антияпонской войны было много и разлук, и встреч, но, пожалуй, не было такой волнующей встречи, как в те дни. В Бэйдадинцзы буквально царило праздничное оживление. Еще бы! Более ста дней бойцы терпели лишения и страдания, находясь на грани смерти. И вот снова встретились. Воины обнимали друг друга, смеялись, хлопали друг друга по плечам, делились заветными чувствами.

Встреча после тяжелых испытаний казалась особой, теплее всех других встреч. Чтобы познать, насколько доро-

ги товарищи, надо побывать и в разлуке. Когда товарищи, связанные кровными узами, будут то разлучаться, то встречаться, чувство их товарищества, как правило, становится еще крепче, буквально пламенным. Такое товарищество нелегко расторгнуть, какие бы бури и испытания ни надвигались.

Трудный поход был не простым переходом ради передвижения отрядов. Это была крупномасштабная военная операция, равная по своему значению целой военной кампании. Можно сказать, это была картина антияпонской вооруженной борьбы в миниатюре. В ходе этого похода мы претерпели все муки, которые приходится терпеть воинам, вынесли все и всяческие испытания, которые выпадают на долю человека.

В ходе Трудного похода мы еще раз продемонстрировали всему миру, что именно коммунисты, участвовавшие в антияпонской вооруженной борьбе, являются настоящими сынами Родины и народа, самыми верными своей нации и делу национального освобождения борцами революции. В ходе Трудного похода антияпонские партизаны проявляли на самом высоком уровне свои человеческие достоинства. Прекрасные образы корейских коммунистов, обрисовавшиеся в процессе похода, стали замечательными прототипами людей коммунистического склада, примеру которых наш народ должен следовать из поколения в поколение. Был рожден типичный образ коммуниста, который в любых трудных условиях, не изменяя своим убеждениям и тесно сплачиваясь вокруг своего руководителя, побеждает врага. Именно это является важнейшим успехом Трудного похода, одним из самых выдающихся достижений антияпонской революции.

Участники Трудного похода – все без исключения – являются героями. Пусть они живы или погибли, безразлично. Все они герои.

Все бойцы, преодолев все и всяческие трудности и лишения и оставшись живы, как Феникс, вышли победителями. Это, считаю, объясняется рядом факторов. Из них я хочу остановиться только на некоторых.

Мне хотелось бы, во-первых, отметить непоколебимый революционный дух, революционный дух опоры на собственные силы и самоотверженного преодоления трудностей, революционный оптимизм. Именно эти духовные факторы, можно сказать, помогли нам преодолеть все невзгоды. Переживая столь суровые испытания, мы никогда не впадали в отчаяние, никогда не были в пессимистическом настроении. Мы смотрели с надеждой в будущее, зная, что впереди – день победы, и потому преодолевали все и всякие трудности. Точнее говоря, мы жили несокрушимой верой в победу революции. Если бы мы тогда опустили руки, находясь в плену окружающих нас и предстоящих трудностей, или считали победу революции недостижимой, а ее перспективы – мрачными, то мы не смогли бы вынести столь огромные испытания, а остановились бы, утопая в сугробах.

В качестве фактора победоносного завершения нами Трудного похода можно назвать и революционное товарищество. И поныне мне не позабыть встречу с О Чун Хыбом и его бойцами, состоявшуюся в конце похода. Схватив меня за руки, он плакал. При виде его и у меня на глазах навернулись слезы. Волнение было больше, чем при встрече с родными. И как мы восторгались! От радости сердце, казалось, выскочит из груди. Тогда я решил никогда

больше не разлучаться с ними, этими дорогими боевыми друзьями, даже если мне дадут всю вселенную.

Приказав зимой того года боевым друзьям действовать рассредоточение, я очень переживал за их судьбу. Не было случая, чтобы я ждал своих боевых друзей с таким нетерпением, как зимой того года. Пожалуй, и среди вас немало демобилизованных из армии, думаю, и вы хорошо знаете, каким сильным и пламенным является чувство боевого братства. Считаю, нет на свете более пламенной, более жизнеспособной любви, чем чувство боевого братства. Думаю, нет более благородного морального долга, чем нравственный долг между боевыми товарищами.

Революционное товарищество – это важнейший фактор всех наших побед времен антияпонской революции. Впрочем, в ходе Трудного похода как никогда концентрированно проявлялось чувство морального долга наших бойцов. Такой эпизод, как «Чашка толокна», является лишь одним из многочисленных прекрасных эпизодов из жизни того периода. Для Командующего ординарцы в своих вещмешках носили в качестве НЗ толокно, которого бы хватило на одну чашку. Как же мне одному съесть его?! И, разделив толокно, я ел его вместе с бойцами. Этот рассказ стал передаваться подрастающим поколениям, как легенда. И таких случаев было не один, не два.

В те дни наши товарищи готовы были отдать своим боевым друзьям все – даже и часть своей плоти, если бы они нуждались в ней. Целиком отдать себя ради товарищей по революции – вот это и есть революционное товарищество.

Как-то раз я уже рассказал о Ли Ыль Соре. Один ново-

бранец уснул у костра, сгорела его одежда, и он весь дрожал от холода. Заметив это, Ли Ыль Сор, сняв с себя единственный ватник, дал его своему товарищу, а сам ходил в столь страшный, трескучий мороз в легкой одежде. Однако он не замерз, так как другие товарищи окружали его еще более горячей, чем огонь, товарищеской любовью. В конце концов, на протяжении более чем стодневного похода мы не умерли с голоду. Почему? А потому что все мы жили и боролись с тем же духом, с каким делили и ели чашку толокна. Хотя мы ходили в разорванной одежде в жестокий мороз, но тело у нас всегда согревалось жаром и пылом души. Именно в этом был секрет того, что ни один из наших товарищей не умер с голоду, не замерз, а остался жив, подобно проходящему через огонь Фениксу. Сила любви победила смерть.

В то время мы снова до глубины души убедились в том, что непобедим коллектив, спаянный чувством товарищества, необорим отряд, тесно сплоченный воедино на основе товарищеской любви.

Другой фактор, позволивший нам успешно завершить Трудный поход, – это любовь народа к нам и его поддержка.

В ходе Трудного похода мы пользовались большой помощью таких благородных людей, как хозяин водяной мельницы в Цзяцзайшуе. Что же вы думаете, в Трудном походе участвовала только наша армия? Нет. В этом походе участвовало и население. Так, жители Эрдаохуаюаня и Яогоу, приходившие к нам с зерном, солью, обувью, тканями и другими материалами, неся их на спине, пересекая линию между жизнью и смертью, – они, можно сказать, все вместе с нами участвовали в Трудном походе.

То же самое мы ощущали и на плоскогорье под Лодзьгоу, и на перевале Тяньцяолин – всякий раз, когда мы оказывались в тяжелом положении, население всегда выступало в качестве спасителей, помощников и спутников.

Я был уверен в том, что раз есть такой народ, мы сможем победоносно завершить и Трудный поход. Это придавало мне смелости.

Следующий фактор, позволивший нам привести Трудный поход к победе, заключался в том, что мы оперативно применяли ловкие приемы ведения партизанских боев, отвечающие создавшимся обстоятельствам.

Мы ведем социалистическое строительство в трудной обстановке. Наша революция по-прежнему продолжает хождение по мукам. Поэтому, можно сказать, и поныне продолжается Трудный поход. Прежде нас окружали и преследовали сотни тысяч штыков японской армии, а сегодня не идущие в сравнение с ними, намного более могущественные и жестокие империалистические силы пытаются задушить нашу страну. Собственно, мы живем в положении, подобном военному.

Спрашивается, где же путь, ведущий нас к выживанию в такой трудной ситуации? Это последовательное претворение в жизнь революционного духа Пэкту, который проявляли в ходе Трудного похода представители старшего поколения – ветераны антияпонской революции.

Не только в годы антияпонской войны, но и в период строительства обновленной Родины, и в годы великой Отечественной освободительной войны, и в годы послевоенного восстановления и строительства мы преодолевали все и всякие трудности и преграды, добивались побед

в революции, будучи вооружены революционным духом опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями, духом оптимизма.

Для народа, имеющего великую историю таких событий, как Трудный поход, не существует невозможного. Никакими силами не покорить народ с таким наследием, как история Трудного похода.

8. Цинфэнский урок

В книгах и учебниках, посвященных истории революционной борьбы против японского империализма, встречаются два одноименных исторических места под названием «Чхонбон». Одно из них – это исторический Чхонбонский бивуак, что в Корее, в уезде Самчжиён провинции Рянган. Здесь в мае 1939 года главные силы КНРА, возглавляемые великим вождем товарищем Ким Ир Сенем, провели первую ночь во время продвижения в район Мусана. Другое – это Чхонбон (по-китайски Цинфэн) в Западном Цзяньдао. Там антияпонские партизаны оборудовали во второй половине 1930-х годов тайный лагерь интендантской службы.

Чхонбон в уезде Самчжиён известен всем. А посетителей Цинфэна в Западном Цзяньдао не так уж много. Этот тайный лагерь вошел, вместе с Трудным походом, в историю антияпонской революции в связи с возникшим там крупным инцидентом, послужившим экзаменом на веру и преданность революционера и давшим серьезный урок всем бойцам Народно-революционной армии. Этот урок и теперь поучителен для подрастающих поколений.

Ниже следует часть воспоминаний товарища Ким Ир Сена о случае в Цинфэнском тайном лагере.

Начиная Трудный поход, мы эвакуировали раненых и больных в Цинфэнский тайный лагерь. Это была наша интендантская база. В окрестностях гор Пэкту и в районе Западного Цзяньдао было немало таких тайных лагерей. Рядом с Цинфэнским тайным лагерем были и посеы кар-

тофеля, посаженные хозяйственниками нашего отряда. Это было сравнительно безопасное место. Здесь раненые, больные и слабые могли провести несколько месяцев, не испытывая особых трудностей с продовольствием.

После налета на коллективное поселение Шисаньдаовань в 1939 году я направил часть трофеев специально в Цинфэн.

Хотя там и был убранный картофель, но как можно одним картофелем отметить новогодний праздник по лунному календарю? Поэтому отобранные особые продукты были посланы боевым друзьям того лагеря.

С этими продуктами ходил туда связной отряда.

Вернувшись из Цинфэна, он сообщил Ставке о потрясающем событии – о том, что там, в тайном лагере, возник «инцидент с разоблаченной шпионской группой». У всех членов Ставки глаза полезли на лоб. Если такой «инцидент» случился внутри революционной армии, возглавляемой коммунистами, то это было действительно серьезное происшествие.

Связной предъявил письмо Ли Дон Гора с коротким изложением «инцидента» и вместе с ним еще и так называемую пачку «яда», которая, мол, конфискована в качестве улики. В этом письме говорилось: «Партизанки Ким Чен Сук, Ким Хе Сун, Ким Сон и Со Сун Ок являются шпионками японских империалистов, выведена на чистую воду их попытка отравить товарищей по революции ядом». По словам связного, когда он был в Цинфэне, эти партизанки были связаны веревкой, у них даже имелись следы пыток.

Получив это сообщение, я испытал сильное душевное потрясение – гораздо большее, чем тогда, когда необос-

нованно обвинили таких бойцов, как Чан-охотник и Хан Бон Сон, в причастности к «Минсэндану». Как и вам хорошо известно, на вопросе о «Минсэндане» уже была поставлена точка на Наньхутоуском совещании в 1936 году, и он был давно исчерпан. После этого мы даже не хотели вспоминать само слово «Минсэндан» – столь велики были потери и столь глубоки были раны от шумной кампании вокруг «Минсэндана».

И вдруг, ни с того ни с сего, на этот раз в Цинфэне разоблачена «шпионская группа», равная «Минсэндану!» Представьте себе, каково было тогда у меня настроение!

Я с самого начала решил, что «инцидент с разоблаченной шпионской группой» – это не что иное, как надуманная шумиха, которая не стоит и выеденного яйца. Ведь утверждения командиров тайного лагеря, обвинявших партизанок в шпионаже, не были подкреплены ни одной заслуживающей доверия уликой. «Яд», присланный ими в качестве улики, на самом деле был не яд, а зубной порошок. Несмотря на уговоры бойцов, я попробовал его кончиком языка, это был – ни дать ни взять – зубной порошок. Его и выдавали за яд! Какой абсурд!

Цинфэнские партизанки были достаточно закалены и проверены на практике революционной борьбы. Все они знали только одно: революцию.

Их единственное стремление – освободить Родину. Не будь такого стремления, вряд ли они, люди слабого пола, взяли бы в руки оружие и переносили всякие жизненные невзгоды. Они ходили в сольпхи (обувь с приспособлением для передвижения по глубокому снегу – ред.), питались кореньями трав и корой деревьев. Они не вышли замуж в пору своего расцвета и испытывали такие лишения,

которые даже мужчинам трудно было перетерпеть.

Навешивать на таких женщин ярлык «шпионки» – это была не просто глупая выдумка. Это было надругательство, издевательство над честными людьми. Это было преступление.

Что собой представляет Ким Чен Сук, не собираюсь даже и говорить. Я могу ручаться за нее целиком и полностью. У нее не было и нет никаких причин связываться с противником. Об этом свидетельствует и ее классовое происхождение, и пройденный ею боевой путь. Нелепо даже предполагать, что могла бы стать шпионкой женщина, лишившаяся родителей, братьев и сестры по вине японских империалистов.

Ким Хе Сун, Ким Сон, Со Сун Ок тоже отличались высоким революционным сознанием. Они были люди не робкого десятка и, конечно, никак не поддались бы интригам неблагонадежных лиц.

То, что их обвинили в шпионаже, было вопиющим абсурдом.

Если таких женщин представить «шпионками», то чем это отличается от бесчинств Ким Сон До и Цао Яфаня, которые ликвидировали в Цзяньдао множество невинных людей как «минсэндановцев»?

В нашей части не было ни одной женщины, которая могла бы стать шпионкой противника. Среди наших партизанок никогда не было ни одной изменницы – и в годы существования партизанских районов, и после их ликвидации. Спросите: были ли женщины в числе тех, кто дезертировал из отряда во время Трудного похода? Нет, среди них не было ни одной женщины. При капитуляции Рим Су Сан, конечно, взял с собой подружившуюся с ним

одну партизанку и перешел в стан врага, но сама она не занималась шпионажем в партизанском отряде.

Партизанки больше мучились, чем мужчины. Если иметь в виду семейное бремя нынешних наших женщин, то, пожалуй, вряд ли кто не согласится со мной. Женщины наравне с мужчинами участвуют в общественной работе и в то же время несут на себе почти все тяжелое бремя домашних хлопот. Мы приняли целый ряд мер для облегчения положения женщин, но даже и при выполнении этих мер – куда же денутся домашние хлопоты наших матерей, жен и сестер?

И в годы антияпонской революции на плечах партизанок лежало большее бремя. Они и воевали, и готовили пищу. Большинство кухонной утвари и продовольствия они несли на себе. И когда утомленные бойцы засыпали у костра, партизанки чинили их одежду. Разорванную форму достаточно было заштопать, но на прожженную огнем одежду надо было ставить заплату. А когда нечем было ее заплатать, они отрезали кусочки от подола своей юбки.

Заметив это, я приказал выдавать партизанкам при раздаче военного обмундирования по две юбки.

В преодолении трудностей они не уступали мужчинам. В каком-то смысле они были упорнее, чем мужчины.

Раз пошла речь о партизанках, расскажу, кстати, несколько слов о Чвэ Сун Сан, жене Сон Сын Пхира – известного работника оружейной мастерской. Она была старая партийка: занималась партийной работой в подполье в районе Яньцзи, была и поварихой, участвовала и в работе по созданию единого фронта с Армией спасения отечества. Ветераны революции, уроженцы Яньцзи, когда речь заходила о ее характеристике, в один голос говорили:

это женщина стойкая, глубоко ответственная за порученное дело.

Став партизанкой, она долго работала поварихой. Однажды, во время похода, на привале она мыла зерно на ужин. И вдруг, откуда ни возьмись, в ладонь вонзилась иголка. Часть переломившейся иголки глубоко воткнулась острием в руку. Но у нее не было даже минутки, чтобы извлечь ее из ладони. Надо было скорее приготовить ужин, чтобы отряд мог перейти к следующему этапу похода.

С того дня Чвэ Сун Сан очень мучилась от ноющей боли. Обычная женщина, жалуясь на боль, попросила бы на время освободить от кухни, но она, женщина железной воли, не только не жаловалась, что иголка вонзилась в ладонь, но и вообще не собиралась просить извлечь ее. И когда командир взвода упрекал ее за то, что задерживается с приготовлением пищи, ей и в голову не приходило оправдываться. Она знала: если она опустит руки, то другому бойцу придется взяться за это дело вместо нее.

Тем временем иголка вонзилась до того глубоко, что проколола кожу тыльной стороны ладони, и ее острый кончик высунулся наружу. Лишь тогда она обратилась к товарищам за помощью, чтобы извлечь иголку. И они принялись помогать и извлекли ее щипчиками.

А ведь она готовила пищу для боевых друзей в течение полумесяца, превозмогая и пряча от других боль от засевшей в ладони переломившейся иголки. Таков был типичный облик женщин-борцов, которые вместе с нами проходили огненные версты антияпонской войны.

Как я ни ломал голову, никак не мог понять, почему к таким вот партизанкам-бойцам прицепили позорный ярлык «шпионки». Мучила меня мысль: «Ом Гван Хо, на-

чальник тайного лагеря, имеет опыт политической работы. Этим делом он занимался добрых несколько лет. Что побудило его ни с того ни с сего подозревать ни в чем не повинных женщин, даже обвинять их в шпионаже? Разве он не знает, что те партизанки, которых он заключил в сруб, связав им руки, являются настоящими патриотками, ничем не запятнанными в революции? Если они шпионки, как утверждает Ом Гван Хо, то кому же тогда верить на свете?»

По одному только письменному докладу Ли Дон Гора я не мог выяснить суть дела, не мог разобраться, в чем оно состоит.

В тот же самый день я вызвал Ким Пхёна и направил его на место происшествия. Ему было дано задание исследовать положение дел, отозвать в Ставку начальника тайного лагеря Ом Гван Хо, «раскрывшего шпионскую группу», а также политического руководителя Ли Дон Гора и всех задержанных партизанок.

По возвращении Ким Пхёна я встретился по очереди со всеми причастными к этому событию лицами.

Дело, возникшее в Цинфэнском тайном лагере, было действительно настолько удивительным, что не поддавалось нормальному человеческому воображению.

За жизнь, за положение дел в Цинфэнском тайном лагере отвечал Ом Гван Хо. Мы назначили его начальником тылового тайного лагеря для того, чтобы он исправил свои ошибки. Это была своего рода наша товарищеская забота. Он был серьезно заражен «болезнью» как в мышлении, так и в стиле работы.

У него были порочные привычки, на которые нам никак нельзя было закрывать глаза. Какие привычки? Сектантские. У тех, кто заражен сектантством, имеются по-

рочные привычки: они выдают себя за самых выдающихся и правильных, а на других смотрят свысока. Презрительно относясь к своим товарищам, они все время подрывают их авторитет, придираются ко всем их делам.

Те, кто поражен сектантскими замашками, все без исключения, горят жаждой карьеры. Такие типы, если им не дается шанса подняться по служебной лестнице, готовы ехать на чужой спине или пуститься на всякие трюки, чтобы любой ценой занять теплое местечко. Оттого фракционеров критикуют как честолюбцев. Именно таким и был Ом Гван Хо.

Он начал обнажать свою натуру честолюбца с первых дней своего вступления в революционные ряды. Он окунулся в революционное движение на волнах восстания 30 мая в районе Яньцзи. В свое время он был и политруком роты в 1-й отдельной дивизии, но с первых дней начал терять доверие. Он слишком много возомнил о себе, а на своих товарищях готов был даже возвести клевету. А кому придет в голову любить такого человека, который то и дело выдвигает только свое «я», не уважает товарищью по революции и своих предшественников? Его и не любили.

Ом Гван Хо попытался использовать антиминсэндановскую борьбу как шанс для удовлетворения своих карьеристских амбиций. Во многих окружающих он видел реакционеров. На собраниях, где разоблачали и осуждали «минсэндановцев», громче всего звучал его ультрапартийный голос. Но революционная организация тогда не бросила его. Он сам злонамеренно бросил многих товарищью, но организация великодушно простила его и открыла ему путь к возрождению.

В дни формирования новой дивизии в районе Мааньшаня Ом Гван Хо пришел ко мне и поклялся честно служить и искупить свою прошлую вину. Я поверил ему, надеясь, что он готов искренне исправить свою ошибку, и назначил его политруком роты.

Однако он не оправдывал моего доверия. Чуть что кричал на рядовых бойцов и вместо того, чтобы хорошенько помочь командиру роты, пытался стать над ним и то и дело его наставлял. Ссылаясь на многолетний боевой стаж, он выдавал себя за бывалого, опытного борца. Тем не менее, когда возникало трудное дело, он вовсе не собирался первым браться вплотную за него. А в боях он совершенно явно уклонялся от передовой линии, всегда мешкал по углам, куда не доходят пули. Таким людям не к лицу должность политрука, который призван быть образцом для масс, впереди идущим.

По этой причине мы сняли его с должности политработника и направили в интендантский тайный лагерь, чтобы дать ему еще один шанс осознать и устранить свои ошибки.

Направляя его в Цинфэн, я дал ему задание – создать необходимые условия для медобслуживания и жизни раненых, вместе с хозяйственниками хорошо заниматься земледелием и обеспечить продовольственный резерв для отряда. Но он саботировал выполнение этого поручения. Не выполнил он и приказ Ставки о строительстве запасной казармы.

Раненые и партизанки-швей, которые, простившись с нами в глуши под Цидаогу, пришли в Цинфэнский тайный лагерь, испытывали здесь большие неудобства из-за нехватки помещений. В трескучий мороз им приходилось

жить в палатках. В тайном лагере не хватало и лекарств, и продовольствия.

Однако партизаны, закаленные в трудностях, не выражали ни малейшего недовольства, не роптали на условия. Думая о боевых друзьях, ведущих кровопролитные бои с врагом, они терпеливо сносили все лишения и трудности. Строго соблюдали распорядок дня тайного лагеря. Систематически проводили и учебу.

Однако шила в мешке не утаишь. В ходе учебы обнаружили вредный образ мышления и подлинное лицо начальника лагеря как сторонника пораженчества.

Как-то раз в тайном лагере шло обсуждение на тему курса, намеченного на Наньпайцзыском совещании. Тогда он, приводя в пример опыт революции в России, говорил: «Любая революция, как правило, переживает и период подъема, и период спада. Значит, в период подъема следует разрабатывать соответствующую этому периоду стратегию, а в период спада – отвечающую ему стратегию. Для этого надо давать правильный диагноз изменений ситуации. Появятся признаки периода спада, надо уметь откровенно признать наступление спада. Спрашивается: в какой стадии ныне находится наша революция? Она переживает период спада. Посмотрите! Потерпел неудачу поход на Жэхэ, возникло «Хесанское дело», разгромлены все революционные организации. Разве это не спад? В такой ситуации надо запомнить урок: «шаг вперед, два шага назад». Скажем, надо избежать наступления и лобового противоборства и отступать до тех пор, пока не создастся благоприятная ситуация. Вот в чем путь спасения революции».

Он пытался навязывать свои суждения всем бойцам

тайного лагеря. Это было то время, когда из-за последствий похода на Жэхэ и «Хесанского дела» революция была в весьма скованном положении. На первый взгляд, казалось бы, его утверждения были логичны.

Но партизанки тайного лагеря тут же заметили, что его голос чужд голосу Ставки Командования.

Они с места опровергли его утверждения. Они заявили: «Объективная ситуация оказывает большое влияние на революционную борьбу. Этого, разумеется, и мы не отрицаем. Однако это не значит, что надо всегда покоряться обстоятельствам. Чем неблагоприятнее ситуация, тем активнее революционеры должны противодействовать этому, чтобы превратить беду в счастье. Такова воля товарища Командующего. Корейские коммунисты боролись всегда – и когда ситуация была благоприятна, и когда она была иной. Если корейские коммунисты укрывались бы, когда складывалась неблагоприятная ситуация, а действовали бы только тогда, когда она становилась благоприятной, то вряд ли они могли бы иметь свой постоянный вооруженный отряд – Корейскую Народно-революционную армию? Могли бы они тогда продвинуться через лес штыков на родную землю и совершить такую смелую военную операцию, как налет в Почхонбо? Марксизм-ленинизм – учение коммунизма. Поэтому руководствуясь им в революционной деятельности и на практике – это, разумеется, похвальное дело. Но и марксизм-ленинизм, как часто подчеркивает товарищ Командующий, следует творчески применять в соответствии с реальными условиями корейской революции. Не следует применять его наобум. Вы, видно, неправильно понимаете и суть тезиса «шаг вперед, два шага назад». Разве вы не знаете,

что корейская революция развивалась, пробивая себе дорогу, полную трудностей и преград? Вы говорите: наилучшая мера в нынешней ситуации – только отступление. Спрашивается, есть ли у нас тыл, куда нам отступить? Если мы отступим, кто же подготовит период подъема революции? Как указал товарищ Командующий на Наньпайцзыском совещании, чем нам труднее, тем активнее мы должны идти навстречу трудностям и таким образом превратить неблагоприятную ситуацию в благоприятную».

Тогда Ким Чен Сук как никто резко критиковала Ом Гван Хо за пораженческую психологию. С идеями, чуждыми линии Ставки и ее тактическому курсу, она ни на йоту не примирялась, решительно выступала против них. Она была до мозга костей сторонницей главенствующей роли идейности.

Получив такой отпор от партизанок, Ом Гван Хо приводил те или иные цитаты из трудов Маркса и Ленина, пытаясь все-таки оправдывать себя. Но чем больше он старался, тем больше от его слов несло порочностью и гнилью. Споры во всей наготе обнажили его нутро как честолюбца, как оппортуниста. Лишь тогда партизанки поняли, почему он все лето, отсиживаясь в тайном лагере, гонял лодыря, ничего не делая для обеспечения лечения больных и для подготовки всего необходимого на зиму.

Однако они не приклеивали к нему политический ярлык «изменника» или «капитулянта». Поскольку споры шли в ходе занятий, то дискуссия могла бы закончиться благополучно, если бы он, осознав свои теоретические ошибки, скромно признал правоту товарищей. Мы никогда не спешили ставить вопрос в связи с теми или иными

идеологическими ошибками, проявившимися в ходе дискуссий. Уровень знаний, подготовленности у каждого неодинаков, и вполне могут обнаружиться определенные разногласия в понимании, познании явлений и вещей. Не может быть, чтобы все без исключения с самого начала стали идеологически безупречными людьми.

Идеологическая незрелость человека устраняется в ходе учебы и практики революции, в процессе этого он проходит идеологическую закалку и становится зрелым. Поэтому и в случае, когда звучали идейно смутные утверждения, чуждые принципам революции, мы не бросались сразу осуждать, не критиковали, а старались до конца просвещать недопонимающего методом дискуссии.

Однако Ом Гван Хо вместо того, чтобы воспринять выступления партизанок как справедливые и постараться преобразовать свое сознание, стремился приукрашивать свое подлинное лицо – лицо капитулянта – и стал искать пути к мести своим противникам в споре.

Его истинное лицо как нельзя лучше раскрылось в ходе притеснения партизанок.

Его издевательство над женщинами ничем не отличалось от акций работников «комитета по ликвидации реакционеров», которые совершались в Цзяньдао в дни борьбы против «Минсэндана». Скорее всего, оно по своим мотивам, по преследуемой им цели было более подлым, более вероломным и коварным.

Притесняя партизанок, Ом Гван Хо преследовал цель – прикрыть свои преступления. Пытаясь заткнуть им рот, он решил приписать им сфабрикованные «преступления», обвинив их в придуманных им самим грехах. Он рассчитывал: пусть эти женщины станут преступницами – тогда

они не осмелятся придирааться к нему, да и не смогут доложить об этом в Ставку. Какой это трусливый, опасный образ мышления!

В Цинфэнском тайном лагере был один юный новобранец. Как-то раз он, не доложив Ом Гван Хо, куда-то незаметно улизнул. Начальник лагеря тут же поднял шум: появился, мол, дезертир, и пустил в ход поисковую группу. Бойцы обнаружили его у костра, недалеко от лагеря. Там он пек на огне картофель. Возвратившись в тайный лагерь, группа доложила Ом Гван Хо о том, что сами видели. «Временная отлучка новобранца, – говорили они, – не дезертирство. Его одолел голод, и он пошел печь картофель». Кстати, тот юный боец был мало закален в борьбе с голодом.

Однако Ом Гван Хо, все время норовивший найти шанс сфабриковать ошеломляющий весь лагерь «инцидент», все равно квалифицировал поступок новобранца как дезертирство. А костер, что он развел, чтобы испечь картофель, интриган выдал за попытку дать сигнал противнику. Так и Ом Гван Хо прикрепил ему даже ярлык «шпиона». Как ни оправдывал себя новобранец, но все было без толку. Ом Гван Хо пустил в ход даже пытки, требуя ответа на вопросы: «Какое распоряжение ты получил от врага? Кого еще втянул в эту затею?»

Вместо того, чтобы отнестись по-доброму к своему подчиненному, который еще вчера ел из общего котла и жил со всеми вместе, он приклеил ему ярлык «дезертира» и «шпиона». Вдобавок применил к нему жестокие пытки! Какое это вопиющее бесчинство!

Что касается того новобранца, которого Ом Гван Хо квалифицировал как «шпиона», то он, и вправду, был еще

не вполне достаточно воспитан, но он отличался высоким классовым сознанием. У него не было никаких мотивов, чтобы дезертировать, не было и причины стать лазутчиком. Несмотря на это, Ом Гван Хо продолжал попытки до тех пор, как не добился от него ложного признания: он, мол, втянул партизанок в «диверсию» и попытался отравить ядом товарищей по революции, находящихся в тайном лагере. Ом Гван Хо дошел до того, что на основе этого «признания» арестовал партизанок и даже позволил себе насилие над ними.

Я никак не мог понять, с какой стати он скатился до такой низости. Ведь он много лет вел работу с людьми, кричал о единстве и сплоченности рядов. Лишь позже, при рассмотрении его преступлений, мы поняли, что побудило его обернуться таким мерзким человеком.

Он считал направление его в тыловой тайный лагерь понижением по службе. Был недоволен решением Ставки об освобождении его от должности политработника. И он преднамеренно гонял лодыря, не выполняя своих обязанностей хозяйственника.

После споров с партизанками он все время выдвигал одно за другим ультрареволюционные требования. Ясно, что это было нужно для того, чтобы прикрыть свое непристойное лицо – лицо сторонника пораженчества. Так, под предлогом мобилизационной готовности он то и дело объявлял сбор по тревоге, что буквально изводило больных и слабых. И еще: под вывеской экономии продовольствия велел есть раз в день, тогда как до того ели два раза, – таким образом, умышленно заставлял людей жить впроголодь.

Действительно ли в Цинфэнском тайном лагере фак-

тически не оставалось запасов съестного, чтобы люди ели раз в день? Нет. Правда, зерна не было, но картошки-то в погребе имелось немало. Неподалеку от лагеря на пологом склоне горы, в лесной чаще, находилось довольно широкое поле. Там возделывали и картофель, и капусту. Если бы он добросовестно выполнял свое дело, то весь отряд мог бы провести хоть всю зиму в Цинфэне.

Но он решил, что ему закрыт путь к карьере. С того момента его одолела лень в революционной работе. А когда международная ситуация и положение в стране приняли сложный, трудный характер, он начал считать перспективы революции туманными. Такая его идеологическая «болезнь», в конечном счете, обнаружилась в ходе дискуссии.

Когда он совершал такой опасный произвол, единственным лицом, кто мог бы остановить его, был политический руководитель лагеря Ли Дон Гор. Он, комиссар 7-го полка, был старше Ом Гван Хо по служебному рангу. Он был ранен, и мы, когда переходили в глуши под Цидаогу к рассредоточенным действиям, отправили его в Цинфэн с заданием заниматься там политработой.

Однако Ли Дон Гор, обольщенный лестью и ловкими увертками Ом Гван Хо, не смог разглядеть суть дела и правильно разобраться в положении вещей. Если бы мы не направили связного в Цинфэн, то несомненно осуществились бы черные замыслы Ом Гван Хо, и партизанки лишились бы жизни.

При расследовании дела я пришел к выводу: Ом Гван Хо – это более подлый, более жестокий тип, чем Ли Чон Рак. Преступления последнего совершились после того, как он был захвачен врагом и ему было навязано отступ-

ничество. Но у Ом Гван Хо дело другое – он, находясь в революционных рядах, идейно разложился, переродился и совершил реакционные действия: подкапывался под товарищей, притеснял их, чтобы прикрыть свое разложение и перерождение.

За исключением первой половины 1930-х годов, когда партизанские районы Цзяньдао переживали «родовые муки» из-за шумихи вокруг «Минсэндана», в наших рядах не было таких явлений, как пытки и наказание. Ошибки и недостатки внутри рядов мы исправляли методом разъяснения, убеждения, критики и самокритики. О таких криминальных действиях, как пытки, применяемые командирами к своим подчиненным, не могло быть и речи.

Однако Ом Гван Хо, когда была сброшена маска с его подлинного лица, стал строить свои отношения с бойцами как отношения враждебные, антагонистические: «кто кого?» Не гнушался и травлей несогласных с ним. Он решил: «Чтобы мне оставаться в живых, надо убивать бойцов». Для реализации своего умысла он обвинил в дезертирстве и шпионаже новобранца, не так уж серьезно нарушившего дисциплину, выдал зубной порошок, употребляемый партизанками, за «яд». В конце концов, пытался выдать хозяев зубного порошка за шпионок.

Ом Гван Хо несколько месяцев работал вместе с Ким Чен Сук в подполье в поселке Таоцюаньли. И, зная ее, он не постеснялся обвинить ее в шпионаже! Какое нахальство! Он как никто хорошо знал, какова Ким Чен Сук.

Случай с Ом Гван Хо показывает: если человек горит жаждой карьеры, то он может обернуться злодеем, которому чужды и организации, и товарищи, и моральный долг, может превратиться и в ренегата революции. Как он

сам потом признался, он задумал даже убежать во избежание ответственности за вину, если провалится его заговор против партизанок.

Как мы видим и на примере Ом Гван Хо, в революции зачинщиками скандалов бывают разного рода «ультра» и радикалы, себялюбцы и двурушники, лицемеры, а также тот, кто работает по настроению, ворчуны и карьеристы. Не примешь заблаговременных мер в отношении таких типов – не миновать большой беды.

Случай с Ом Гван Хо дает урок: не будешь постоянно трудиться над идейным самовоспитанием – потеряешь веру в победу революции, станешь человеком недовольным, малодушным и трусливым, начнешь сгибаться даже перед небольшими трудностями, в конце концов, переродишься в сторонника пораженчества и причинишь большой вред делу революции.

«Инцидент с разоблаченной шпионской группой», состряпанный Ом Гван Хо, был чрезвычайным происшествием, которое чуть не повлекло за собой громадный вред единству идей и воли в наших рядах, их морально-нравственной сплоченности. Вот почему мы, всерьез обсудив вопрос об Ом Гван Хо на заседании парткома Ставки Командования, вынесли его на рассмотрение массового суда на слете командиров и бойцов, что проходил в Бэйдадинцзы.

Когда был оглашен со всеми подробностями случай в Цинфэнском тайном лагере, все командиры и бойцы единомысленно поддержали партизанок, которые защищали нашу линию, не изменив своим убеждениям и в самых что ни на есть адских условиях. Вместе с тем они требовали от имени Народно-революционной армии ликвидировать

Ом Гван Хо и Ли Дон Гора – того, кто, не сумев точно разобраться в сути дела с высокой политической точки зрения, попустительствовал преступлению.

Вначале Ом Гван Хо всячески тшился оправдывать себя. Но, подвергнутый массовому осуждению, признался затем в своих преступлениях. Он со слезами на глазах умолял помиловать его.

В противоположность этому Ли Дон Гор с самого начала ни слова не произнес в свое оправдание, чистосердечно признался в своей провинности и сам потребовал казнить его. Столь близко к сердцу он воспринял критику со стороны масс, столь глубоко раскаивался в своих проступках.

Ли Дон Гор был по характеру кремень и в то же время был добросердечен, привлекателен. По части политрабoты и подполья он был признанный мастер. Мы на Наньпайцзыском совещании назначали О Чун Хыба командиром 7-го полка, а Ли Дон Гора – к нему полковым комиссаром. Тогда мы ценили эти его качества и богатый опыт политической работы.

И вот такой человек допустил ошибку: оказался игрушкой в руках младшего по рангу командира. В тайном лагере он жил вместе с Ом Гван Хо в одном помещении. Здесь он поддался лести и подхалимству Ома и к тому же не вел как следует работу с бойцами. Разумеется, он был тяжело ранен, и, думаю, у него было мало времени для работы с ними. Но он мог хотя бы вызывать бойцов к себе в комнату, если был не в состоянии сам выходить из нее. Хотя бы таким образом надо было часто общаться с бойцами.

Когда Ом Гван Хо поднимал в тайном лагере шумиху вокруг «инцидента с разоблаченной шпионской груп-

пой», Ли Дон Гор должен был поговорить хотя бы с одним бойцом. Тогда он тут же узнал бы всю подоплеку дела. Однако Ли Дон Гор, выслушав доклад Ома, ни с кем не встречался, оставил все на его усмотрение, допустил, чтобы тот безнаказанно творил пакости. Так, Ом Гван Хо заявил: «Надо допрашивать новобранца», – Ли Дон Гор согласился, а когда требовал арестовать партизанок, тоже согласно кивал головой.

Ли Дон Гор слушал только Ом Гван Хо, а к голосу бойцов даже и не прислушивался. Вот почему он не мог уберечь политическую жизнь людей от интриг такого честолюбца, как Ом Гван Хо. В этом и состояла вина Ли Дон Гора как политического работника. Вот почему все бойцы и командиры ставили Ли Дон Гора на одну доску с Ом Гван Хо. Если политработник не дышит одним воздухом с массами, то ему не миновать таких последствий.

Руководящим работникам, отвечающим за политическую жизнь человека, ни на час не следует забывать о необходимости дышать одним воздухом с массами. Дышать одним дыханием с массами – это значит: люди возьмутся за лопату – ты тоже возьми лопату; люди питаются чумизой – ты тоже кушай чумизу, словом, во всем дели судьбу с народом. Тот, кто не дышит постоянно одним дыханием с массами, не может хорошо понять чувства, психологию народа, не знает, в чем он нуждается, к чему он устремляется.

У отдельных наших работников наблюдаются такие замашки: они преследуют тех, кто их критиковал, всякими методами, открытыми и скрытыми. Даже в зависимости от степени резкости критических замечаний делают ни в чем не повинных предметом игры с судьбой их по-

литической жизни. Не исключение и такие, кто склонен верить только одному-двум подхалимам и необдуманно решает вопрос о судьбе человека. Если руководящие работники, злоупотребляя своим служебным положением, будут самовольно решать вопросы о судьбе политической жизни человека, то это причинит обиду народу, вызовет у него ненависть, приведет к отрыву партии от масс.

Наша партия проводит высоконравственную политику. Наша страна – это такая страна, где благодаря этой политике весь народ живет в одной большой дружной семье. Наша высоконравственная политика призвана охранять не только физиологическую, но и политическую жизнь человека, заботиться о его судьбе. Наша партия больше всего дорожит политической жизнью человека.

Объединение людей, образованное общностью их идей и идеалов, – это и есть организация, есть партия, и каждый человек в этом коллективе ведет свою политическую жизнь. Вот почему политическая жизнь миллионов людей и есть жизнь их организации, жизнь партии.

Стало быть, необдуманные попытки «резать ножом» политическую жизнь человека или очернять ее сокращают продолжительность жизни партии. Если партия хочет своего «долголетия», если хочет жить до осуществления своей программы-максимум, ей следует умело вести работу с людьми, надежно охранять их политическую жизнь. Вот чему учит цинфэнский урок. Вы, товарищи, должны всегда твердо помнить этот урок.

Ошибки Ли Дон Гора были серьезные, но он был достоин помилования. Он допустил ошибки потому, что, предав забвению долг политического руководителя, позволил себе быть обманутым Ом Гван Хо. Он не был за-

чинщиком дела. Но он вел себя как посторонний, согласился со всем, что тот ему предложил, закрыв глаза на подлый заговор.

Учитывая все это, мы ограничивались только понижением его по службе.

Избежав строгой кары, Ли Дон Гор пришел ко мне и говорил, что на него наложено слишком легкое взыскание.

– Хотел бы подвергнуться более суровой каре. Прошу послать меня на самое опасное место. Мою вину можно искупить только кровью и жизнью. Только тогда боевые друзья простят меня. Будут называть меня, как и прежде, товарищем.

После этого Ли Дон Гор честно выполнял задания Ставки. Арестованный врагом, он, будучи приговорен к смертной казни через повешение, погиб в Содэmunской тюрьме накануне дня освобождения Кореи, дня 15 августа.

В годы антияпонской революции Ли Дон Гора (это его настоящее имя) называли также Ким Чуном.

9. Случай с солью

В июне 1949 года великий вождь товарищ Ким Ир Сен руководил работой малого заседания Кабинета Министров КНДР. Тогда был рассмотрен вопрос об отмене карточной системы распределения соли и о введении ее свободной продажи.

В тот день, заключая заседание, он отметил: «Многое мы испытали в годы антияпонской вооруженной борьбы, но, помнится, едва ли не самыми мучительными были дни, когда мы оставались без соли. Поэтому, когда мы боролись в горах, всеми силами старались не оставаться без соли, даже когда не оставалось продовольствия. Теперь у нас быстро растет добыча соли, создан ее запас, значит, можно переходить к ее свободной продаже».

Приняв меры по обеспечению свободной торговли солью, товарищ Ким Ир Сен вспоминал перед руководящими работниками о том, как мучились люди без этого продукта во время Трудного похода. Ниже приводим собранные вместе его неоднократные воспоминания об известном людям «Случае с солью».

Случай с солью, о котором мне хотелось бы рассказать, произошел весной 1939 года на исходе Трудного похода. Я не могу его забыть и поныне.

Человек не может жить без соли. Когда в организме не хватает соли, опухают руки и ноги, ты теряешь силы, передвигаешься с трудом.

Без соли не могут существовать и травоядные животные. В лесу можно обнаружить вокруг лужицы с солено-

ватой стоячей водой много оленьих рогов. Это и понятно: олени часто приходят туда в поисках соли.

В партизанской жизни у нас были четыре основные трудности из-за недостатка предметов первой необходимости: продовольствия, обуви, спичек и соли. Если спросите, какая из них самая тяжелая, нестерпимая, то, пожалуй, большинство ветеранов антияпонской революции ответили бы, что это нехватка соли.

Вообще в районах Северного и Западного Цзяньдао соли не хватало. А тут еще местное ведомство ужесточило контроль за ее распределением. И, естественно, она стала для населения редкостью. То же самое было и в районах Маньчжурии – продажу соли ведомство полностью монополизировало. Враги держали соль под строгим контролем в населенных пунктах, чтобы она не попадала к бойцам Народно-революционной армии.

Торговцы ввозили ее из Кореи контрабандой и, обходя населенные пункты, продавали ее понемногу из-под полы. Но это не очень помогло. В глухомани Цзяньдао было немало таких семей, которые употребляли вместо соли настои из вымоченной древесной золы. В Восточной Маньчжурии я видел, как одна семья обходилась маленьким кусочком каменной соли при каждом приеме пищи. Когда я действовал в Ванцине, как-то раз побывал в роте Чвэ Чхун Гука. Там я спросил Ко Хён Сук, какие самые большие трудности у нее как поварихи. В первую голову назвала она нехватку соли. Ко Хён Сук жила по соседству с О Бэк Рёном. Во время карательных операций противника она потеряла много родных и затем вступила в партизанский отряд, чтобы отомстить врагу. В отряде ее назначили поварихой. Каждый раз, когда я обедал в роте, она

очень стеснялась того, что скуден, мол, гарнир. А когда бывало так, что на стол подавалась пища без соли, то она, очень смущенная, не могла даже поднять глаза на меня и лишь растерянно стояла возле топки на кухне, не зная, куда деваться.

По словам Ко Хён Сук, и у нее семья не раз обходилась при еде кусочком китайской каменной соли величиной с фасолину.

Во время Второго похода в Северную Маньчжурию с солью так было туго, что в отдельной роте, бывало, каждый боец носил маленький мешочек НЗ соли на поясе. Мешочек был объемом, как футлярчик для печати, – в него едва можно было засунуть палец. Соль из этого мешочка употребляли в самом крайнем случае, когда уже совсем неоткуда было ее достать.

Тем, кто не испытывал на себе острую нехватку соли, мой рассказ, вероятно, покажется сказочным. В партизанские годы не один боец погиб, отправившись на поиски соли во вражеском районе. Много погибло и подпольщиков при попытках достать и передать нам соль. Основным каналом получения соли для нас и было как раз подполье. С полученными от нас деньгами подпольные революционные организации направляли людей на покупку соли. Разумеется, поступала в партизанский отряд и часть соли, которую приобретали жители за свой счет.

Враги ясно представляли, по каким каналам к нам поступает соль. Они отлично знали и то, какие большие трудности мы испытываем из-за ее нехватки. Это давало противнику шанс использовать соль как орудие плетения страшных интриг против нас, как средство разгрома Народно-революционной армии. Противник рассчитывал:

если его игра с солью пройдет успешно, то это поможет ему захватить поголовно всех бойцов революционной армии живьем или разбить их наголову, притом без единого выстрела.

На своем опыте враг отлично понимал, что ему одним военно-политическим противоборством нашу Народно-революционную армию не победить. Поэтому он проводил то «операцию по содействию капитуляции», то политику «коллективных поселений», то тактику «выжженной земли». Одно время он, состряпав «Минсэндан», пытался подорвать изнутри наши революционные силы, сея межнациональную рознь и рассчитывая, таким образом, вбить клин между народами двух стран – Кореи и Китая.

Японцы изобретали даже разные версии об «убийстве Ким Ир Сена». Они из кожи лезли вон, чтобы остановить неудержимое распространение в народе добрых вестей о нас. Пускались в ход газетные утки: «Ким Ир Сен убит, его нет, значит, теперь конец борьбе за независимость Кореи». Таким образом тщились обдать холодной водой горячий антияпонский порыв корейской нации. В то время немало органов печати Кореи и Маньчжурии беззастенчиво помещали на своих страницах внешне правдоподобные в виде репортажей публикации с описаниями, в каком бою и как потерпел крах Ким Ир Сен.

Так, в ноябре 1937 года газета «Кёнсон ильбо» писала о том, что карательному отряду войск Маньчжоу-Го после пятичасового сражения удалось разбить нас, что и Ким Ир Сен, – кстати, он и его отец на протяжении двух поколений продолжали движение против Японии и Маньчжоу-Го, – был загнан в тупик карательным отрядом и, в конце концов, на 36-м году жизни окончил свое

существование, полное лишений и невзгод.

И журнал «Тесинь», издававшийся в марионеточных войсках Маньчжоу-Го, поместил статью о нашем разгроме под заголовком «Подробное сообщение о карательных операциях против банды Ким Ир Сена». В ней говорилось, будто бы я подвергся внезапному налету войск Маньчжоу-Го под Янмудинцзы уезда Фусун и в результате неравного боя был убит вместе с 8 бойцами, а жители поселка якобы подтвердили: «Да, это и есть Ким Ир Сен».

Говорили даже, что за эти «заслуги» некий Ли, командир роты 7-го полка марионеточных войск Маньчжоу-Го, получил от командующего Квантунской армией и министра общественной безопасности Маньчжоу-Го внеочередное повышение в звании, похвальную грамоту и премию в сумме 10 тысяч юаней.

Но после этого дело обернулось весьма скверно: Ким Ир Сен, как назло, появился снова, так сказать, воскрес.

Какую цель преследовали японские империалисты, проводя биологические эксперименты над корейцами и китайцами? Несомненно, это было направлено против народов и революционных армий двух стран – Кореи и Китая, а в перспективе – на физическое истребление всех враждебных завоевателям сил, мешающих установлению ими господства над Востоком.

Но никакими средствами и методами не удалось врагам погасить пламя антияпонской революционной борьбы, ликвидировать по-прежнему существующую и действующую Корейскую Народно-революционную армию.

Озлобленные неудачами враги отравляли ядом не только колодцы, но и пытались заслать к нам и отравленные хлеб,

соль и зерно, чтобы таким подлым способом свести с нами счеты.

Едва прибыв в Чанбай, мы чуть не попали в такую ловушку противника. То было время, когда мы, продвигнувшись в Западный Цзяньдао, дали первый бой в Дадэшуе, затем – в Сяодэшуе и остановились в Машуньгоу, где мы проводили подготовку к осеннему празднику *чхусок*. Как-то раз прибежал ко мне разводящий и доложил: «Появился какой-то старик возле будки, ни с того ни с сего требует повидать командира. Не знаю, как быть? Пришел к вам узнать ваше мнение».

Я принял того старика. Он сообщил о том, что соль, которую мы достали в Чанбае, отравлена. Говорил, что это дело рук противника. Чтобы проверить его донесение, мы попробовали соль на животном. Яд тут же дал себя знать.

Если бы старик не сообщил нам об этом своевременно, то случилась бы действительно большая беда. Попытки противника ликвидировать нас путем отравления соли предпринимались все чаще, ибо мы все острее испытывали ее нехватку.

И весной 1939 года мы оставались без соли. Как мучились мы тогда! То было время, когда полки, воевавшие рассредоточенно, собрались вместе и действовали совместно со Ставкой, завершая Трудный поход. Поход был близок к концу, и настроение у бойцов было куда как хорошо. Тогда у нас и продовольствие было, и погода стояла теплая. С наступлением весны боевой дух у всех был приподнятый. Однажды, однако, у нас случилось нечто странное: на пути похода бойцы, словно пьяные, вдруг утрачивали равновесие и шатались из стороны в сторону.

Было бы ладно, кабы случилось это только с несколь-

кими бойцами, а тут – сразу с массой. Действительно это была большая беда. Лица у всех бойцов распухли. Отеки у некоторых из них были так сильны, что они не могли даже открыть глаза.

Причину обессиленности бойцов я нашел в соли. Решил, что и причина сильных отеков – в нехватке соли.

Накануне члены нашей Ставки дней десять жили без соли. Я обратился к О Чун Хыбу: «Когда у вас кончилась соль?» Он ответил, что 7-й полк почти не имел возможности даже попробовать соли после того, как расстался со Ставкой. Ясно стало, чем вызвано это необычное состояние людей.

Я просто был ошеломлен тем, что случилось такое несчастье в то время, когда поход был завершен и я задумал снова продвинуться в пределы Кореи и ударить по врагу. Надо было во что бы то ни стало достать соль – иначе погибнет весь отряд.

Я подыскивал подходящего человека, который мог бы добыть ее во вражеском районе. О Бэк Рён, возглавлявший комендантскую роту, порекомендовал новобранца Ким Бон Рока.

Ким Бон Рок – это юноша, который пришел к нам, следуя за нами с трофеями на спине, и, решив не возвращаться домой, вступил в наш отряд. С тех пор прошло немного времени. Вел он себя прилично и воевал хорошо. О Чун Хыб тоже считал его аккуратным, исполнительным человеком. Он говорил, что его родители живут в Сигане, а коли пойдет юноша, то, по его мнению, он обязательно достанет соль.

Я вызвал Ким Бон Рока, спросил: «Сможешь ли ты решить эту задачу?» Он ответил: «Пойду и постараюсь».

В эту пору отец ходит в лес за дровами. Если я пойду в штатской одежде, то не попаду на глаза тайных агентов. Встречусь с отцом – тогда вопрос с солью не будет стоять и выеденного яйца».

Мы дали задание Ким Бон Року и прикрепили к нему одного помощника. Вместе с тем бойцом он отправился на добычу соли.

Его отец, встретившись со своим сыном, несказанно обрадовался и сказал: «Какой ты молодец, что стал солдатом Полководца Кима! Раз ты под его попечением, у меня на душе спокойно. Но в эти дни япошки говорят, что, мол, с Полководцем Кимом стряслось несчастье. Правда ли это?»

А Ким Бон Рок ответил: «Это неправда. Я только что из военного лагеря нашего Полководца. По его приказу пришел встретиться с тобой, отец. Он здоров». Услышав сына, отец не знал, что делать от радости. Он со слезами на глазах говорит: «Еще бы! Так и должно быть! Правда, мы было пали духом, когда дошли до нас слухи: случилось-де несчастье с ним. Значит, Полководец Ким жив! Теперь все будет в порядке».

Узнав о причинах прихода своего сына домой, старик диву давался: «Виданное ли дело? Из-за соли революционная армия доведена до такого состояния, что не может даже воевать? Что бы ни случилось, достану соль и облегчу беспокойство Полководца Кима».

Хотя старик уверенно заявил так сыну, но достать соль оказалось не так легко, как обещать на словах. Еще можно было купить одному человеку один-два кына соли, но брать больше было опасно: можно вызвать подозрение противника. В те времена ведомство Маньчжоу-Го и по-

лицейские учреждения не разрешали продавать в магазинах соль сверх определенной нормы. Их служители то и дело приходили в магазины, тайно расследовали и контролировали продажу этого продукта. Да и среди торгашей были их прихвостни, которые регулярно доносили им о ходе торговли товарами среди населения.

Отец Ким Бон Рока мог бы в одиночку купить малость соли, но, услышав от сына, что в походе участвуют несколько сот бойцов, он решил достать хотя бы на один-два кына больше и обратился за помощью к соседу-старика, с которым он всегда жил душа в душу. Выслушав его, старый сосед обещал помочь. Однако, как на грех, этот сосед, малость возгораясь, рассказал еще одному своему близкому приятелю-старика: Полководец Ким Ир Сен, мол, прислал с гор человека за солью, а он вызвался внести свою долю. И добавил: «Если ты хочешь оказать помощь партизанам, попробуй достать соли столько, сколько сможешь». Вот и третий старик уже собрался было приобрести соль. Но, увы, это-то и стало истоком беды. Тот третий старик, не зная, что его собственный сын, член прояпонского общества «Кёвакай», – сыщик, и выдал секрет. В то время японские империалисты, организовав так называемые «группы по умиротворению» и «группы по содействию капитуляции», вели как раз кампанию по «содействию капитуляции». В той подлой затее играли свою роль и члены этого общества.

Сын старика, японский сыщик, сразу донес своему начальству о том, что он услышал от своего отца.

Таким образом, спецслужбы Квантунской армии узнали, что мы собираемся через стариков закупить

большое количество соли. И они приняли свои меры: приказали полицейским учреждениям скупить всю соль, имевшуюся в продаже в магазинах района Сигана, и доставить в торговую сеть другую соль, экстренно привезенную из Чанчуня на самолете. Та соль, которую противник доставил на самолете, была отравленной. Она не убивала сразу. Но после еды с этой приправой постепенно появляется головная боль, подкашиваются ноги, теряется боеспособность. Да где уж было знать или даже предположить такое отцу Ким Бон Рока и другим старикам, ходившим за солью! Злодеяние было задумано и подготовлено противником строго секретно. Даже такие, казалось бы, сообразительные люди, как торговцы, которые отличаются особой смекалкой, словно сторожевые собаки в овчарне, не сумели ничего учуять об этой коварной затее.

И двое стариков, взвалив соль на спины, отправились вместе с Ким Бон Роком к месту партизанской стоянки. Они пришли к нам в отряд днем, примерно в час или два.

Поблагодарив их, я сразу же приказал раздать соль по частям.

В то время Ким Чен Сук всегда носила с собой уксус, чтобы обеспечивать безопасность Ставки. Она отвечала за приготовление пищи для Ставки. Капнув уксусом на ту соль, которую принесли на долю Ставки, она забила тревогу: «Соль кажется отравленной!» Разбавишь уксусом – легко узнаешь, отравлена пища или нет. Уксус быстро реагирует на яды.

Благодаря ей члены Ставки и бойцы комендантской роты не использовали отравленную приправу. Вообще они считали правилом своей морали и дисциплины не есть никакой пищи, пока не примется за еду Командующий. И в

тот день они ждали время, когда я вернусь в палатку после собрания, и не решались приняться за обед.

Пока шло собрание, мне доложили, что соль, принесенная стариками, кажется отравленной, и я объявил перерыв. Подбросил соль в костер – она горела синим пламенем. Если соль отравлена, то она горит таким синим огнем.

Я велел начальнику интендантской службы собрать обратно всю соль, разданную по частям. Получив распоряжение Ставки вернуть ее назад, командиры не на шутку растерялись: мол, бойцы уже малость попробовали ее. Отдельные части, даже получив приказ вернуть назад соль, не собирались повиноваться. Рассуждали некоторые бойцы так: «Что это? Возможно ли отравить соль?» Нашлись и такие партизаны, что спрятали драгоценный продукт в свои маленькие мешочки.

Нас больше всего встревожили 7-й и 8-й полки, которые уже поели пищу с той солью и ушли на задание – совершать внезапные налеты.

Мы запланировали вечером того дня ударить по врагам, достать продовольствие и продвинуться в направлении Хэйсяцзыгоуского тайного лагеря. Вот почему было дано боевое задание бойцам 7-го и 8-го полков.

Не было сомнения, что враги, пытавшиеся отравить нас, налетят на нас с рассветом. Но беда была в том, что наши основные боевые отряды уже ушли выполнять боевые задания. Было отчего встревожиться! Я решил как можно скорее вызвать их обратно, для этого направить за ними ординарцев. Но не тут то было: ушедшие бойцы уже возвратились обратно, выбившиеся из сил, с трудом дышащие. Я впервые видел такого обессиленного О Чун

Хыба, который доложил мне, в чем дело. То же самое произошло и у других бойцов. Некоторые товарищи свалились на полпути: ноги у них так подкашивались, что они не в силах были добраться до бивуака.

По всей вероятности, противник задумал налететь на нас, когда мы, отведав соли, полностью лишимся боеспособности, и одним ударом либо поголовно перебить, либо всех захватить в плен. Расчет хитрых врагов, вероятно, был таков: за сколько-то часов «соленый» груз дойдет до нашей части, через сколько-то часов мы употребим ее в пищу; пройдет столько-то часов, и весь наш личный состав свалится, будучи не в состоянии двинуться с места. Обстановка была весьма критическая. За исключением членов Ставки, весь отряд, парализованный ядом, чего доброго, подвергнется вражескому нападению. Вопрос стоял ребром: либо отряд погибнет полностью, либо, к великому счастью, выживет и продолжит сопротивление японским захватчикам.

Я был обеспокоен куда больше, чем весной 1937 года в Сяотанхэ, где мы были окружены многотысячными ордами противника. Не знаю, как выразить словами ту растерянность, которую я испытывал тогда.

В Сяотанхэ нас окружали вражеские полчища в несколько тысяч штыков, но наши бойцы не теряли боеспособность. В то время мы готовы были на крайний случай с боем прорвать кольцо окружения. Но на этот раз – куда там! – обстановка была совершенно другой. Приходилось встречаться лицом к лицу с противником, когда отряд был отравлен ядом. Вот в какой мы попали заколдованный круг!

Мы всерьез обсуждали создавшееся положение. Неко-

торые возмущенные товарищи предлагали немедленно расправиться со стариками, доставившими нам соль. Они, мол, прихвостни противника. Если они не цепные псы врага, то с какой стати принесли нам отравленную соль?

Но такое их суждение не соответствовало логике дела. Если бы старики были тайно связаны с противником, знали заранее, что это отравленная соль, то почему же они сами принесли ее к нам, а не передали партизанам, спустившимся тогда в поселок Сиган? К тому же не может быть так, чтобы отец принес отравленную соль для убийства своего сына.

Я резко упрекнул тех, кто предложил ликвидировать двух стариков. Я им говорю: «Ликвидировать их? Какое это сумасбродство! Надо же тепло относиться к старикам, которые пришли к нам с тяжелым грузом на спине, притом с риском для жизни, для того, чтобы их сыновья воевали хорошо. А вы что? Вы, кажется, не только отравлены ядом, но даже лишились разума. И те старики, как и мы, не знали, что соль отравленная. Сейчас мы попали в ловушку. По моему предположению, противник обязательно нападет на нас, когда эффект отравления достигнет предела. Поэтому те, кто в состоянии двигаться, должны быстро готовиться к бою и принять срочные меры, обезвреживающие яд. Нет иного выхода. С рассветом появится враг. Ныне мало у нас бойцов, способных воевать. Именно сегодня нас ждет смертельный бой».

Но все бойцы главных полков говорили: обессиленные, они не в состоянии двигаться. Я стоял на своем: «Как вы ни выбились из сил, надо покинуть эту местность, пока не налетел противник. Пока теплится в вас жизнь, хоть ползком, но всем надо добраться до безопасных лесных

массивов. Иначе прилетят вражеские самолеты, разбомбят, а наземные войска начнут артобстрел и потом окружают нас. Тогда мы все погибнем». Так я заставил личный состав главных полков ползком добраться до безопасных лесных массивов. А членам охраны Ставки и пулеметному взводу дал задание быть наготове к бою.

Спустя некоторое время, как мы и предполагали, налетели на нас враги. Нам пришлось в течение двух дней вести жаркие бои. Незначительное число бойцов пулеметного взвода и охранников Ставки, укрыв в безопасное место всех бойцов главных боевых полков, сильным ударом отбили вражеские атаки. Действительно, не на жизнь, а на смерть, здорово воевали тогда члены нашей Ставки.

Судя по свойству примененного яда, постепенно парализующего душевное и физическое состояние человека, противник, вероятно, рассчитывал захватить всех нас живыми. Удайся это ему, он тут же объявил бы миру, что на земле Маньчжурии «завершились карательные операции против коммунистической банды». Это было то время, когда враги трубили: «С разгромом отряда Ким Ир Сена завершатся карательные операции против партизанских отрядов».

После отражения атак противника мы пошли в лесные массивы, где укрылись полки. Устроили там больницу, варили и маш, и тыкву для отравленных, так примерно неделю лечили их. И результат: все полностью восстановили свое здоровье.

Из-за происшествия с солью я, действительно, хватил горя. Когда было разглашено, что соль отравленная, пуще всего расстроился Ким Бон Рок. Еще бы! Соль, принесенная ими, отцом и сыном, оказалась ядом. Надо ли гово-

рить, до чего им было тяжело! Лица у них были мертвенно-бледными, они не знали, куда деваться от жгучего стыда. Они, как преступники, ждущие кары, не могли даже вымолвить слова.

Я не раз убеждал двух стариков, принесших к нам соль на спине, в том, что мы не только не имеем никакого подозрения, но и, наоборот, благодарны им за искреннее желание помочь. Успокоив стариков, я дал Ким Иру, знавшему все ходы и выходы в районе Западного Цзяньдао, задание проводить их, но не домой, а в другой безопасный край. Интриги противника не просто потерпели неудачу, но и привели к гибели его многочисленных солдат. Кто знает, какую расправу учинят разъяренные враги над невинными стариками, взвалив на них ответственность за неудачу. Они могли убить отца Ким Бон Рока и его соседа уж только по той причине, что они, имея тайные связи с сыном-партизаном, потихоньку унесли партизанам большое количество соли.

Ким Ир со всей ответственностью выполнил данное мной задание. Обеспечив двум старикам безопасное убежище, он затем незаметно переселил туда и их семьи. Он также разведal, каким образом была отравлена соль, принесенная стариками. Подлецом оказался сын третьего старика.

В годы минувшей войны наемные шпионы противника, проникшие в область здравоохранения, не гнушались жестоким убийством – посягательством на жизнь больных. Разбавляя пищу ядовитыми веществами, они убивали людей. Это было преднамеренное вредительство, цель которого – сломить волю народа, посеять недоверие и раздоры в отношениях между медработниками. Амери-

канские империалисты не останавливались и перед бактериологической войной, чтобы истребить наш народ.

Контрреволюция никогда не брезгует любыми средствами и методами, совершая наступление на революцию. Как показывает история XX века, империалисты, будь они с Востока или с Запада, все без исключения, являются мастерами кровавой человекобойни. Они постоянно совершенствуют свое мастерство, свои способности, направленные на истребление народов, которые желают жить самостоятельно, вне зависимости от других. Современные империалисты проводят сейчас крупномасштабные подрывные операции, рассчитанные отнюдь не на уничтожение сотен революционеров или десятков тысяч бойцов революционной армии, а на одновременный развал всех социалистических стран. Поэтому мы должны всегда быть начеку по отношению к их проискам.

Я так мучился в горах от нехватки соли в годы анти-японской революции, что после освобождения страны каждый раз при встрече с людьми из северных пограничных районов первым делом спрашивал о положении с солью. Как-то раз, встретившись в Хучхане с заместителем председателя уездной потребительской кооперации, я спросил его, в каких товарах население уезда испытывает самую острую нехватку. Он отвечал, что это – соль.

Летом 1947 года я встретился у себя в рабочем кабинете с одним мальчиком из Чхансона, вернувшимся с гор Кымган, где дети отдыхали в оздоровительном лагере. Тогда и он говорил мне, что чхансонцы очень нуждаются в соли. И мы посоветовали тогда работникам торговли принять меры для обеспечения населения глухих горных местностей достаточным количеством соли. Провинция

Рянган – это, как и Северный и Западный Цзяньдао, является внутренним горным районом, отдаленным от морей. Поэтому там, может, и ощущается нехватка соли. Как-то раз во время войны я побывал в Косанчжине и видел, как остро нуждалась в соли и провинция Чаган. Тогда положение у нас было тяжелое: это был период нашего временного отступления. Несмотря на это, я непосредственно разрешил вопрос о снабжении солью жителей Косанчжина.

Руководящие работники должны постоянно заботиться о том, чтобы население внутренних районов страны не испытывало трудностей с солью.

И на оленьих фермах следует постоянно давать соль оленям.